

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

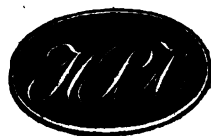
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЗАПИСКИ
РУССКАГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА,

А. Глаголева,
съ 1823 по 1827 годъ.

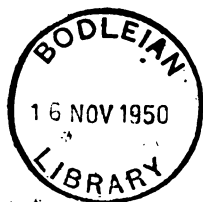
Ч А С Т Ъ П.

ТИРОЛЬ. ШВЕЙЦАРІЯ. Ліонъ.
Гренобль.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были три экземпляра въ Цензурный Комитетъ.

С. Петербургъ, Апрѣля 3 дня 1835 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ П-й ЧАСТИ.

Стран.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТИРОЛЬ.

ЗАЛЬЦБУРГЪ, 1893 года $\frac{26 \text{ Мая}}{7 \text{ Июня}}$.

Живописные виды города. Великолѣпное восхожденіе солнца
изъ за горъ. Публичные памятники. Ворота съ колоннами,
прорубленные сквозь гору.....?

АНТЕНЪ, деревня при подошвѣ Альпійскихъ горъ.

Рейхенгалльская ключевая соль. Осадка соли чрезъ испареніе,
изобрѣтенная Гаспаромъ Селеромъ. Освальдъ Шуеъ, творецъ
плана для поднятія и проведенія солевой воды чрезъ горы
198 саженой высоты. Исполнитель сего плана Рейхенстуйль.
Колеса Бадера и столбовой насосъ Рейхенбаха. Количество
добываемой ключевой соли. Подземелье соляныхъ источни-
ковъ. Водопроводъ сквозь гору Шютбергъ.....5.

ТИРОЛЬСКІЯ АЛПЫ, $\frac{27 \text{ Мая}}{8 \text{ Июня}}$.

Тирольскіе музыканты. Первая ночь въ горахъ. Тирольскія
Алпы съ картинами всѣхъ четырехъ временъ года. Очарова-
тельные виды и быстрое ихъ превращеніе. Живописное по-
ложіе Раттенбурга и Шваца. Внутреннее богатство горъ.
Земледобреніе на утесахъ. Инсбрукская долина.....10.

ИНСПРУКЪ, ^{28 Мая.} ^{9 Юня.}

Внутренность города. Ратуша. Триумфальные ворота въ Нейштадтъ. Конная статуя эрц-герцога Леопольда. Колонна 1703 года. Поіезунтская церковь; Альбертъ Дюреръ. Францисканская церковь; гробница Императора Максимилиана I; 24 бронзовыхъ колоссальныхъ статуй и 23 меньшаго размѣра; серебряный придытъ.....16.

Физическій кабинетъ и библіотека. Петръ Апахъ, пастухъ-астрономъ.....27.

ОКРЕСТНОСТИ ИНСПРУКА.

Водопадъ Зилъ. Амбрасскій замокъ. Монастырь Вилтау; серебряный сосудъ, памятникъ древняго обряда причащенія Св. таинъ подъ двумя видами.....34.

ПАМЯТЬ ГОФЕРА.....36.

ТИРОЛЬ, 1823 года Юня....

Общество живописцевъ для снятія Тирольскихъ видовъ. Роскошь и дикость береговъ Инна. Рыцарскіе замки. Сцены Тирольской ночи. Обычай строить дома съ плоскими крышами и расписывать наружность стѣнъ картинами. Чувство путешественника при возвращеніи изъ горныхъ мѣстъ въ равнины. Любовь Тирольцевъ къ родитѣ; ихъ набожность; суевѣріе; гостепримство. Веселый нравъ Тирольцевъ; гортанное пѣніе; собственнаго ихъ изобрѣтенія музыкальные инструменты; національная пляска. Пѣсня пастушки. Наряды мущинъ и женщинъ.....40.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ, 1823 года Юня ¹/_{II}...52.

КОНСТАНЦЪ.

Протяженіе озера; его внезапные приливы. Состояніе судоходства. Воспоминаніе о Констанцкомъ соборѣ, созданномъ въ слѣдствіе церковныхъ распрей. Исчисленіе иностранцевъ разнаго званія, бывшихъ въ Констанцѣ въ продолженіе собора. Низверженіе трехъ самозванцевъ папъ. Конклавъ или заключеніе кардиналовъ и провозглашеніе графа Колонны па-

III

Стран.

пож. Созжеііе на костре Іоанна Гусса и Іеронима Прагскаго. Причины упадка торговли, промышленности и народонаселенія города.....59.

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ, Іюня 2.....68.

КАЙЗЕРШТУЛЬ.

Любопытный путешественникъ. Басня о черпомъ лѣск. Святый Фридрихъ, первый проповѣдникъ вѣры во Христа въ Швейцаріи74.

БАДЕНЪ.

Минеральныя воды; горячій ключъ, проходящій подъ русломъ рѣки Лимматы съ праваго ея берега на лѣвый; два общія купальни и 200 частныхъ бань. Статуя Изиды, почитаемой покровительницею водъ подъ именемъ Св. Верены. Дѣта болѣвыхъ Швейцарцевъ. Развалины замка; темница; часовня.....79.

ЛЕНЦБУРГЪ, 10 часовъ утра.....84.

АРБУРГЪ, 2 часа по полудни.

Каменная крѣпость, единственная въ Швейцаріи; слабыя укрѣпленія со стороны сѣвера и востока; достопримѣчательный по глубинѣ колодезь. Великолѣпный видъ Альпійскихъ горъ. Живая ландкарта классическихъ мѣстъ Швейцаріи: долина Грюнли; г. Альторфъ; башня и часовня въ память Вильгельма Теля. Ученый споръ объ исторіи Телера яблока. Моргартенъ, колыбель славы Швейцарцевъ; Семпахъ, прославленный самопожертвованіемъ Випкельрида.....86.

ГИНДЕЛЬБАНКЪ, 4 Іюня.

Знаменитый надгробный памятникъ Маріи Лангавсъ.....98.

БЕРНСКІЙ КАНТОНЪ.

Экономическій способъ построенія домовъ; сады; изобиліе въ водѣ; удобреніе полей; земледѣльство. Отличительный черты женщинъ; ихъ нарядъ и опрятность; учтивость крестьянъ; ихъ одежда.....106.

БЕРНЪ, Юня....

Окрестности города, обращенныя въ сады; аллеи, ведущія въ городъ. Руины посреди мостовой; галлерей по сторонамъ улицъ. Готическая башня съ часовыми автоматами. Ровъ съ молодыми оленями и другой съ медвѣдемъ и медвѣдицею, представителями Берискаго герба и геральдики. Соборная церковь и терраса; церковь Св. Духа; больница; наружный видъ города. Швейцарскіе аристократы; правленіе прежняго двухсотнаго совѣта; преобразование его на Вѣпскомъ конгрессѣ115.

ФРИБУРГСКІЙ КАНТОНЪ.

Духъ правительства; бобыли или бездомные крестьяне; препровожденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней; пристрастіе къ табаку; особые табельные дни для плясокъ въ шинкахъ. Воинственный характеръ жителей; маршъ Фрибургскаго земскаго ополченія.....124.

ФРИБУРГЪ, Юня....

Дикое мѣстоположеніе города; дома на скалахъ и въ горѣ; улицы на крышахъ домовъ. Разноплеменная и разноязычье гражданъ. Династии, владѣвшія Фрибургомъ, и происхожденіе его независимости. Состояніе народонаселенія; излишество монашествующихъ. Примѣчательнѣйшіе монастыри; семинарія; гимназія; Ланкастерская школа. Причины медленнаго хода просвѣщенія и образованности.....131.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Земледѣльческая школа въ Готрихѣ. Пустьшь Св. Магдалины, состоящая изъ келій, церкви и колокольни, высѣченныхъ въ скалѣ. Соборъ Св. Николая. Фонтаны. Знаменитая липа, посаженная въ 1476 году въ память Моратскаго сраженія; гулянье въ липовой аллѣ; этикетъ Швейцарской знати. Смятенія въ Фрибургѣ между приверженцами Іезуитовъ и аббата Жирара.....140.

МОРАТЬ.

Самонадеянность Карла Дерзостнаго; отличительныя черты его соперниковъ, Швейцарцевъ XV столѣтія. Вѣроломный

поступокъ Карла съ Грансонскимъ гарнизономъ; мшение Швейцарцевъ; ихъ победы въ окрестностяхъ Грансона и при Моратъ. Смерть Карла подъ стѣнами города Нанси. Остово-хранилище Моратское; липа; обелискъ.....148.

АВАНШЪ.

Великолѣпнѣ древняго Авентика. Пепелище его. Обломки анти-ковъ; мраморная колонна; мозаикъ; башня; часть стѣны. Мо-чты и пробужденіе на развалинахъ.....155.

ПАЕРНЪ.

Паернъ—резиденція Бургундскихъ Королей. Память въ на-родѣ о королевѣ Бергъ; гробница и деревянное сѣдло ея въ соборной церкви.....160.

ЗАМОКЪ ЛЮСАНЪ.....163.

МЁДОНЪ.

Башня, оставшаяся отъ Римскаго города Миниудна. Тронная зала герцоговъ Савойскихъ. Примѣчательный фрескъ: Судъ Соломоновъ; лица, изображенныя въ Русскомъ костюмѣ; алле-горическое дерево. Хартія Водгладская; сходство ея съ Рус-скою Правдою. Сборникъ законовъ Бериской республики; законы противъ обжорства, пьянства и танцевъ. Три брачные танца, не воспрещенныя закономъ.....166.

НЮНЪ, $\frac{1}{30}$ Юня.

Панорама Женевского озера.....172.

ЖЕНЕВА, Юня $\frac{1}{30}$

Версуа, городъ съ улицами безъ домовъ. Приливъ иностран-цевъ въ Женеву. Смѣсь націй и языковъ за ужиномъ. Швей-царскій столъ.....181.

ЖЕНЕВСКІЕ ЧИЧЕРОНЫ.....186.

ГОФВИДЪ.

Посѣщеніе Фелленбергова института. Русский — профессоръ института. Графъ Вильгельмъ, сотрудникъ Фелленберга. Аль-бомъ посѣтителей. Хозяйственныя заведенія. Пансіонъ для благородныхъ дѣтей. Пансіонъ для бѣдныхъ дѣвицъ. Школа промышленности и земледѣлія. Взаимныя отношенія воиъ

учебныхъ и экономическихъ заведеній въ Говвилѣ. Отъзывы объ нихъ разныхъ особъ и донесеніе Графа Каподистрія. Высочайшій рескриптъ Императора Александра I г. Фелленбергу. Отправленіе 13 Русскихъ питомцевъ въ Говвилѣ. Недобства отъ чрезмѣрнаго умноженія числа учениковъ и наставниковъ. Главныя черты характера Фелленберга и вліяніе ихъ на начала, принятыя имъ при основаніи института. Нестественность методъ ученія натуральной исторіи, физики, химіи и языковъ. Исключеніе изъ плана преподаванія нѣкоторыхъ наукъ, необходимыхъ при воспитаніи. Исключеніе всѣхъ родовъ поощреній, наградъ и наказаній. Общія мысли о естественномъ ходѣ воспитанія, опредѣляемомъ возрастами души. Методы изящныхъ художествъ въ Говвилѣ. Превосходная метода музыки; нравственные гимны. Главнѣйшее неудобство для воспитанія въ Фелленберговомъ институтѣ: различіе върѣ и націй.....191.

ДОРОГА изъ ЖЕНЕВЫ въ ЛІОНЪ, 1823 года, Сентября.....218.

ЛІОНЪ, 1823 года, Сентября...

Римскіе памятники: амфитеатръ; водопроводъ; бани; домъ Антиккаль; Навмахія; жертвенникъ Августа и Рима; мозаическая улица.....224.

ИСТОРИЯ ЛІОНА ПРИ РИМЛЯНАХЪ И ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКИ.....231.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ЦЕРКВИ ВЪ ЛІОНѢ.

Видъ съ башни церкви Фурвьеръ. Святыня Ліона—образъ Благодатной Маріи. Оброчныя картины. Церковь Св. Ирипея: подземелье съ костями мучениковъ Христіанъ; колодезь съ слѣдами мученической крови. Лобное мѣсто. Церковь Св. Іуста: каноники съ титуломъ бароновъ; золотыя папскія розы. Кафедральная церковь Св. Іоанна Крестителя; придѣлъ, высеченный изъ одной массы камня; часы съ примѣчательною металикою; два креста—памятники мнимаго соединенія Греческой церкви съ Латинскою; хоръ пѣвчихъ, по образцу Константинопольскаго демественнаго; каноники съ титуломъ графовъ Ліонскихъ; употребленіе митры, заимствованное изъ Греческаго облаченія.....237.

ЛОНЪ.....

Улица Св. Елены. Площадь Людовика Великаго. Больница.
Публичная библиотечка. Площади Целестинская, Якобинская
и Терро. Ратуша. Театръ. Набережная Сенклеръ. Мосты
Моранъ, Гильотерскій и Сен-Жанъ.....254.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Постепенное возвышеніе Лонской торговли. Поселеніе Ита-
ліянцевъ. Евреи. Ярмарки. Фабрики. Модные магазины. Ла-
бораторія г. Реймонда. Баржа. Депо иностранныхъ товаровъ.
Матеріалы, получаемые изъ соседнихъ департаментовъ. Чп-
сю жителей.....268.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЯ МѢСТА и ЗРѢЛИЩА.

Городской садъ. Воздухоплавательница г-жа Гарниеръ. Буль-
варъ Русскія горы. Театры.....280.

СТАРИННЫЕ ПРАЗДНИКИ ВЪ ЛОНЪ.

Пятидесятница; Св. Діонисія; крестный ходъ на рыкъ Саонъ;
поездъ бумажной лошади. Гимнастика и игра на островѣ
Ильбарбъ.....285.

ЛОНСКІЙ МУЗЕЙ.

Памятники Римскіе и среднихъ вѣковъ. Картины мертвой
природы и историческія. Лонская школа живописи и ваянія.291.

КАБИНЕТЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

Различіе между трудами педантовъ и истинно ученыхъ мужей.
Египетскіе памятники. Вліяніе вѣроисповѣданій, героическо-
ской религіи на порчу вкуса въ художественныхъ произве-
деніяхъ. Памятники Греческіе и Римскіе; Гальскіе и Альбер-
скихъ вародовъ. Достопримѣчательности: бронзовый Инде-
скій храмъ; Сенегальскій фетишъ; Египетская мумія; барель-
ефъ Suovetaurilia; мозаики. Собраніе медалей. Двѣ мѣдные
доски съ вырѣзанною на нихъ рѣчью Императора Клавдія.....315.

VIII

Стран.

ГРЕНОБЛЬ, 1823 года, Октября...

Церковь Св. Лавренція въ подземельи. Колоссальная статуя
Баярда. Библиотека. Картинная галлерей. Кабинетъ натураль-
ной исторіи 338.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Положеніе и окрестности Гренобля. Воспоминаніе о встрѣ-
чѣ, сдѣланной гражданами Гренобля Наполеону въ 1815 году.
Вліяніе политическихъ партій на народъ 349.

ШАМБЕРИ, 1823 года, Октября 357.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТИРОЛЬ.

ЗАЛЬЦБУРГЪ, 1823 года $\frac{26 \text{ Мая.}}{7 \text{ Июня.}}$

Живописные виды города. Великолепное восхождение солнца
изъ за горъ. Публичные памятники. Ворота съ колоннами,
прогуленные сквозь горъ.

Въ Зальцбургъ пріѣхали мы ночью. Въ
пять часовъ утра я открылъ глаза мои
для того, чтобъ удивляться величію и бла-
госшию Бога въ изящныхъ Его твореніяхъ.
Спою на правомъ берегу съ шумомъ клубя-
щейся Зальцы и смошрю на громады зданій,
на высокіе кресны церкви, на длинную го-
ру, извивающуюся въ видъ серпа вокругъ
города. Цѣлые ряды дикихъ ущесовъ висятъ

Часть II

1

надъ улицами и грозятъ имъ спрашнымъ паденіемъ; цѣлые ряды домовъ презируютъ угрозы каменныхъ сдаль и подпираютъ ихъ, подобно баснословнымъ Апланшамъ, носившимъ на раменахъ своихъ небо. На самомъ высокомъ хребту горы стоитъ древній замокъ, сморпился въ зеркало рѣки и поднимаетъ къ облакамъ зубчатныя, покрытыя мохомъ свои башни. — Выхожу черезъ новыя ворота за городъ и жалѣю, что я не живописецъ. На широкой и длинной долинь расположены узорчатые цвѣпники, бѣлые домики и дикіе, дымящіеся шуманомъ, утесы. На впоромъ планѣ пилнется гора, защищающая и скрывающая съ прехъ споронъ городъ. Подъ нею разсѣяны дома; надъ нею висятъ бесѣдки, дремлютъ пополи, мелькаютъ кресты церквей и возвышается замокъ. На прешьемъ планѣ расходяпся двѣ оплогія и высокія горы съ зелеными рощами. Черезъ нихъ и между ними сморятъ убѣжденные снѣгомъ Шпирійскіе исполины; изъ за нихъ проглянулъ исполинъ небесный — увѣчанное лучами солнце, готовое проходить пунъ свой отъ востока къ западу.

Какое чудесное смѣшеніе мрачныхъ и яркихъ красокъ! Какой быстрый переливъ чувствъ сладостныхъ и высочайшихъ. Одна и таже природа, въ одинъ и тѣже мгновенія, являясь и дикою и украшенною, и предельною и величественною, обворожаетъ сердце и потрясаетъ душу.

Зальцбургъ достоинъ вниманія по живописному мѣстоположенію, по произведеніямъ искусствъ и по исторіи. Рѣка Зальца раздѣляетъ его на двѣ половины; на правомъ берегу еще видны слѣды спрашного пожара, опустошившаго здѣсь за нѣсколько лѣтъ цѣлыя улицы. Недалеко отъ Ливецкихъ воротъ чешуре каменные льва сперегуютъ большой круглый водомеръ.—На лѣвомъ берегу среди главной площади стоитъ на гранитномъ подмосткѣ мраморная группа Божіей Матери. Надежда, опирающаяся на якорь,—Вѣра, поднимающая крестъ, и Архиспрашгъ, поражающій невѣріе, представлены въ красивыхъ положеніяхъ и съ приличною выразишельностію. Подлѣ площади находится готическая башня съ многосложною часовою машиною, которая приходитъ

*

въ движеніе при наступленіи дня и въ полдень. На противоположной сторонѣ лежатъ большое зданіе коллегіи и принадлежащая къ ней красивая церковь съ колоннадою. Водометъ подлѣ новыхъ ворошъ украшенъ группою небольшихъ бронзовыхъ спашуй; посреди ихъ—спавшій на дыбы конь, поддерживаемый въ равновѣсіи посредствомъ падающего съ него ковра. Новая вороша можно назвать исполинскимъ произведеніемъ. Они прорублены сквозь каменную гору и имѣютъ въ длину около 10 сажень, съ выполированными стѣнами и искусными сводами. Съ вѣшней спороны выдѣлены также изъ горы двѣ высокія колонны въ видѣ обелисковъ. Надъ аркою поставлена мраморная спашуя архіепископа Зальцбургскаго и примаса имперіи Сигисмунда. Ни въ какомъ Австрійскомъ городѣ не видалъ я проще и приличіе той надписи, которая находится надъ этими ворошами со спороны внушительней: „Te saxa loquuntur; тебѣ повѣдаютъ скалы.“

Въ гостиницѣ N. показывается вышканная на коврѣ копія найденнаго въ Зальцбургѣ

и ваянаго въ Вѣну Римскаго мозаика. Коверъ, хошя и въ маломъ видѣ, сохраняетъ всѣ краски и плѣни подлинника. Кромѣ лицъ, изображенныхъ по сторонамъ картины, доспойна примѣчанія лодка съ двумя бѣлыми и съ двумя черными людьми.

АНТЕНЪ,

ДЕРЕВНЯ ПРѢ ПОДОШВѢ АЛЬПѢЙСКИХЪ ГОРЪ.

РЕЙХЕНТАЛЬСКАЯ КЛЮЧЕВАЯ СОЛЬ. Осадка соли чрезъ испареніе, изобрѣтенная Гаспаромъ Селеромъ. Освальдъ Шугеръ, творецъ плана для поднятія и проведенія соленой воды чрезъ горы 198 саженой высоты. Исполнитель сего плана Райхенштуль. Колеса Багера и столбовой насосъ Рейхенбаха. Количество добываемой ключевой соли. Подземелье соляныхъ источниковъ. Водопроводъ сквозь гору Шлотбергъ.

Отъ Зальцбурга начинающія цѣпи Норійскихъ или Ретійскихъ Альповъ. Проведенная между ними дорога идесть по черезполоснымъ владѣніямъ Австрійской имперіи и

Баварскаго королевства. Передъ городкомъ Рейхенгалемъ, принадлежащимъ Баваріи, устроены превосходныя машины для выдѣлыванія ключевой соли; за Рейхенгалемъ вслѣдуются соленные фонтаны и насосы, чудесное произведеніе новой гидравлики. Ключевая соль, гонимая какъ бы волшебною силою, бѣжитъ съвозъ трубы на вершину огромныхъ горъ; и опшуда проводится въ Розентеймъ разстояніемъ въ осмнадцать миль. Не достойна ли вѣнца безсмертія та великая глава, въ кою родилась гитанцская мысль этого изобрѣшенія, столько благодарительнаго для цѣлыхъ народовъ?

Баварскіе писатели хвалятъ доказавъ, что здѣшніе соленные ключи извѣстны были еще Римлянамъ. Могутъ быть они основываютъ догадки свои на томъ, что эти цѣли горъ составляли часть Норикъ, провинціи Римской, и находились почти подлѣ самой дороги, проведенной Римлянами отъ моста Эискаго, (pons Oeni) нынѣшняго Инсбрука, до Юравы или Туваріи (Ioravi, Tivariva), гдѣ нынѣ Зальцбургъ. Впрочемъ Римскіе историки и натуралисты нигдѣ не го-

воряить о сихъ ключахъ. Да и въ первой разѣ упоминается объ нихъ только въ лѣтописяхъ осьмага столѣтія. Рейхенгалъ назывался сначала Галемъ: *Halla majorg*; но въ средніе вѣки, по причинѣ избытка въ соли, назвали его богатымъ *Reichen*. Не смотря на это обиліе и избытокъ, выдѣлка соли очень незначительна была для Баваріи до того времени, пока не нашли средства дѣлать осадку чрезъ испареніе. За симъ изобрѣщеніемъ, принадлежащимъ *Гаспару Селеру*, слѣдовало другое, гораздо важнѣйшее. По причинѣ недосыпка дровъ, въ началѣ семнадцатаго столѣтія начали думать объ опивденіи соленыхъ ключей въ такое мѣсто, которое бы было окружено лѣсами. Природа полагала въ окрестностяхъ тысячу препящивій. Никто не смѣлъ съ нею сражаться; одинъ *Освальдъ Шуффъ* рѣшился побѣдить ее. Въ 1613 году онъ доказалъ возможность поднять воду на горы, проспирающіяся въ высоту на 423 мепра или 198 сажень, и потомъ провесши ее въ Трауншпейнъ, лежащій въ осьми миляхъ отъ Рейхенгала и выше сего послѣдняго города 138 мепрами

(около 65 сажень). Исполненіе этого сѣлаго плана немедленно поручено было искусному механику *Рейфенштулю*, который и построилъ въ разныхъ мѣстахъ водоемы, поставилъ колеса и провелъ шрубы. Въ послѣдствіи времени, въ усовершенствованіи этихъ машинъ участвовали многіе механики, и въ особенности *Бадеръ*. На пр. построенное имъ колесо въ *Фагахъ* (*Fages*), имѣющее въ поперечникѣ 18 футовъ, поднимаетъ въ верхъ на 189 футовъ (27 сажень) въ одинъ сутокъ 12,880 кубическихъ футовъ соляной воды. А другое его же колесо въ *Зебрюглѣ* поднимаетъ также въ сутки 14,520 кубич. футовъ на высоту 229 футовъ (32 саж. 5 фуп.). Первое дѣлаетъ въ минуту шесть, а послѣднее только пять оборотовъ. Самый простой и совершенный механизмъ устроенъ въ *Нессельграбенѣ* нынѣшнимъ механикомъ *Рейхенбахомъ*; изобрѣшенный имъ сполбовый насосъ (*La pompe à colonnes*) поднимаетъ однимъ разомъ соляную воду на 475 футовъ (67 саж. 6 фуп.) перпендикулярной высоты. Неимоверная сила, приводящая въ движеніе такой огромный водный сполбъ,

почти вся соспела въ пресной водѣ, проведенной сюда нарочно и падающей съ высоты 140 фузовъ.

Въ Рейхенгалѣ счищается двадцать соляныхъ ключей, изъ которыхъ одинъ самый изобильный называется *щедрыиъ* (Die gnadenquelle). Всѣ вмѣстѣ даютъ они среднимъ числомъ 14,374,800 кубическихъ фузовъ. Для измѣренія количества соли, находящейся въ водѣ, и количества воды поднимаемой, есть машина особенная, изобрѣшенная Бадеромъ и названная гидрометрографомъ отъ трехъ Греческихъ словъ, означающихъ водомѣръ. Подъ Рейхенгалемъ есть большое подземелье, въ которомъ соединяются всѣ соляные источники. Оно имѣетъ очень хорошіе своды, построенные при курфирсѣ Карлѣ Теодорѣ въ 1769 году. Для опвода всѣхъ пресныхъ водъ отъ соляныхъ, проведенъ тѣмъ же курфирсомъ чрезъ Рейхенгалъ другой подземельный водопроводъ. Онъ идетъ съвозъ просѣченную для него нарочно гору Шлопбергъ и недалеко отъ города впадаетъ въ рѣку Солу.—Короче сказавъ, исторія Рейхен-

гала есть исторія великихъ усилій ума те-
ловѣческаго.

ТИРОЛЬСКІЯ АЛПЫ, $\frac{27 \text{ Мая.}}{8 \text{ Июня.}}$

ТИРОЛЬСКІЕ МУЗЫКАНТЫ. ПЕРВАЯ НОЧЬ ВЪ ГОРАХЪ. ТИРОЛЬСКІЯ
АЛПЫ СЪ КАРТИНАМИ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВРЕМЕНЪ ГОДА. ОЧАРОВА-
ТЕЛЬНЫЕ ВИДЫ И ВѢСТРОЕ ИХЪ ПРЕВРАЩЕНІЕ. ЖИВОПИСНОЕ ПОЛО-
ЖЕНІЕ РАТЕНБУРГА И ШВАЦА. ВНУТРЕННЕЕ БОГАТСТВО ГОРЪ.
ЗЕМЛЕУДОВРЕНІЕ НА УТЕСАХЪ. ИНСБРУКСКАЯ ДОЛИНА.

26 числа Мая вечеромъ мы оспановились
для перемѣны лошадей въ Ведрингъ, неболь-
шой деревнѣ, лежащей между двумя горными
хребтами. Черезъ минушу явились передъ
нашею карешою два молодыхъ крестянина,
одинъ съ кларнетомъ, другой съ скрипкою,
и одна женщина съ арфою въ рукахъ. Послѣ
громкой и бѣглой прелюдіи Сафо запѣла пѣс-
ню; тихіе звуки музыкальныхъ орудій сопро-
вождали заунывный ея голосъ. За каждыиъ

колѣномъ слѣдовала быстрая кипермедіа; за каждою кипермедіею снова продолжала пѣвица свой романсъ. Наконецъ музыка утихла; женщина нѣздо намъ поклонилась; музыканты приподняли широкія свои шляпы, обвязанныя зелеными лентами, и скрылись. Нужно ли сказывать, что мы уже въ Тироля и что эта романтическая сцена есть привѣщившіе горныхъ жителей путешественникамъ.

Мы проѣхали каменные вороша, служившіе прежде границею Тироля и разрушенные въ 1809 году Французами. Черныя пути скрыли опть взора послѣднюю полосу неба, которая просширалась надъ нашими головами. Огни мелькали въ хижинахъ, разсѣянныхъ вкругъ дороги и на утесахъ. Порывистый вѣтеръ вылъ на долинахъ и волновалъ бѣлые туманы на вершинѣ Альповъ.

Есть какое-то близкое и пайное отношеніе между нами и предметами, насъ окружающими. Угрюмая природа располагаетъ и нашу душу къ мрачнымъ мечтамъ. Я вопрошалъ эти грозные утесы о вѣкахъ прошедшихъ, — о народахъ, которые мимо ихъ про-

или и скрылись со сцены міра, одни съ шумомъ, другіе съ шипиною. Я искалъ какого-то сходства между Тиродемъ и землею Локлинцевъ. Мнѣ казалось, я слышалъ арфы бардовъ, поющихъ опцвѣщную славу своихъ предковъ, передъ развалинами замковъ и при ревѣ бушующихъ вѣтровъ.... Легкій сонъ продолжалъ мечты моего воображенія; такъ какъ и легкое пробужденіе служило только продолженіемъ моихъ сновидѣній.

Наконецъ забѣлелось утро. Вообразите длинныя цѣпи высокихъ горъ, спянуція по обѣимъ споронамъ дороги. Густыя туманы поднимались съ Альповъ и образовали двѣ длинныя гряды облаковъ; сѣрыя облака сходили къ Альпамъ и вились вокругъ хребтовъ въ видѣ тумановъ. Вообразите вершины горъ, увѣчанныя снѣгомъ и льдами, — пригорки и холмы, опоясанные зелеными рощами, — долины, испещренные цвѣтами и покрытые плодоносными деревьями. Вообразите себѣ золотой вѣкъ, когда въ одно и тоже время зима укрѣпила холодомъ распѣнія, лѣто волновало поля жашвою, осень

румянила плоды деревьевъ, весна разливала ароматы въ воздухъ: шакова карпина Тироля! Какъ въ калейдоскопъ, съ каждымъ его движеніемъ, мѣняющіяся узоры; одни разрушающіяся, другіе строящіяся: такъ съ каждымъ поворотомъ нашего дилижанса представлялись намъ новые, очаровательные виды. Казалось, что мы перенесены были въ міръ волшебный, гдѣ, по одному мановенію существа невидимаго, спланировались передъ нами грозные утесы, усѣченные могущественною рукою; возспавали горы болѣе или менѣе дикія; разсплывались долины болѣе или менѣе обширныя. Зрѣніе не успѣвало слѣдовать за всѣми превращеніями природы. Оставляя одинъ видъ съ сожалѣніемъ, мы стремились къ другому съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ. Вниманіе наше было въ безпреспанной дѣятельности и въ непрерывномъ разсѣяннѣ.

Пасмурное утро придавало видѣннымъ нами картинамъ какую-то мрачность и дикость; но мало по малу солнце пробилось сквозь тучи, разогнало облака и представило намъ во всемъ великолѣпнѣ прекрасный

видъ и окрестности *Rappenburga*. Два грозные утеса съ высокими башнями разступились какъ бы нарочно для того, чтобы защищать лежащій между ними небольшой городокъ. Въ лѣвую сторону гора поднимается на гору амфитеатромъ; съ правой стороны вьется вокругъ его шумный Иннъ. Зарѣкою простирается обширный лугъ, зелѣютъ рощи, бѣлѣются озера; на холмахъ стоятъ монастыри и разсыяны деревни.

За Ропшенбургомъ мы встрѣтили вдуть шри замка. Время разрушило ихъ швердыни и занесло крапивою валы и помосты. Оди только шахматные гербы, сослотице изъ красныхъ и бѣлыхъ квадраповъ, сохранились еще на стѣнахъ, какъ памятники щеславия и суешности древнихъ ихъ владѣльцевъ. Ряды горъ, подѣ вопорыхъ идешь дорога въ Швацъ, грозятъ путешественнику своимъ падениемъ, и въ поже время очаровываютъ взоръ самою дикостію. На утесахъ поднимаются церкви; надъ пропастями висятъ домики; по крутизнамъ ниспущены перловые ручейки. Природа является адѣсь поэтомъ. Она украсила берега Инна всѣми

предѣльными, которыми разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара; и какъ бы слѣдующимъ же непреложнымъ законамъ вкуса, которыми участь художниковъ, сокрыта подъ блестящею наружносцію каршней множеству полезныхъ промазеденій. Всѣ эти горы носятъ въ нѣдрахъ своихъ желѣзо, мѣдь и чугуны. Фалькенштейнъ изобилуетъ серебромъ; Сальцбургъ наполненъ солью. Горные жители сражаются здѣсь съ самою природою и шоржесивуютъ надъ ней среди дѣбрей. Они оросили попоками мѣста безводныя, покрыли жашвою дикіе камни и провели по гранишнымъ скаламъ лужайки. Вездѣ видны слѣды прудолубія и перпѣнія. Земледѣецъ поетъ пѣсни на краю пропастей; пучныя коровы и дерзкія козы гремятъ колокольчиками надъ спреминнами.

За Галемъ (Halla ad Oenium), знаменитымъ своими соляными заводами, начинается обширная и длинная равнина, защищаемая съ прехъ споровъ горами. Быстрый Иннъ пересѣкаетъ ее на двѣ половины, поворачивая и капя съ яроспїю бурныя свои волны оупъ запада къ воспоку. На правомъ его берегу

стоятъ ряды спройныхъ шополей и въюп-
ся узорами сады, цвѣшники и бульвары. Изъ
за нихъ открываеяся мало по малу *Инспрукъ*,
сполица, досшойная Тироля.

ИНСПРУКЪ, $\frac{28 \text{ Мая.}}{9 \text{ Июня.}}$

Внутренность города. Ратуша. Триумфальные ворота въ Ней-
штадтъ. Конная статуя Эри-Герцога Леопольда. Колонна 1705
года. Понезунтская церковь; Альбрехтъ Дюреръ. Францисканская
церковь; гробница Императора Максимилиана I; 24 бронзовыхъ
колоссальныхъ статуи и 23 меньшаго размѣра; серебряный
придѣлъ.

Внутренность *Инспрука* имѣетъ харак-
теръ, отличающій его отъ прочихъ горо-
довъ. Высокіе и усьянные окнами дома его
кажутся совершенно раскрытыми; а на пло-
скихъ крышахъ проведены вездѣ деревянные
галлерей или мосты, по кошорымъ можно
переходить изъ одной части города въ дру-
гую, наслаждаясь всѣми окрестными видами.

Испрукъ богатъ памятниками разныхъ вѣковъ и художествъ. *Городская Ратуша*, называемая заимкомъ Фридриха IV, достопримѣчательна тѣмъ, что богатая крыша ея состоитъ изъ бронзовыхъ черепицъ, покрытыхъ золотомъ; а передняя стѣна расписана, во вкусъ Тироляскомъ, многими историческими и аллегорическими фигурами. *Триумфальная ворота въ Нейштадтѣ*, хотя и небольшія, могутъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ между произведеніями этого рода. Онѣ сооружены изъ красноватаго Тироляскаго мрамора извѣстнымъ Австрійскимъ художникомъ Вальпазаромъ Молеи; состоятъ изъ трехъ арокъ, украшены колоннами Ионическаго ордена и покрыты прекрасными медальонами. Усердіе гражданъ посвятило ихъ порожественному вѣду Императора Франца I и его супругъ Маріи Терезіи въ 1765 году, по случаю бракосочетанія сына ихъ Леопольда II, Герцога Тосканскаго. Внутренняя спорона, называемая печальною, представляеиъ внезапную смерть Императора. Здѣсь невольно вспоминаешь обыкновеніе древнихъ, которые заславляли одного

Часть II. 2

изъ рабовъ говорить, во время самаго торжества, увѣщанному лаврами герою: *memento mori*! Обыкновеніе болѣе уже не существуетъ; а неутомимая владычица смертныхъ ходитъ, какъ и прежде, за геролми и срынаетъ самихъ царей съ ихъ торжественныхъ колесницъ. Между многими лицами, изображенными въ медальонахъ, достойны примѣчанія Марія Ангуанетта, бывшая королевою Французскою, — Марія Христина, прославленная рѣзцомъ Кановы, и Эрцгерцогъ Леопольдъ съ своею супругою, Испанскою инфаншиною Луизою. Близна всѣхъ сихъ круговъ, изваянныхъ изъ Карарскаго мрамора, оплывъ ихъ на красноватыхъ стѣнахъ, соразмѣрность арокъ и красота чертежей составляютъ пріятную для взора гармонію. Однимъ словомъ, эти торжественныя ворота ведутъ и достойны вести въ Италію, опичену искусству и художеству.

Императорскій дворецъ окруженъ бульварами и лежитъ при вѣздѣ въ городъ со стороны Галля. Наружность его опличается только двумя небольшими башенками; да и внутренность ничего не имѣетъ достопримечательнаго.

мѣтательнаго, кромѣ залы великановъ, представляющей на стѣнахъ и на потолкѣ подвиги Геркулеса. На большой площади, простирающейся передъ фасадомъ, стоитъ маленькая монная статуя Эрцгерцога Леопольда, вылитая изъ бронзы въ 1797 году Тиральцемъ Рейнгершомъ. Художникъ вѣроянно хотѣлъ подражать Фальконеу, — Пиндару вѣнчательнаго искусства; но восковыя крылья его распались и онъ оставилъ одно только свое имя на берегахъ Инна. Тучная лошадь его, спавшая на дыбы, не имѣетъ ни красены, ни гибкости, ни огня. Кромѣ того, имѣ кажутся, произведенія высокаго искусства могутъ быть представляемы только или въ колоссальномъ видѣ или въ миниатюрѣ; средний размѣръ или натуральная величина не должны имѣть здѣсь мѣста. Если же художникъ опважился еще дать высокому предмету такую мѣру, которая меньше самой природы; то онъ можетъ ожидать отъ зрителя или смѣха или негодованія: въ такомъ случаѣ и гордый конь подъ всадникомъ не что иное есть, какъ только козелъ подъ пигмеемъ.

Колонна въ новомъ городѣ есть памят-
никъ освобожденія города отъ вторженія
Баварцевъ и Французовъ въ 1703 году. Она
сооружена при года спустя послѣ сей войны
Христофоромъ Бенедикти, украшена груп-
пою статуи и посвящена Пророциѣ Аняѣ,
въ день которой совершилось избавленіе.

Церкви здѣшнія красивы, богаты и пыш-
ны. Въ нѣкоторыхъ находятся серебряные
олтари, въ другихъ оплечныя картины Ти-
рольскихъ, Нѣмецкихъ и Италіанскихъ жи-
вописцевъ. *Соборная* (Св. Іакова) построена
вся изъ Тирольского мрамора; въ *Иезуитской*
есть очень хорошій запрестольный образъ,
представляющій обрученіе Св. Дѣвы Маріи.
Полагаютъ, что онъ писанъ Рубенсомъ, или
однимъ изъ художниковъ его школы. Впро-
чемъ нельзя ничего сказать рѣшительнаго
о достоинствахъ этой картины, которая
поставлена слишкомъ высоко, освѣщена
очень худо и загромождена столбами олта-
ря. Въ одномъ изъ приделовъ сей же цер-
кви находится голова Спасителя въ терно-
вомъ вѣнцѣ, писанная опцемъ Нѣмцкой

школы *Албертольд Дюрерольд* въ 1515 году, съ слѣдующими Липинскими спихами:

„*Non natat in lacrimis proprioque in sanguine Christus!*

„*Non mihi qui sicors aspicio haec oculis!*“

„Увы мнѣ! Христьосъ плаваесть въ слезахъ и въ собствѣнной крови; а я смопрю на него неомоченными глазами!“—Спаситель предспавлень, какъ кажеися, спящимъ въ шемницѣ, едва оспѣщаемой дневнымъ свѣтомъ. Въ чертахъ лица и во взорѣ его видны Божественная важность и величественное спокойствіе при спраданіяхъ. Я не знаю, можно ли Рафаэлю, не унижая его славы, дать названіе Дюрера Испаліянскаго; но крайней мѣрѣ не боюсь назвать Дюрера Рафаэлемъ Нѣмецкимъ. Онъ не имѣетъ конечно ни творческаго воображенія, ни смѣлаго полета своего соперника; но правильность чертѣжа, сила и выразительность составляютъ характеръ его кисти. Дюреръ не учился у Перуджина; одна природа была для него учителемъ и Аполлономъ; — природа, соскучившая бездѣйствіемъ ума человѣческаго, произвела въ одно время двухъ гениевъ,

на югъ и на сѣверъ, чтобы они пробудили
вѣки, спавшіе въ невѣжествѣ, и показали
Европѣ прелестную зарю художества. Ра-
фаэль былъ Гомеромъ живописи; Дюрера мо-
жно назвать ея Гезіодомъ.

Самая достопримѣчательная церковь въ
Инсбрукѣ есть *Францисканская*. Врата ея
какъ бы ведутъ въ храмъ исторіи. Въ одно
мгновеніе вы переноситесь за нѣсколько вѣ-
ковъ назадъ; и стоите передъ блестящими
сонмомъ королей, рыцарей и королевъ. По-
среди храма возвышается огромная и вели-
чавѣйшая изъ чернаго мрамора *гробница* съ
бронзовою спящею *Императора Максими-
лиана I*. Смирный видъ его показываетъ,
что онъ не повелѣваетъ уже болѣе народомъ;
но, оставая землю, опходитъ къ Верхов-
ному Царю и Судіи царей. Двадцать чепыре
барельефа изъ бѣлаго Карарскаго мрамора,
по сторонамъ саркофага, изображаютъ его
подвиги земные; а чепыре лика богослов-
скихъ добродѣтелей, вылитые изъ бронзы,
поставлены по угламъ какъ бы для того,
чтобы проповѣдывать концамъ вселенной
о его Христіанскихъ доблестяхъ. По сто-

романъ сего мавзолея и въдомъ церкви тя-
нулись два ряда колоссальныхъ статуи. Чи-
сло ихъ простирается до двадцати четы-
рехъ; и сверхъ того чепыре стоятъ передъ
главными олшаремъ. Всѣ онѣ вылиты изъ
бронзы; взяты изъ разныхъ вѣмовъ и
спранъ; изображены въ приличныхъ по-
женіяхъ, въ одеждахъ своего времени, и оду-
шевлены реальными чувствами. Это сейнъ
дарей, рассуждающихъ о благоденствіи вѣ-
рныхъ ихъ Промыслѣ народовъ; или
сѣнъ рыцарей, гонимыхъ поднимъ знамя
Креста на невѣрныхъ. Самыя королевы при-
шли сюда какъ бы для того, чтобы сло-
жить здѣсь высокой своей санъ и посвя-
тивъ себя смиренному званію сестръ милосердія. Обширность храма, два ряда мра-
верныхъ колоннъ, высокіе своды и падаю-
щій съ верху пускмый и какъ бы таин-
ственный свѣтъ окружающъ эту группу
новымъ величіемъ.

Между историческими лицами достойны
здѣсь примѣчанія Теодорикъ, король Готте-
скій; Филиппъ Добрый, первый король И-
онскій; Фердинандъ V, названный Католи-

чешскимъ за изгнаніе Мавровъ изъ Испаніи,— знаменитый Артуръ, король Англійскій и Рудольфъ, патріархъ Австрійскаго дома. Кловисъ, первый изъ Христіанскихъ королей Французскихъ, представленъ съ гордымъ взглядомъ и съ важною осанкою. Албертъ мудрый, герцогъ Австрійскій, вооруженный копьемъ и съ опущеннымъ забраломъ, выступаетъ уже на поединокъ или на поле сраженія. Шишаки всѣхъ этихъ рыцарей составляютъ опѣльную часть и могутъ легко быть сняты съ головы ихъ; такъ какъ и самыя забрала опускаются и поднимаются, по произволу зрителей. Между сонмомъ героевъ сіяютъ прелести королевы Бланки, второй супруги Императора Максимилиана. Нѣсколько далѣе стоитъ его сестра Кунигунда, знаменитая своими добродѣтелями и цѣломудріемъ. Она не могла пережить своего супруга Алберта, герцога Баварскаго, и въ цвѣтъ лѣтъ погребла себя въ стѣнахъ монастыря Кармелитскаго. Распущенные ея волосы ньются небрежно по плечамъ и падаютъ на грудь; въ рукахъ ея книга; глаза полны мыслей. Кажется, она

употребляешь усилія забыть этакъ неблагодарный міръ, которому она служила опрадою и который обманулъ всѣ ея надежды.

На ряду съ добродѣтелями лестъ поставила здѣсь и образъ Маргариты Маулпахъ, послѣдней графини Тирольской. О какъ жалки народы, которые въ уничтоженіи своемъ принуждены богопворишь сильныхъ злодѣевъ даже и послѣ смерти ихъ! Какой примѣръ соблазна для нравственности! Но лестъ и рабство слабы передъ голосомъ исторіи. Памятниками безстыдства и гнуснаго вкуса Маулпахъ остались еще барельефы и гербы на стѣнахъ ея замка въ Галль; и неліцепріятное попомство смотритъ уже на ея статую, какъ на идолъ и идеаль разврата. Художникъ, занимаясь ея изваяніемъ, хотѣлъ вѣроянно подражать природѣ и неумышленно изобразилъ истину. Природа поступила весьма справедливо, наполнивъ глаза сей женщины сладоспрасіемъ и давъ устамъ ея выраженіе вожденія.

Недоспапокъ всей этой группы соспимъ большею частію въ слишкомъ правиль-

номъ ея расположеніи; но художники, по видному, не имѣли намѣренія соединить эти лица ни какимъ общимъ отношеніемъ; и занимаясь каждымъ отдѣльно, совсѣмъ не думали о сопоставленіи поэмы.

На хорахъ княжескихъ, поддерживаемыхъ рядами колоннъ, находящаяся еще двадцать три статуи меньшаго размѣра. Онѣ представляютъ лики Святыхъ и также вылиты изъ бронзы. Какъ первыя, такъ и послѣднія работы большею частію въ пятинадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкѣ художниками Геддеиъ, Ленденшпрейхомъ, Лефмеромъ и Зесслшрейберомъ. А изъ двадцати чепырехъ барельефовъ, которыми украшена Максимилианова гробница, самые лучшіе принадлежатъ Знамениному ваятелю Александру Колину.

Въ такъ называемомъ, *серебряномъ* придѣлѣ достойны примѣчанія гробницы Фердинанда II и его супруги съ мозаическими гербами, работаннымъ, какъ думаютъ, также Колиномъ. На одной изъ мраморныхъ досокъ представленъ Фердинандъ одѣтымъ въ броню, вооруженнымъ и стоящимъ

на кольцахъ. Глубокая задумчивость, въ которую онъ погруженъ, даетъ чертамъ его особенную значительность. Въ серебряномъ ошейникѣ блискало прежде все серебромъ и драгоценными камнями. Между прочимъ нѣсколько было золотыхъ статуэтокъ, принесенныхъ въ даръ Маріею Терезіею (въ 1741 году); но, во время войны съ Французами, въ 1809 году Австрійцы отправляли всѣ эти сокровища въ Вѣну.

Физическій кабинетъ и библіотека. Петръ Линхъ, пастухъ-астрономъ.

Выѣхавъ съ Іезуитами, выгнанными изъ Инспрука въ 1782 году, какъ бы удалились отсюда и самыя музы. Отъ университета, основаннаго въ 1675 году Императоромъ Леопольдомъ I, осталось одно только зданіе съ физическимъ кабинетомъ и библіотекою.

Здѣсь есть полное собраніе машинъ и инструментовъ изобрѣшенныхъ Тирольцами и употребляемыхъ въ Тироль; какъ то модели мѣльницъ, колошениъ, печекъ, машинъ рудоконныхъ и гидравлическихъ. Между прочимъ достойны примѣчанія астрономическіе часы, устроенные Вѣнскихъ механикомъ Авреліемъ въ прошедшемъ столѣтіи и подаренные Императрицею Марією Терезією. Они имѣютъ 19 стрѣлокъ, играютъ семь штукъ и заводятся одинъ разъ въ мѣсяцъ. Кабинетъ натуральной исторіи состоитъ большею частию изъ минераловъ и окаменѣлостей Тирольскихъ. При немъ находится собраніе Римскихъ монетъ, множество кристалльных и агатовыхъ вазъ, нѣсколько драгоценныхъ камней съ рѣзбою и двѣ деревянные головы, работанныя знаменитымъ Албертомъ Дюреромъ, который въ одно и тоже время былъ живописцемъ, ваятелемъ и гравировщикомъ.

Публичная здѣшняя библіотека, подаренная университету Марією Терезією, принадлежала прежде замку Амбрасскому. Она содержитъ теперь около 40,000 книгъ, нѣсколько любопытныхъ рукописей Греческихъ,

Латинскихъ и Тирольскихъ. Достоинъ замѣчанія одинъ прекрасный экземпляръ Матіола, коего фигуры всѣ раскрашены серебромъ. Между прочимъ показываютъ здѣсь за рѣдкості два глобуса, работанные Тирольскимъ крестьяниномъ Анихомъ, подробную карту Тироля, итъ самимъ снятую, и нѣсколько его манускриптовъ.

Петръ Анихъ принадлежишь къ числу людей необыкновенныхъ, хотя пруды и мид его до сихъ поръ еще мало извѣстны въ Европѣ. Онъ родился въ 1723 году въ деревнѣ Оберберфуллѣ, въ двухъ миляхъ отъ Инсбрука, и провелъ юныя лѣта безъ образованія, будучи принужденъ водить на пажити малое стадо ошца своего. Душа его, рожденная къ чрезвычайной дѣятельности, шемилась отъ ираздности и усыпленія. Онъ искалъ для себя занятій и видѣлъ одно только небо, претерпѣе надъ родными его горами, въ видѣ шатра великолѣпнаго. Туда началъ онъ устремлять и взоры и мысли. Красота небесной пверди, усьянной звѣздами, среди тишины и безмолвія ночей, была вдохновеніемъ для порывовъ его генія. Онъ

удивлялся необъятному разнообразію сѣтлнхъ небесныхъ; и въ тоже время замѣчалъ единообразіе въ ихъ движеніяхъ. Мало по малу онъ составилъ собственныи кругъ знаній о періодическомъ ихъ теченіи; сдѣлалъ нѣсколько грубыхъ орудій для черченія своихъ наблюденій; и не зналъ, что уже давно существоуетъ астрономія, хотѣлъ самъ изобрѣсти ее силою своего творческаго ума. Одинъ счастливыи и незаппый случай открылъ Аниху новое поприще. Приходскій священникъ, перебиралъ однажды его чертежи, пораженъ былъ удивленіемъ и присовѣщывалъ ему немедленно ѡпымъ въ университетъ въ Іезуитамъ. Аниху было въ то время уже двадцать восемь лѣтъ. Онъ явился въ Инспрукъ и съ пастушескою простоюо распространялъ проходкихъ о мѣстопребываніи того папсера, который сконринъ на андады. Іезуитъ паперъ вспрѣнимъ наспуха съ улыбкою; но послѣ крапкой бесѣды улыбка его обрапшлась въ изумленіе. Онъ увидѣлъ передъ собою новаго Фалеса, удивлялся его оспроумію и обѣщался бытъ ему руководителемъ. Но бѣдный Анихъ, будучи

принужденъ кнѣзѣ себя трудами рукъ своихъ, шестъ дней долженъ былъ работать для своего содержанія; и одинъ только седьмой день могъ посвящать Богу и наукамъ. Не смотря на столь малые промежутки времени, въ 1756 году онъ успроилъ уже глобусъ небесный, а въ 1759 окончилъ и земной глобусъ. Сія успѣхи его служили ему поощреніемъ къ предпріятію новому и весьма важному. Онъ рѣшился снять подробную карту Тироля; и Австрія увидѣла вскорѣ чудо, которому едва могли вѣрять. Одинъ бѣдный паспухъ, безъ денегъ, безъ надлежащихъ инструментовъ и съ пособіемъ только своего родственника Блеза Гюебера, въ весьма короткое время окончилъ такую работу, которая требуетъ соединенныхъ усилий цѣлаго общества и значительныхъ издержекъ государственныхъ. Дѣло конечно невѣроятное и необыкновенное; но Аникъ, какъ и прежде, оставался безъ награды и почти безъ куска хлѣба. Наконецъ невниманіе правительства къ полезнымъ трудамъ его, истощеніе силъ онъ чрезмѣрной дѣятельности,—бѣдность, принудившая его про-

дасть испружены физическіе, и горестны, съ какою онъ съ ними расставался, свели его прежде времени въ могилу. Таковы пупы испытанія, предписываемые судьбою великимъ людямъ! Анихъ умеръ, какъ и жилъ, въ неавѣстности; и, кромѣ Блеза Гюебера, никто не оросилъ слезами его гробницы.

Участіе этого необыкновеннаго челоуѣка во многихъ отношеніяхъ похоже на жребій нашего Ломоносова. Оба родились почти въ одно время и въ равной долѣ; оба слѣдовали внушеніямъ одной общей ихъ матери, природы; обоимъ сопутствовали нужда и бѣдность: но Ломоносовъ въ спранахъ сѣвера, который въ Европѣ почитали еще необразованнымъ, былъ взысканъ и осыпанъ милостіями крошкой Елисаветы; а Анихъ среди народа, гордившагося просвѣщеніемъ, и при такомъ правленіи, которое славилось мудростію, умеръ жертвою бѣдности и суроваго рока.

При дворѣ Вѣнскомъ, кажется, сумѣвались о существованіи генія-паспуха еще и въ то время, когда онъ уже не существовалъ. Только при года спустя послѣ его

смерти, Императрица Марія Терезія повелѣла учредитьъ въ честь его торжественный и великолѣпный поминъ;—награда поздняя и суешная, копорою правительство хотѣло, безъ сомнѣнія, не столько почтитьъ память усопшаго, сколько оправдать себя передъ спрогнмъ судомъ потомства.

Скромный и бѣдный паспухъ, во время жизни своей, не былъ удостоенъ вниманія сибаритовъ, уповавшихъ въ нѣгъ и роскоши; а послѣ смерти его, гордяшся имъ и дворъ и нація (*).

(*) Карта его, напечатанная въ 1804 году въ Вѣнѣ, служила потомъ моделью картъ, изданной при Наполеонѣ военнымъ Парижскимъ депо.

ОКРЕСТНОСТИ ИНСПРУКА.

Водопадъ Зилль. Амбрасскій замокъ. Монастырь Вилтау;
серебряный сосудъ, памятникъ древняго обряда причащенія
Св. тавръ подъ двумя видами.

Изъ окрестностей Инспрука достоинъ примѣчанія водопадъ, находящійся отъ города на одну четверть мили. Цѣлая рѣка *Зилль* низвергается съ шумомъ съ значительной высоты, бьетъ пѣнистыми буграми и обращается въ тончайшую пыль. Недалеко отъ него стоить на зеленомъ пригоркѣ замокъ Амбрасскій, окруженный обширными и прекрасными видами. Собраніе рыцарскихъ броней и оружій, основанное здѣсь Эрцгерцогомъ Фердинандомъ, перенесено теперь въ загородный Люксембургскій дворецъ Австрійскаго Императора. Въ числѣ рѣдкостей, которыми обладаетъ здѣш-

няя бібліотека, обращаетъ вниманіе одинъ древній пребникъ, украшенный арабесками и миниатюрными изображеніями. Между прочимъ представлень въ немъ Іоаннъ Гуссъ на эшафонѣ; нѣсколько ниже Латинскій гимнъ, начинающійся слѣдующими словами: „Gloriosi Martyris Ioannis Huss etc.“

Неподалеку отъ замка находится монастырь Вилшау, получившій названіе свое, какъ думаютъ, отъ Римской колоніи Viltina или Uelddena, копорой слѣды видны еще во многихъ найденныхъ здѣсь надписяхъ. Въ церкви монастыря хранился одинъ весьма любопытный серебряный сосудъ, вырытый изъ земли въ 1304 году. Полагаютъ, что онъ употреблялся при совершеніи тайной вечери и принадлежалъ тому времени, когда еще католическіе міряне причащались Св. таинъ подъ двумя видами. Епископъ Юнфкирхенскій Георгій Драсковичъ представлялъ его собору Тридентинскому съ намѣреніемъ возобновить древній обрядъ Евхаристіи, доселѣ свято хранимый въ нашей Восточной церкви.

ПАМЯТЬ ГОФЕРА.

Сегодня мы были въ другой разъ въ церкви Св. Крестна, называемой придворною и Францисканскою. Между тѣмъ какъ переходилъ я отъ одного колосса къ другому и обшанавливался передъ великолѣпною гробницею Максимиліана, одинъ строгашельный обрядъ крестыянъ Тирольскихъ привлекъ все мое вниманіе. Всѣ приходящіе, спарики и юноши, брали горстію подлѣ дверей благословенную воду; приближались одинъ за другимъ къ углу храма; совершали возліаніе на помокъ съ проскрапнымъ наклоненіемъ головы, и скрывались съ радостію на лицѣ, подобно людямъ, получившимъ разрѣшеніе отъ эпископа. Любопытство заставило меня узнать причину этого рѣдкаго и общенароднаго жертвоприношенія; мнѣ отвѣ-

чали, что подъ этимъ камнемъ покоится Андрей Гоферъ. Гоферъ, щипъ, честь и слава своего опечесства! Какія высокія и мрачныя воспоминанія!....

Въ 1809 году, когда упоенный гордостью Наполеонъ хотѣлъ располагать жребіемъ Тироля по видамъ своего неасытнаго властолюбія, въ тишинѣ долинъ и въ глуши ущелій возсталъ внезапно страшный каратель насилія и смѣлый поборникъ приписанныхъ. Содержатель бѣдной гостиницы, не знаменитый ни родомъ, ни званіемъ, но великій душою, окружилъ себя горными жителями и, сверкая мечемъ, звалъ ихъ на кровавый пиръ смерти. О, какъ сильно въ народѣ чувство независимости и привязанности къ обычаямъ и правленію его предковъ! Голосъ героя раздался отъ одного края Тироля до другаго, вливая мужество въ робкихъ и дерзновеніе въ храбрыхъ. Долины воспрянули, лѣса ожили, горы одѣлись пучами. Знамя народнаго вождя было знаменемъ побѣды. Полки росли внезапно вокругъ его. Храбрые падали, на ихъ мѣсто становились неустрашимые. Дѣши мспили

за опцевъ, матери за дѣшей, жены за супруговъ. Они падали въ глубокихъ оврагахъ; вырывались изъ темныхъ пещеръ; бросали на непріятеля цѣлыя скалы и утесы, по одному мановенію сопровождаемого ужасомъ ихъ полководца. Таковъ былъ Гоферъ!

Не измѣнила ему слава, измѣнило счастье. Онъ въ плѣну; и здѣсь - то исторія должна изобразить кровавыми чертами шоржество насилія. Гофера судили и разспрѣляли! По паденіи Наполеономъ, бранные останки его перевезены изъ Италіи въ Инсбрукъ и положены въ церкви Святого Креста, на ряду съ плѣнами древнихъ государей и героевъ.

Крапокъ былъ вѣкъ мужа великаго; но память его живетъ на горахъ и прахъ его долго будетъ священъ въ храмѣ. — При имени Гофера сильно бьется сердце въ Тирольцахъ. Когда мы вышли на долину, простирающуюся при подошвѣ Исея, гдѣ въ 1809 году 12 Апрѣля происходило сраженіе между крестьянами и Баварскимъ войскомъ; нашъ проводникъ, принимая видъ и шонъ важный, говорилъ намъ: „здѣсь мы напали

быстро, бился храбро и спояли спѣною; а шамъ,“ указывая на противоположную сторону, „по повелѣнію нашего вождя, въ одно и позже время, съ вершины горы высыпали наши братья, какъ вчелы, бросились въ городъ, заняли мостъ, смяли Баварцевъ и принудили весь корпусъ ихъ къ сдачѣ.“

Мы вездѣ встрѣчали порпребъ Гофера. Онъ опирается на саблю, одѣтъ въ гусарской мундиръ, имѣетъ красную черезъ плечо ленту. Черная борода, правильныя черты лица и огонь въ глазахъ даютъ ему благородство и важность. Золотая медаль, которую онъ получилъ отъ правительсва, хранился въ гостинницѣ Золотого орла и показывается всѣмъ путешественникамъ. Императоръ возвелъ его съ семействомъ въ дворянское достоинство, а исторія пославить его на ряду съ Миниными и Пожарскими.

ТИРОЛЬ, 1823 года Июня....

Общество живописцевъ для снятія Тирольскихъ видовъ. Роскошь и дикость береговъ Инна. Рыцарскіе замки. Сцены Тирольской ночи. Обычай строить дома съ плоскими крышами и расписывать наружность стѣнъ картинами. Чувство путешественника при возвращеніи изъ горныхъ мѣстъ въ равнины. Любовь Тирольцевъ къ родинѣ; ихъ павожность; суевѣріе; гостепріимство. Виселый нравъ Тирольцевъ; гортапное пѣніе; собственнаго ихъ изобретенія музыкальные инструменты; національная пляска.

Пѣсня пастушки. Наряды мужчинъ и женщинъ.

Говорящъ, что въ Италіи соснавляется обществу живописцевъ для снятія лучшихъ видовъ Тирольскихъ. Если это справедливо, то мы скоро увидимъ въ лицахъ всѣ Ретійскія и Норійскія Альпы; намъ прудно выбирать чпонибудь лучшее, гдѣ нѣтъ почти ничего посредственнаго. Тироль, въ нѣкопоромъ смыслѣ, есть картинная галлерей

самой природы, которая, по видимому, хотѣла поспавить здѣсь всѣ излещные ландшафты и разлишь по нимъ свѣтъ со всѣми постепенными его тѣнями.

На длинной и широкой долинѣ Ининской юная весна является съ пышносноію, съ великолѣпиемъ и съ торжеспвомъ. Роскошные берега Инна улыбающся; прозрачные ручейки играють и журчають по пучнымъ лугамъ. На холмахъ разсѣяны домики; вокругъ ихъ цвѣтупъ плодовиыя деревья, зеленѣють виноградники, или волнуется пшеница и сарачинское пшено. Можно подумать, что жипели эпой обѣщованной спраны не орутъ и не сѣють, а, подобно пшпцамъ небеснымъ, собирають плоды уже гошовые, нарочно для нихъ повсюду разбросанные; но чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ мѣста спановящся суровѣе, предмепы величеспвеннѣе. Здѣсь надобно уже сражашся съ природою и какъ бы силою опниывать у нее учаспокъ земли для нивы, для хупора и для дороги. Мимо васъ идупъ высокіе утесы; надъ головою висятъ кремнистыя скалы; передъ вами ле-

жасть громады цѣлыхъ горъ, упавшихъ отъ вѣтхости или отъ землетрясенія; подлѣ васъ зіяють бездны, омываемы шумнымъ попомомъ и усѣяныя острыми камнями. На страшныхъ подоблачныхъ крупицахъ сползть древніе замки, — памянники варварства и невѣжества, гордые въ самыхъ развалинахъ. Готическія башни поросли мохомъ; по зубчатымъ стѣнамъ вьется крапива и въ опустошенныхъ галлерейхъ воесть одинокой вѣсперъ. Самое попомство, неумолимое въ приговорахъ своихъ, кажется, проспало звѣрству жившихъ здѣсь ширановъ, предавъ забвенію имена ихъ.

Тирольская ночь представляеть новыя картины съ новыми ужасами. Среди непроницаемаго мрака ничего не видно, кромѣ узкой полосы неба, просвѣтляющей надъ головою. Въ хижинахъ, разсѣянныхъ по холмамъ, и въ паспущихъ шалашахъ, висящихъ надъ спремнинами, мелькають изрѣдка огни блѣдные и синевапые. Вокругъ васъ царствуетъ глубокая тишина, прерываемая только звонкими колокольчиками бродящихъ

по крупннзнамъ коровъ (*), или шумомъ низвергающихся съ горъ водопадовъ, или глухимъ гуломъ бушующаго, какъ бы въ адѣ, Инна, роющаго основанія горъ и готоваго поглотншь въ своихъ волнахъ неоспорожнаго путешеспвеннка (**). Посреди этого мрачнаго безмолвія вдругъ раздается веселая труба почпаліона, извѣщающая о приближеніи къ почповому дому; тысячи опголосковъ повторяють ея звуки въ ущеліяхъ горныхъ и вливають какъ бы новую жизнь въ душу, обремененную бездѣйспвіемъ и дремотою.

Тироль вмѣщаетъ въ себѣ почти всѣ произведенія сѣвера и юга. На горахъ дремлютъ кудрявыя сосны и ели; на долинахъ цвѣтутъ миндаль, виноградъ и гранаты. Царство ископаемыхъ изобилуетъ здѣсь мѣдью, желѣзомъ, мраморомъ, яшмою и агашомъ. Для предохраненія отъ вихрей, кошорые бушуютъ очень часто по направленію

(*) Въ Тироль припзываютъ къ шлемъ коровъ колокольчики.

(**) Недалеко отъ Ландека, за недѣлю до нашего путешествія, сорвалась почтовая коляска въ Иннъ и въ одну минуту исчезла съ парою лошадей и съ почтою. Къ счастью, курьеръ шелъ пашкомъ, а извозчикъ успѣлъ спрыгнуть.

Инна, Адига и Ейзаха, строятъ здѣсь крыши домовъ плоскія и кладутъ на нихъ множество камней. Къ спраннымъ Тирольскаго вкуса принадлежатъ въ особенности то, что наружность домовъ почти всегда расписана картинами или иконами; а что еще удивительнѣе, часто подлѣ пракширной вывѣски, подлѣ бупылокъ и спакановъ, пѣнящихся виномъ, изображена Мадонна или святыя папроны.

Съ переменною высоты мѣста переменяются здѣсь климатъ и атмосфера. Въ глубинѣ ущелій мы дышали знойнымъ воздухомъ; а на вершинѣ горы, послѣ прехъ часовъ путешествія, вдругъ окружило насъ облако и скрыло отъ взора солнце и небо. Проѣхавъ черезъ узкой деревянный мостъ, подлѣ которымъ зіяла бездна и раздавался глухой гулъ бушующаго потока, мы начали спускаться въ равнину. Неперпѣніе наше обратилось въ воспоргъ, когда мы снова увидѣли проспанные поля и обширныя долины; казалось, мы вдругъ переселились изъ чуждаго намъ міра въ нашъ собственной. Это можешь служишь доказательствомъ,

что душа наша не въ состояніи переносить продолжительнаго на нее дѣйствія высокихъ предметовъ, и что послѣ сильныхъ поприсеній ей нужны покой и отдыхъ.

Прежде нежели оспавлю совѣтъ Тироль, скажу нѣсколько словъ и о характерѣ горныхъ жителей. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе склонностей и привычекъ народныхъ требуетъ долгаго времени и глубокихъ наблюденій; со всѣмъ тѣмъ, встрѣчаясь очень часто въ народѣ такія черты, которыя съ перваго взгляда поражаютъ путешественниковъ. Тирольцы, сколько я могъ замѣтить, имѣютъ всѣ добродѣтели, свойственныя народамъ, еще не совсѣмъ распавшимся съ первоначальною ихъ матерію, природою. Любовь къ независимости можно назвать господствующимъ ихъ чувствомъ. Они никогда не будутъ завоевателями, и не хотѣтъ знать, что за ихъ горами есть міръ со всѣми выгодами жизни; но и никогда не снесутъ чуждаго ига и рабства. Эти разсѣянные по дебрямъ и долинамъ кресны, памятники войны 1809 года, скажутъ потомкамъ о великихъ жертвованіяхъ ихъ

предковъ. Въ мѣстечкѣ Св. Іоанна одна могила скрываетъ семерыхъ братьевъ, которые сражались вѣшнѣ и пали одинъ подлѣ другаго. Въ пылу битвы они забыли и женъ и младенцевъ дѣтей, помня объ одномъ опечесствѣ и чести.

Тирольцы ошлываются паче и набожностію. Въ храмахъ Инспрука вы увидите съ утра до вечера шарцевъ, женъ и дѣвицъ, просерпыхъ при подножіи олшарей; и въ самыхъ домахъ моленіе составляетъ одну изъ первыхъ ихъ обязанностей. Какое пропагандное зрѣлище, когда послѣ шумной вѣчери десятъ или пятнадцатъ работниковъ госпитальности спаваются на колѣна и съ наклоненною головою, съ сложенными руками, слушающъ молитву, читаемую вслухъ начальникомъ семейства! — Тирольцы, подобно всѣмъ католикамъ, слишкомъ привязаны къ вещественнымъ названіямъ, дѣйствующимъ на чувства. За первую станцію отъ Инспрука къ Ландеку есть гора съ лѣспицею, преобразующая путь къ небу или духовный Іерусалимъ. Олшари, поставленные на уступахъ, пред-

спавляють Вилеемъ, Голгоу, Оаворъ и
такъ далѣе.

Набожность безъ образованія обращаетъ
ся въ суевѣріе, а Тирольцы суевѣрны до лег-
комыслія. Въ 1799 году нашла плуча на де-
ревню Абсамъ, опстоящую на полмили отъ
Галля. Послѣ сильного удара увидѣли на окон-
ницѣ одного дома образъ Божіей Матери,
писанный на стеклѣ, и потчасъ распустили
слухъ, что будто бы онъ сошелъ съ неба
вмѣстѣ съ молніею и громомъ. Толпы Хри-
стіанъ сняли его со спавия и понесли съ
шоржеспвомъ въ церковь. Ни увѣщанія свя-
щенника, ни благоразумныя мѣры Тріенш-
скаго Епископа не могли вывеспи черни изъ
заблужденія, и найденная икона скоро
сдѣлалась извѣсною въ окрестностяхъ.

Тирольцы вѣрятъ снамъ, гаданіямъ и вол-
шебспвамъ. Есть цѣлые дома, брошенные и
запущенные подъ шѣмъ предлогомъ, что они
обишаемы духами. Робкое легковѣріе ходитъ
мимо ихъ съ шрепетомъ, ограждая себя
креспомъ и молишвою.

Тирольцы славятся госпепріимспвомъ.
Путешеспвенникъ найдетъ въ горныхъ хи-

жизняхъ убѣжище отъ суровости степей и покой отъ усталости. Слѣды безкорыстія видны еще въ самыхъ гостиницахъ. Какъ скоро проиграетъ труба почталіона, молодая женщина или дѣвушка бѣжитъ на встрѣчу къ каретѣ, принимаетъ гостей съ охровенною улыбкою и осыпаетъ ихъ ласками, какъ бы давно уже ей знакомыхъ.

Я не видалъ почти ни одного суроваго Тирольца. Мнѣ кажется, они поютъ, пляшутъ и въ радостяхъ и въ горестяхъ. Пѣсни Тирольцевъ извѣсны всей Европѣ; но въ Тироли онѣ имѣютъ какую-то особенную прелесть. Горный житецъ вполнѣ переливаетъ своего голоса игрою горла, похожею на игру духового инструмента. Жанъ Жакъ Руссо, а съ нимъ и другіе ученые искали причину этой необыкновенной способности въ климатѣ, во вліяніи воздуха, въ привычкѣ перекликались на горахъ, въ необходимости громко разговаривать при шумѣ полоковъ; но господа ученые забыли только одно, что эта способность пріобрѣтается подражаніемъ природѣ и что вся тайна гармоніи состоитъ въ искусствѣ повпорять голосомъ

ондаленное эхо. Тирольцы сопровождаютъ свое пѣніе арфою или скрипкою; сверхъ того естъ еще инструменпы, самими ими изобрѣтенныя. Одинъ изъ нихъ, похожій на гитару, имѣетъ лады съ проволочными струнами; другой, на кошоромъ играютъ желѣзными пружиками, издаетъ звуки Золотой арфы или гармоники. Пляска Тирольская, соотвѣшшвуешъ живоспи музыки. Горный жипель, во время пѣнія, щелкаетъ пальцами и ударяетъ въ ладъ ногою; а по окончаніи куплета, кружипся, бьетъ себя ладонями по колѣнамъ, по пятамъ и по спинѣ. Увѣряютъ, что въ Тироль, также какъ и въ южной Франціи, большаа часть пѣсенъ сочиняетъся дѣвушками. Предлагаю переводъ одной пѣсни, помѣщенной Марселемъ де Серресомъ въ его путешествіи.

„Милой другъ! удовольствіе зоветъ тебя; пользуйся минутою. Знаешь ли, какъ быспро улетають отъ насъ радости? Не бойся ничего. Наказываютъ ли боги за невинное удовольствіе?“

„Для чего же ты подъ окномъ моимъ поешь съ тяжелыми вздохами жалобную
Часть II.

пѣсню? Если бы ты былъ другомъ сердца моего, спалъ ли бы ты убѣгая отъ ливня друга!“

„Въ мѣстахъ пустынныхъ, гдѣ волнуется наши жажвы безъ призражня, звѣроловцы ищеть себя убѣжища. Глупой! поперявъ дорогу жизни, онъ надѣется еще найти себя убѣжище въ мѣстахъ пустынныхъ! Говоряшь, что любовь не есть доброе чувство. Смотри на себя, я этому не вѣрю. Если любовь есть злое чувство, для чего же такъ мнѣ приятно смотрѣть на себя?“

„Паспухъ! блаженство обитаетъ въ одномъ швомъ шалашѣ. Вдали отъ міра, который тебя не знаетъ, слѣдуя сладостнымъ влеченіямъ природы и наслаждайся свободою.“

„Милый другъ! удовольствіе зоветъ тебя; пользуйся минушою. Знаешь ли, какъ быспроулепають отъ насъ радости? Не бойся же ничего; наказываютъ ли боги за невинное удовольствіе?“

Природа дала Тироляцамъ спройный спанъ, а упражненія дѣлають ихъ ловкими. Обыкновенная одежда мужчинъ состоить въ куртѣ.

Кожаный ихъ поясъ застегивается сталь-
ною или мѣдною пряжкой; широкая шляпа
обвязана зеленою лентою и украшена перь-
ями. Зеленый цвѣтъ есть самый употреблѣ-
тельный и національный; а число перьевъ
означаетъ, какъ мнѣ сказывали, число побѣдъ,
одержанныхъ въ борьбѣ, въ бѣганіи и дру-
гихъ гимнастическихъ играхъ. Женскіе ко-
стюмы и безобразны и превосходны. Спа-
рая женщина есть ходячій ашикъ съ боль-
шимъ копакомъ и съ огромными фижками;
но рядомъ съ нею вы увидите молодую дѣ-
вушку,—не прекрасную, но милую,—не бога-
то, но со вкусомъ убранную. Бѣлый или чер-
ный бархатный корсетъ спягиваетъ зе-
леную юбочку и обхватываетъ круглую
грудь. Русые волосы, заплѣненные въ косу,
обвязаны простою лентой; или, завитые въ
локоны, падаютъ нзъ подъ черной мужской
шляпы и спелются во бѣлой шеѣ. Круглая
мужская шляпа черного пуху бросаетъ прі-
ятную, свѣплую тѣнь на щекъ, покрытая
румянцемъ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ,

1823 года Іюня $\frac{1}{15}$.

Мы пріѣхали въ Фельдкирхъ ночью, оставили здѣсь дилижансъ и выѣхали въ почтовой коляскѣ, при восхожденіи солнца. Городъ сей лежитъ на правомъ берегу Рейна и опворяетъ входъ изъ Швейцаріи въ область Форальбергъ, а отсюда черезъ гору Арлебергъ въ самый Тироль. Такое положеніе его, весьма важное въ военномъ отношеніи, неоднократно давало поводъ воюющимъ державамъ къ кровопролитнымъ сраженіямъ, изъ которыхъ самое жестокое происходило въ Мартѣ 1799 года между Французами и Австрійцами. Окрестности Фельдкирха напоминаютъ также наблюдателямъ природы о великихъ превращеніяхъ, совершившихся

въ этой части земнаго шара. Передъ восточными его воротами шлянутся два ряда холмовъ, въ родѣ нарочно построенныхъ земляныхъ укрѣпленій. Разбросанныя на равнинахъ пригорки, имѣющія видъ огромныхъ кургановъ, какъ бы ошорваны оны Альповъ. Бока многихъ горъ, то покатыя, то отвѣсныя, то нагіе, то покрытые дерномъ, или увѣчаные развалинами рыцарскихъ замковъ, — представляютъ взору картины разнообразныя, игривыя и красивые. Далѣе развертывается широкая и горизонтальная долина Рейнпаль, урѣзненная разливіями Рейна; за нею синѣетъ озеро Констанцкое, подобное великолѣпному зеркалу, отражающему берега Германіи и Швейцаріи. Рейнъ, Аахенъ и Брегенцъ, впадающіе въ него съ юговосточной стороны, заволокли песками заливъ, упоминаемый Амміаномъ Марцеллиномъ, писателемъ четвертаго столѣтія, и подвинули берегъ внизъ почти на четыре версты. Если въ теченіи четырнадцати вѣковъ могли произойти столь важные перемѣны; то можно предполагать, что Констанцкое озеро восходило прежде въ верхъ

на нѣсколько миль и покрывало водами своими, можете быть, всю долину Рейншаль.

Лишь только мы взопли на усталый плоть, который долженъ былъ нести насъ по зыбкимъ валамъ бурнаго Рейна; товарищъ моего путешествія, докторъ Ж., просянувъ руки къ противоположному берегу, заплъ извѣстный романсъ Швейцарскій: „O ma patrie! Toujours chérie!...“ Если не любовь къ отечеству, то крайней мѣрѣ посла по родинѣ остается еще однимъ изъ главныхъ качествъ Швейцарцевъ. Я раздѣляю эти два чувства по тому, что первое изъ нихъчитаю принадлежностію однихъ душъ благородныхъ и возвышенныхъ, а послѣднее слѣдствіемъ только привязанности къ мѣсту рожденія, — привязанности физической, свойственной равно Лапландцу, какъ и жителю очарованныхъ странъ южной Европы.

Наконецъ мы спустились на берегъ Швейцаріи, 1 Іюня въ 10 часовъ утра. Швейцаріи! Признаюсь, я не могъ быть равнодушнымъ, когда мой взоръ встрѣпилъ въ первый разъ эту землю, по многимъ отношеніямъ класси-

ческую, и когда разными воспоминаніи съ волшебными мечтами начинали пробуждаться въ душѣ моей. Къ сожалѣнію, это состояніе сладостнаго забвенія не долго продолжалось. Неумѣренныя восклицанія, забавныя иперболы и припворныя воспорги доктора Ж. разрушили мое очарованіе. Прежде всего бросился онъ обнимать меня и поздравлялъ съ какимъ-то высокимъ счастіемъ. Въ чемъ же состояло мое высокое счастье? Въ высокой чести путешествовать по Швейцаріи. Если вѣрить нашему панегиристу, эта спора на есть другой земной рай. Первенцемъ его былъ Вильгельмъ Тель, который не только не падалъ, но и никогда не сполыкался. Поминки его всѣ безъ исключенія праведники. Въ ихъ золотой, жизнь паптіархальная, нравы пасшескіе. Особенно оплячаются они привѣпливостію, протосердечіемъ, опкровенностію. Права ихъ—безусловное равенство и совершенное брапство. — Красноричивый панегиристъ, хваля такимъ образомъ свою опчану, не пропускалъ случая унижать и бранить всѣ прочія націи. Однимъ словомъ, это шонъ нашихъ гувверноровъ.

и гувернаншкѣ, которые пріѣзжаютъ къ намъ для того, чтобы проклинаніе нашѣ сѣверъ и выхваляишь съ восторгомъ южныхъ комаровъ и мухъ, выспавляя ихъ намъ огромными слонами. Къ несчастію, и мы Русскіе такъ напуганы еще съ младенчества высокимъ просвѣщеніемъ эпихъ заморскихъ пѣснунѣвъ, что очень часто и въ маспешой спароспи ставимъ себѣ за грѣхъ опшсупишь въ чемъ нибудь опъ ихъ образа мыслей или усумнишь въ какомъ нибудь ихъ словѣ. И мое сердце готово было бы распопишь передъ жаркими доводами доктора Ж., если бы только при неожиданные случаи не уменьшили моего къ нему довѣрія. Три случая, достойные вниманія путешественниковъ.

1) Когда Г. докторъ описывалъ самыми вышними красками богатство Швейцарскихъ крестьянъ, уподобляя каждый ихъ домъ Церерину рѣгу изобилія; тогда изъ эпихъ роговъ изобилія безпрестанно выскакивали въ оборванныхъ плапьяхъ мальчики и дѣвочки, и гонясь за нашею коляскою, просили у насъ милоспины жалобными воплями. Эпа музыка

преслѣдовала насъ и въ деревняхъ и въ полѣ; и до того вывела изъ терпѣнія Г. доктора, что онъ принужденъ былъ защищаться хлыстикомъ отъ музыкантовъ.

2) Когда онъ Швейцарскихъ крестьянъ сравнивалъ съ помѣщиками другихъ націй, и доказывалъ, что у каждаго изъ нихъ есть по десяти и двадцати работниковъ; тогда сидѣвшій съ нами Гризонецъ, покачавъ головою, сказалъ ему: „видно, милоспивый государь, вы худо знаете Швейцарію; справедливо, что многіе изъ здѣшнихъ поселенъ окружены полнами иловъ: но кпожъ эти иловы? Также Швейцарцы; только бездомные, безпріютные, спраждающіе отъ монополіи своихъ братій и осужденные во всю жизнь орошать ихъ поля своимъ потомъ.“

3) При перемѣнѣ лошадей въ Арбонѣ, сколько времени заспавили насъ дожидаться, что Г. докторъ поперялъ наконецъ терпѣніе и началъ кричать на извозчика. Послѣдній въ свою очередь до того разгорячился, что совсѣмъ заглушилъ перваго ревомъ своего голоса; а въ добавокъ засучилъ еще рукава и

началь показывають ему кулаки. Послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія доктора, я обратился къ нему съ вопросомъ: къ чему онъ относитъ этотъ поступокъ извощика? Къ просподушію или къ праву безусловнаго равенства? — „Къ праву равенства,“ отвѣчалъ онъ сердитымъ тономъ; „да, государь мой, къ праву равенства.“ Я пожалъ плечами и подумалъ: несчастна сторона, гдѣ надобно доказывать прана своимъ кулаками!

„Скажу вамъ еще болѣе,“ продолжалъ нашъ виція; „здѣсь не смотрятъ на лица и не уважають княжескихъ пипль; здѣсь тогъ князь, кто больше даетъ золота.“ Я вздохнулъ и подумалъ: жалокъ народъ, у котораго цѣнятъ шаланты и доспоминства по одному вѣсу золота!

Вопъ какія впечатлѣнія оставилъ во мнѣ первый день моего путешествія по Швейцаріи; они непріятны, по крайней мѣрѣ послужають мнѣ урокомъ для будущихъ наблюденій.

КОНСТАНЦЬ.

Протяжение озера; его внезапные приливы. Состояние судоходства. Воспоминание о Констанцкомъ соборѣ, созданномъ въ слѣдствіе церковныхъ распрѣй. Исчисленіе иностранцевъ разнаго званія, бывшихъ въ Констанцѣ въ продолженіе собора. Низверженіе трехъ самозванцевъ папѣ. Конклавъ или заключеніе кардиналовъ и провозглашеніе Графа Колонны папою. Созженіе на кострь Іоанна Гусса и Іеронима Прагскаго. Причины упадка торговли, промышленности и народонаселенія города.

Огромность водоема, простирающагося въ длину отъ Брегенца до замка Бодмена на 70, и въ ширину отъ Рошаха до Лангенаргена на 20 верстъ, хотя отдаленностію береговъ разрушаетъ цѣлостъ и единство окружающихъ его ландшафтовъ, но въ тоже время даетъ каждому изъ нихъ въ особенностіи какую-то свѣжестъ и жизнь.

Озеро Конспанцкое есть самое низкое и самое глубокое изъ озеръ Швейцарскихъ. Около утесовъ Мерсбургскихъ, около острова Линдау и во многихъ другихъ мѣстахъ имѣетъ оно глубины до 299 сажень, а возвышенія надъ поверхностію моря 1085 футовъ. Во время водополюя, когда снѣга Альпійскіе начинаютъ растапливаться и превращаться въ потоки, оно поднимается обыкновенно на 8 футовъ; а иногда на 20 и даже на 24 фута, какъ случилось въ 1770 году. Внезапные приливы и опливы, являющіеся въ неопредѣленное время (извѣстные на Женевскомъ озерѣ подъ именемъ Seiches), не рѣдко замѣчаются на озерѣ Конспанцкомъ; напр. въ 1740 году 5 Февраля, въ продолженіе одного часа, вода поднималась и опускалась четыре раза, мѣрою на 2 фута. Причина этого явленія, называемаго здѣсь ругсомъ (rouhs), не смотря на всѣ предположенія ученыхъ, остается до сихъ поръ загадкою.

Пятнадцатое и шестнадцатое столѣтія были самыя благопріятныя для судоходства озера Конспанцкаго; но въ послѣдствіи времени упадокъ фабрикъ и значительное умень-

шеніе народонаселенія въ Констанцѣ, политическія отношенія Австріи къ Швейцаріи и Германіи и сверхъ того взаимное чужденіе окрестныхъ народовъ, получившихъ разные образы правленія,—поразили смертельнымъ ударомъ торговлю, промышленность и самую дѣятельность. Послѣдовавшее съ 1815 года размежеваніе владѣній, вновь ожидаемые пр�кшпшы между правительствами Нѣмецкими и Швейцаріею и построеніе пароходовъ, предпринимаемое разными обществами, можетъ быть, дадутъ снова движеніе судоходству, но едва ли возмогути привести его въ прежнее цвѣтущее состояніе.

Дорога отъ Рейнска до Констанца лежитъ по лѣвому берегу озера, и большею частію черезъ виноградники и поля, засѣянные хлѣбомъ. *Констанцъ* обязанъ основаніемъ и именемъ Императору Констанцію Хлору, а знаменитостію своею бывшему въ немъ собору. Въ концѣ чепырнадашаго и въ началѣ пшпнадашаго столѣтія церковь западная, какъ извѣстно, раздираема была внутренними распрями и междоусобіями. Власть

папская въ то время достигла высочайшей и послѣдней степени своего могущества; нишло наѣспника Божія и наслѣдника Апостольскаго прешло дспило людямъ кичливымъ; пройсшвенная піара, сіявшая тогда на землѣ, какъ солнце на небѣ, — содѣлалась первымъ предметомъ недремнаго честолюбія духовныхъ сановниковъ. И такимъ образомъ явились въ одно время три лжепапы: Іоаннъ XXIII, Григорій XII и Бенедиктъ XIII, вооружившіеся одинъ противъ другаго громами проклятій и церковнаго оплученія. Такіе ихъ поступки привели въ соблазнъ народъ и въ негодование самыя правительсва. Императоръ Сигисмундъ снарался пресѣть аю и, послѣ предварительныхъ сношеній съ депутатами самозванцевъ папъ въ Лоди и въ Комахъ, рѣшился созвать въ Констанць вселенскій соборъ. Въ слѣдствіе его приглашенія, стеклись со всѣхъ сторонъ католическаго міра короли, принцы, герцоги, епископы, богословы, законовѣдцы, уполномоченные отъ монастырей и университетовъ, — изъ Италіи, Франціи, Испаніи, Германіи, Англіи, Даніи, Норвегіи,

Швеціи, Польши, Венгріи, и даже изъ Константинополя. Городъ Констанць, имѣвшій до того времени около 52,000 жителей, вдругъ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ до 100,000 иносѣланцевъ, въ числѣ которыхъ современные хроники считали 2,300 принцевъ и вельможъ, 18,000 прелатовъ, священниковъ и богослововъ, 1500 придворныхъ дамъ, 228 порфирныхъ, 300 брадобрѣевъ, 75 канцлеровъ, 44 аптеки и 80,000 людей разнаго званія съ 30,000 лошадей. Съ водвореніемъ такого множества иносѣланцевъ водворились разнаго рода увеселенія, роскошь и пышность.

Святые отцы, водимые болѣе видами властолюбія, нежели Христіанскимъ смиренномудріемъ, многое начинали и ничего не оканчивали. Между тѣмъ Іоаннъ XXIII, видя близкое свое паденіе, хотѣлъ спаснися бѣгствомъ и, пойманный на дорогѣ, лишенъ былъ порожественно папскаго сана; въ слѣдъ за этимъ Григорій XII, спаренъ восьмидесяти-восьмилѣтній, сложилъ съ себя тиару; а для низверженія Бенедикта XIII, Императоръ отправлялся нарочно въ Испанію. Онъ посѣтилъ раннымъ образомъ

Францію и Англію, чтобы возстановить миръ между сими державами; а по возвращеніи изъ путешествія, которое продолжалось около 18 мѣсяцевъ, вознамѣрился спуститься къ рѣшительнымъ мѣрамъ и въ отношеніи собора.

Между тѣмъ какъ кардиналы и другіе избирательные члены спорили и шумѣли, Императоръ совсѣмъ неожиданно запираетъ ихъ въ залъ и приказываетъ объявить имъ, что они до тѣхъ поръ не выдутъ изъ заключенія, пока не согласятся въ избраніи папы. Несмотря на эти угрозы, избиратели продолжали еще нѣсколько времени упорствовать. Но привыкнувши къ нѣгѣ и изобилію, они поблѣднѣли передъ голодомъ, измощающимъ тѣло и скрежещущимъ зубами, по выраженію стихопворцевъ; и такимъ образомъ принуждены были провозгласить графа Колонну папою подъ именемъ Мартина V. Въ избирательной залѣ, уцѣлѣвшей до нашего времени, и увѣшанной теперь вооруженіями рыцарскими, показывающся два вѣтхихъ кресла, на которыхъ сидѣли Императоръ и новоизбранный папа; и между прочимъ одно

узкое отверстіе или окно, черезъ которое подавали кардиналамъ, узникамъ хлѣбъ и воду.

Такъ окончился Констанцкій соборъ, продолжавшійся съ 1414 до 1418 года,—не оставившій никакого полезнаго слѣдствія для рода человѣческаго,—не объяснившій ни одной истины, важной для Христіанства; и желательного было бы, чпобъ по крайней мѣрѣ такъ окончился. Но исторія и строгій судъ попомства не пройдутъ молчаніемъ спрашнаго вѣроломства, учиненнаго опцами собора и самимъ Императоромъ пропивъ двухъ бѣдныхъ богослововъ, Іоанна Гусса и Іеронима Прагскаго. Іоаннъ Гуссъ дерзнулъ вооружившись явно въ ученіи своемъ пропивъ злоупотребленій папы и католическаго духовенства, распротранявшихъ въ то время соблазнъ въ народѣ. Его позвали на соборъ какъ ерешика; онъ не явился. Самъ Императоръ поручился ему за его безопасность своимъ словомъ; и не замедлилъ измѣнить слову, дозволивъ въ своемъ присутствіи обвинить невиннаго, какъ пресупника, и сжечь его на кострѣ, какъ чудовище, заражающее ученіемъ своимъ землю и дыха-

ніемъ воздуха. Іеронимъ Прагскій, одинъ изъ ревностѣйшихъ учениковъ Гусса, претерпѣлъ одинавую съ учинелемъ своимъ участь. Въ Констанцѣ показывають домъ, въ которомъ Гуссъ былъ схваченъ, пещищу, гдѣ онъ былъ заключенъ, — мѣсто въ соборной церкви, на которомъ онъ слышалъ ропотъ для себя приговоръ, — и грубый плащъ чернаго цвѣта, спавшій съ плечъ его въ ту минуту, когда разъяренные преданы, изгоняя его изъ церкви шлочкомъ ноги, предавали въ руки городской стражи.

Таковы были люди, ихъ образъ мыслей и поступковъ. Прошло чепыре вѣка; — и то, что служило для нихъ предметомъ поруганій, святился потомствомъ; а на что они и взора не могли поднять безъ глубокаго благоговѣнія, то обращалось въ предметъ одного холоднаго любопытства. Такіе быстрые перевороты мнѣній, совершающіеся въ столь короткое пространство времени, невольно рождаютъ въ душѣ мрачныя мысли о заблужденіяхъ и противорѣчіяхъ чловѣка.

Соборъ Констанцскій какъ бы изрекъ приговоръ паденія и самому городу, дополъ силъ

ному и цвѣтущему. Приливъ спа тысячъ
иностранныхъ выпѣснилъ большую часть
гражданъ въ Санкт-Галленъ, въ Аппенцель и
другіе сосѣдственные города. Выѣспѣ съ ни-
ми удалились навсегда фабрики, торговля и
промышленность. Вандалы Французскіе, во
время революціи, нанесли Констанцу послѣд-
ній ударъ, кошораго слѣды, повидимому, оспа-
нулись надолго неизгладимыми. Теперь счи-
тающъ въ этомъ городѣ не болѣе двухъ ты-
сячъ жителей; дома опустѣли; на площадяхъ
мерзлая лишина; большая часть улицъ по-
росла правою. Увѣряющъ, что, при вторженіи
варваровъ запада, вождями ихъ въ гра-
бежѣ и несповспвахъ были жители города
Аппенцеля, ожесточенные враги Констанца.
Они назначали и дома для грабежа и граж-
данъ для насыщенія звѣрсства. Таковъ па-
тристизмъ и братскія отношенія Швейцар-
скихъ кантоновъ одного къ другому! (*)

(*) Констанцъ принадлежитъ великому Герцогству Баденскому, но
по своему положенію, по происхожденію жителей и по вѣ-
нѣ епископа Констанцкаго на католическіе кантоны, онъ со-
стоитъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Швейцаріею.

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ,

Іюня 2-го.

Природа положила на пути Рейна всѣ возможные препятствія, чтобы показать во всемъ блескъ его всепреодоляющую силу. Еще версты за четыре до своего паденія, онъ находитъ дно, устьяное острыми камнями; начинается яришь; бросаетъ волны въ верхъ и въ кремнистые берега, которые поспешно суживаются и какъ бы силится схватъ его въ спремленіи. Наконецъ онъ встрѣчаетъ огромную каменную площадку и на ней четыре скалы, образующія высь съ берегами пять широкихъ ворошь; скачетъ съ ужасною яростію черезъ пороги, превращается весь въ пѣну и спремглавъ низвергается въ бездну. Это — адское горнило, въ которомъ расплавляющіяся алмазы, сверкающъ жемчуги, влокачешъ

серебро и кружится вечно-движущийся сѣтъ. Густое облако дыма волнуется надъ поверхностью; тонкіе брызги летятъ на зеленые холмы; сильный гулъ несется въ отдаленныя окрестности. Таковъ водопадъ Рейнскій!

На правомъ берегу его устроена шабачная фабрика Нейгаузенская и нѣсколько выше лежатъ развалины замка, принадлежавшаго древней фамиліи Лауфенъ; на лѣвомъ берегу виситъ надъ самою рѣкою маленький навильонъ Фишецъ, посвящаемый обыкновенно пѣмъ изъ путешественниковъ, которые хотятъ видѣть водопадъ вблизи. Ширина его простирается на 450 футовъ, а высота въ обыкновенное время отъ 50 до 60, а въ водномъ до 75 футовъ.

Чтобы рѣшить вопросъ: всегда ли одинакова была высота водопада, для этого нужно любопытнымъ осмотрѣть долину Рейнскую около Брегенца. Какъ, по всему вѣроятію, большая часть ея нѣкогда была покрыта озеромъ Конспанцимъ; но можно предполагать, что прежде и озеро и Рейнъ были нѣсколькими саженями выше настоящей ихъ поверхности. Самые скалы,

опоянціа надъ водопадомъ и жарылиа съ зерку до низу водою, говорятъ о томъ довольно ясно. Римскіе писатели не оставили намъ никакихъ измѣреній и даже никакого сочиненія о семъ величественномъ феноменѣ. Гораций сѣбѣся только надъ стихопворцами, покушавшимися описывать вообще теченіе Рейна и не успѣвшими въ своихъ предпріятіяхъ. Изъ этого видно, что природа открываетъ свои прелести однимъ только избраннымъ сынамъ своимъ, каковъ былъ Державинъ. Нашъ поэтъ списывалъ свою карпину, какъ бы съ Рейнскаго водопада; тѣже скалы, тѣже алмазы, тѣже яркость свѣта и пышность красокъ.

Пороги водопада отъ Фишеца къ мѣлницамъ Нейгаузенскимъ имѣютъ примѣрное склоненіе. Первая скала, сползающая отъ лѣваго берегу въ 200 фунахъ, представляетъ видъ огромной головы на тонкой шеѣ и покрыва вся кустарникомъ. Вторая находится отъ первой на 50 футовъ и замѣчательна своею коническою формою; прерпыя и четвертая довольно широки, но низки. Всѣ эти скалы по положенію своему намушиа

совсѣмъ неприсутственнымъ : но что моментъ
быть неприсутственнымъ для дерзновеннаго пле-
мени Яфешова, которое, по словамъ Горация,
въ глупой гордости своей гошова лѣзъ на
небо. По крайней мѣрѣ нерѣдко случаетсяъ,
что во время убыли воды нѣкоторые изъ
смѣльчаковъ, повѣряя судьбу свою ушлой
ладѣ и смѣясь надъ угрозами сопровождаю-
щей ихъ смерти, перенываютъ съ опьяне-
нностію весь кипящій адъ и пристають съ
шоржесивомъ ко испорой скалѣ. За чѣмъ же?
За нѣмъ, чтобы разорить гнѣда иппитъ,
ищущихъ адѣсь безопаснаго убѣжища.
За нѣсколько лѣтъ передъ симъ развѣвалось
на этой скалѣ даже и знамя побѣдное, мо-
друженное ланими-нѣо путешественниками.
Тутъ-то бы Римскій сшихониворецъ воскри-
нулъ: „дубомъ и прехлиственною мѣдью око-
вана грудь ихъ!“

Осмотрѣвъ водонадъ съ праваго берега,
хотя и не съ самой выгодной точки зрѣнія,
—мы пошли въ замокъ (Im Woerth), чтобы
видѣть еще одно великолѣпное зрѣлище въ
камеръ-обскурѣ, устроенной здѣсь однимъ
Шафгаузенскимъ живописцемъ. Дѣйствіе сего

оптического орудія очаровательно. На блѣдомъ листѣ бумаги представлялся весь движущійся водопадъ со всѣми своими красками. Клубящіеся надъ нимъ пары безпрестанно какъ бы выходящъ изъ гладкой поверхности и бросающаеся прямо въ лице и въ глаза.

Здѣсь вспрѣтали мы прехъ пушени-спвенниковъ разныхъ націй; сужденія ихъ о водопадѣ убѣдили насъ, что высокіе предметы природы также не чужды крипики, какъ и всѣ изящныя произведенія искусства; можемъ быть опъ того, что все изящное возбуждаетъ большую дѣятельность въ душѣ человѣка, нежели все обыкновенное.

Французъ, смотря въ окно, первый началъ: „что ни говорите, а я право ничего не нахожу здѣсь рѣдкаго.

Нѣмецъ. Рѣка льется черезъ плошину, какъ на мельницахъ, не производя никакого динамическаго дѣйствія.

Англичанинъ. Такъ вамъ кажется опъ того, что вы слишкомъ увлеклись воображеніемъ, которое обыкновенно все представляетъ въ огромныхъ размѣрахъ.

Французъ. Дѣло идетъ не объ огромности, а о принадлежностяхъ, необходимыхъ для обставки слишкомъ обнаженного ландшафта. Вонъ тамъ, напримѣръ, на лѣвомъ берегу, я посадилъ бы ряды дубовъ или плаучихъ ивъ.

Нѣмецъ. Я на правомъ берегу построилъ бы большой готической замокъ.

Англичанинъ. А я порубилъ бы ваши дубы и срылъ бы ваши замки.

Французъ. (громко смѣясь) Помилуйте, пощадите хоть сколько нибудь наши труды.

Нѣмецъ. По вашему мнѣнію, природа не имѣетъ нужды въ украшеніяхъ.

Англичанинъ. Вы толкуете не о картинѣ, а о рамѣ.

Нѣмецъ. А развѣ рамка бездѣлица? Развѣ не бросаетъ она на картину совсѣмъ другаго свѣта и другихъ тѣней?....

Между тѣмъ какъ наши эстетички продолжали спорить, солнце пробилось изъ за облаковъ, осыпало лучами водопадъ и поставило вокругъ его самыхъ яркихъ цвѣтовъ радуугу. Нѣмецъ и Французъ бросились

къ окну, и безпрестанно повторяли: *C'est sublime! C'est magnifique!*

Англичанинъ. Вотъ вамъ и рамка; пожалуйста не поправляйте произведеній природы и оставьте ее дѣйствовать, какъ ей угодно. Повѣрьте, что она — самой лучшей пейзажистъ и колористъ изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ.

КАЙЗЕРШТУЛЬ.

Любопытный путешественникъ. Басня о черномъ лѣсѣ. Святый Фридрихъ, первый проповѣдникъ вѣры во Христа въ Швейцарии.

Изъ Шафгаузена въ Баденъ одна дорога идетъ чрезъ Цюрихъ, другая чрезъ маленький городъ Кайзерштуль, лежащій на лѣвомъ берегу Рейна. Мы выбрали послѣднюю, какъ красивѣйшую, хотя невымощенную и самую безпокойную. Пока мы съ дошпоромъ Ж-

ходили смотрѣть водопадъ, карета наша, двигаясь черезъ холмы черепахою, закатала поварамица нашего путешествія Гризона, ѣдущаго въ Базель по торговымъ дѣламъ. Подъ гуломъ шумящаго Рейна онъ также сладко заснулъ, какъ пуспухи Виргиліевы и Геснеровы спали при журчаніи ручьевъ и при жужжаніи пчелъ. Мы думали, что Гризонецъ уже нѣсколько разъ посѣщалъ сей водопадъ; но, къ крайнему удивленію нашему, услышали, что онъ никогда его не видалъ и совсѣмъ неохотникъ до такихъ зрѣлищъ. Есть люди, какъ извѣстно, равнодушные къ живописи, къ музыкѣ, къ зодчеству и вообще къ произведеніямъ изящныхъ искусствъ; притиною тому безъ сомнѣнія грубое усиліе органовъ, недостатокъ чувствительности и отсутствіе вкуса: но человѣкъ, при правильномъ зрѣніи, слѣпой для красоты природы, и при дарѣ чувствительности, холодный къ высокимъ предметамъ, — по моему мнѣнію, есть такое явленіе, которое должно привесити въ затрудненіе самыхъ ученыхъ психологовъ. „Я совсѣмъ неохотникъ до такихъ зрѣлищъ“ пишетъ

шакъ говоришь? Гризонецъ, рожденный и выросшій среди самыхъ величественныхъ сценъ природы! Не ужели привычка къ красотамъ въ самомъ дѣлѣ убиваетъ въ душѣ чувство наслажденія изящностію? Если это справедливо; то мы, сыны сѣвера и полуночи,—мы, взлелеянные вьюгами на степяхъ, покрытыхъ снѣгомъ, но въ груди носящіе пламень воспорговъ,—не должны нимало завидовать жителямъ жаркихъ странъ юга,—этимъ холоднымъ сибаритамъ, припушляющимъ органы свои съ самой юности.

Городокъ *Кайзерштуль*, въ которомъ переправились мы черезъ Рейнъ по вешному деревянному мосту, достопримѣчательнъ одною только Римскою башнею, пережившею около осмнадцати столѣтій. Пониже его оспіаются два другіе водопада или порога Рейнскіе, шакъ называемый *герный лѣсъ* и чепыре лѣсные города: Вальдсхутъ, Лауфенбургъ, Секингенъ и Рейнфельденъ. Нашъ випуринъ (извозчикъ), свѣдущій не только въ исторіи деревень и дорогъ, но даже и въ баснословіи своей опчизны, разсказалъ намъ повѣсть о черномъ лѣсѣ.

„Эпопѣ лѣсъ, по его словамъ, сотворенъ былъ, какъ и всѣ прочіе, зеленымъ. Но давно, очень давно, во времена незапамятныхъ, поселились въ немъ феи, сѣльфы и всякаго рода демоны. Лѣсъ пошчасъ переимѣнилъ свой цвѣтъ; деревья и листья сдѣлались чернѣе лица Египскаго. Между пѣмъ начался въ немъ шумъ и гамъ; а по ночамъ горючіе огни, пляски мерпвецовъ и пиры духовъ. Людямъ въ эпоху споронъ было уже не въ мочь; демоны не давали пропуска ни конному, ни пѣшему; хватали и вспрѣчнаго и поперечнаго; таскали всѣхъ въ дебри, жарили ихъ на очагахъ и ѣли безъ всякихъ запѣй. Не зная, какъ избавишься отъ эпихъ, безпкойныхъ сосѣдей, народъ началъ гонять въ лѣсъ спада воловъ и овецъ; жарилъ на повалъ весь скопъ; и падалъ съ покорностію передъ дубами, въ которыхъ жили духи (вѣроятно намекъ на времена друидовъ). Къ стастію, сюда прибылъ изъ за моря священный мужъ Фридогольдъ; и эпо случилось также во времена незапамятныхъ (Фридогольдъ или Фридолинъ Ирландецъ, жившій въ VI вѣкѣ). Когда дошли до него слухи о лѣсныхъ спира-

пшаницахъ; онъ поклонялся изжилихъ ихъ и содер-
жалъ свое слово. Однажды онъ ошправился
въ лѣсъ въ самую глухую полночь; вдругъ
видишь передъ собою огненные привидѣнія
и идешь впередъ; слышишь грохотъ, свистъ,
гарканье и идешь далѣе. Но лишь нѣмко
вступилъ въ средину дебрей и сдѣлалъ осѣ-
неніе престома, который до той поры былъ
сокрытъ подъ ризою: земля пошряслася; де-
ревья закричали и злые духи удалились съ
ревомъ; а лѣсъ въ пуге минушу принялъ
снова свой зеленый цвѣтъ!" Тутъ окончилъ
вышуринъ свой расказъ. Упоминаемый въ немъ
святый Фридольтъ въ самомъ дѣлѣ былъ
первымъ проповѣдникомъ Христовой вѣры
въ Швейцаріи; кости его до сихъ поръ хра-
нятся въ церкви Св. Гиларія въ городѣ Се-
кингенѣ; а подлѣ города и до сихъ поръ по-
казываютъ ламейный жершвенникъ, на ко-
торомъ онъ совершалъ обѣдни.

БАДЕНЪ.

Минеральныя воды; горячій ключъ, проходящій подъ русломъ
рѣки Лимматы съ праваго на берѣга на лѣвый; два общія купальни
и 200 частныхъ ванъ. Статуя Изиды, почитаемой покровитель-
ницею водъ подъ именемъ Св. Верены. Дѣла вольныхъ Швей-
царцевъ. Развалины замка; терница; часовня.

Баденъ Швейцарскій имѣетъ положеніе живописное. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ перепутанныхъ улицъ и сплется амфиатромъ по крупизнамъ и скаламъ. При подошвѣ ихъ кашишь бурныя свои волны желтая Лиммата; надъ городомъ поднимается частію обнаженная, частію покрытая кустарникомъ гора, увѣчанная развалинами древняго замка. Мы остановились въ шракширѣ *подъ вѣсами*; и спешась опсправились смотрѣть минеральныя воды, опспоящія опъ города на одну вер-

спу, внизъ по теченію рѣки. Онѣ почти па-
ются самыми древнѣйшими въ Швейцаріи и
извѣстны были еще Римлянамъ своимъ цѣ-
лебнымъ свойствомъ. Горячій здѣшній ключъ
можно назвать искусственнымъ фонтаномъ
самой природы. Онѣ вытекаютъ изъ подош-
вы горы, окружающей правой берегъ Лим-
маны, притекаетъ опять въ землю, подрывается
подъ дно рѣки, и является снова на до-
вольно значительномъ возвышеніи пропиво-
положнаго берега. Здѣсь, вокругъ главнаго
источника, устроено два публичныхъ водо-
ема, въ которыхъ могутъ купаться до 100
человѣкъ. Сверхъ того считается еще част-
ныхъ бань около 200; онѣ раздѣляются на
большія и малыя; первыя находясь на лѣ-
вомъ берегу Лимманы, послѣднія на правомъ.
Частныя бани состоятъ изъ квадратныхъ
обычныхъ досками купаленъ и расположены
все вообще въ нижнихъ этажахъ гостини-
ницъ, которыхъ здѣсь большое множество.
Въ одномъ изъ публичныхъ водоемовъ спо-
ишь на столбу маленькая раскрашенная ста-
туя Изиды, найденная вмѣстѣ съ прочими
памятниками древности въ окрестностяхъ

Бадена. Хриспіане среднихъ вѣковъ почитали ее изображеніемъ Св. Верены, покровительницы адѣшнихъ водъ, и въ эпосѣ заблужденіи поклонялись ей очень долгое время; да еще и нынѣ грубая чернь, мало заботящаяся объ археологій, приближается къ эпосному идолу съ благоговѣніемъ.

Мы возвратились въ пражскій къ самому ужину; и нашли за общимъ столомъ съ жолдюзинами шолоновыхъ и красныхъ Швейцарцевъ, пріѣхавшихъ сюда лѣчиться водами или, справедливѣе, кухнею и виномъ. Послѣ продолжительнаго и сытнаго стола, за которымъ они не переспавали эвенѣшъ стаканами, спросили еще по бутылкѣ вина, и воображая, что они больны въ самомъ дѣлѣ, начали пить за здоровье каждаго порознь. Узнавши, что я Русской, не замедлили предложить поспѣть, при всеобщихъ восклицаніяхъ, въ честь нашего обожяемаго Государя, избавителя Европы и возстановителя Швейцаріи. И я съ моей стороны, пламя за учтивость учтивостию, принужденъ былъ выпить за здоровье покойнаго ихъ предка, блаженной памяти Вильгельма Теля. Уже

часа съ два, какъ я ихъ оставилъ; но шпсны еще не прекрапились. Къ сожалѣнiю, комната моя не далеко отъ столовой; шумные рааговоры, восклицанiя и пѣсни разсѣяли мою дремошу. Я раскрылъ окно и смотрю на городъ, освѣщаемый луною,—въ ожиданiи, пока утомоняшся больные.

На другой день, рано по утру, взявши проводника, я пошелъ къ развалинамъ замка. Мы вѣбирались по пропинкѣ, по луспарникамъ, по камнямъ. Спѣсны апаго рыцарскаго памяшника часпiю разсыпались по скапамъ горы, часпiю грозашъ своимъ паденiемъ. Положенiе его очень прiятное: на западѣ два ряда горъ, въ видѣ полукружiя, замыкають равнину Баденскую; на воспокѣ пнянется желшою полосою Лимматъ съ долинами и пригорками; за ними мелькають Цюрихское озеро, городъ Цюрихъ и окружающiе его холмы. Во внутренности замка все покрыто мохомъ, или заросло крапивою. Одна полько темница сохранила въ цѣлости печальный свой образъ; она состоишъ изъ сыраго немощенаго подвала съ узкою скважиною и съ низкою, похожею на

окно, дверью. Слѣжала съ нею башня обращена въ часовню, въ копорой монахи Капуцинскаго ордена совершаютъ по временамъ обѣды за древнихъ владѣтелей замка; и съ той самой бойницы, гдѣ прежде гремѣли набаты и раздавались вздохи узниковъ,—теперь слешаютъ въ мирныя окрестности тихіе звуки колокола, благовѣстника молитвы. И такъ крошкая посланница неба, Вѣра, не перестаетъ еще ходатайствовать передъ грядущимъ Судіею и за тѣхъ грѣшниковъ, которыхъ судъ потописва и исторія подписываютъ строгіе приговоры. Какой высокой урокъ великодушія!

*

ЛЕНЦБУРГЪ, 10 ЧАСОВЪ УТРА.

Пользуясь короткимъ временемъ завтрака, я немедленно отправился къ Ленцбургскому замку, висящему надъ городомъ. Висящимъ можно назвать его въ собственномъ смыслѣ; попому что скалы, на которыхъ онъ стоитъ и которыми пирамидальная гора увѣнчана, какъ короною, повисли нѣсколькими фурами на воздухъ. Виды, простирающіеся отсюда на сѣверъ и западъ, самые обширные и разнообразныя: равнины пересѣкаются холмами; на холмахъ зеленѣютъ рощи или виноградники; за ними тянутся отроги Юры съ деревеньками, домиками и развалинами замковъ Вилдекскаго и Брюнекскаго. Послѣдній принадлежалъ извѣстному Геслеру, тирану Урійскому, Швицкому и Уншервальденскому. Обыкновеніе время

рыцарскихъ — строили замки на мѣстахъ возвышенныхъ — было общимъ. Необходимость защищать себя отъ хищныхъ сосѣдей, а еще болѣе намѣреніе распространять ужасъ въ окрестностяхъ, были главнымъ къ тому побужденіемъ.

Сѣверная часть Швейцаріи почти вся покрыта подобными развалинами замковъ, — по большой части оспашками двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій, когда пятьдесятъ семействъ графскихъ, сто пятьдесятъ дворянскихъ и тысяча двѣсти рыцарскихъ опустошали эту страну междоусобными войнами и истребляли одинъ другого съ еспервеніемъ неслыханнымъ, какое свойственно однимъ лютойшимъ звѣрямъ степей Африканскихъ. Ленцбургскій замокъ принадлежалъ въ то время фамилии, носившей также названіе города. Во внутренности замка помещается теперь народное училище, состоящее подъ покровительствомъ, такъ называемого, Гельветическаго воспитательнаго общества, основаннаго въ Ленцбургѣ.

АРБУРГЪ, 2 часа по полудни.

Каменная крепость, единственная въ Швейцарии; славныя укрепления со стороны сѣвера и востока; достопримѣчательный по глубинѣ колодезь. Великолѣпный видъ Альпійскихъ горъ. Живая ландкарта классическихъ мѣстъ Швейцарии: долина Грютлин, г. Альторфъ; вапни и часовни въ память Вильгельма Телля. Учебный споръ объ исторіи Теллева явска. Моргартенъ, колыбель славы Швейцарцевъ; Семпахъ, прославленный самопожертвованіемъ Винкельрида.

Мы остановились въ маленькой деревенькѣ, лежащей на помѣхъ перекресткѣ, гдѣ Цюрихская дорога, ведущая въ Бернъ, пересѣкается Арбургскою, идущею въ Люцернъ. Въ ожиданіи обѣда, пошли мы съ докторомъ Ж. смотрѣть Арбургскую крѣпость, опстоящую отъ нашей гостинницы вершны на двѣ, и имѣющую уже достопримѣчательную, чшо въ цѣлой Швейцаріи считается всѣхъ

крѣпостей одна только Арбургская. Зубчатые стѣны ея, споя на отвѣсныхъ скалахъ, кажутся съ южной стороны въ три раза выше настоящей высоты своей. Съ запада идутъ онѣ по скаламъ оплодой горы, при подошвѣ которой лежатъ и самый городъ омываемый Аарою. Опрасль малой Юры, упираясь въ противоположный берегъ и вдругъ поворачивая внизъ по теченію рѣки, составляетъ противъ самаго города довольно крутой уголъ. Желтого цвѣта скалы, которыми она увѣнчана, до такой степени обмываючись зрѣніе, что издали можно почтись ихъ стѣнами другой крѣпости.

Мы поднялись по каменной лѣспницѣ, вырубленной въ улесахъ, и позвенѣли у боковыхъ дверей въ колокольчикъ. Сѣдой приврапникъ, исправляющій вѣроятно должность и часового, вышелъ къ намъ на вспрѣчу и проводилъ насъ въ канцелярію коменданта, гдѣ потчасъ записали наши имена въ книгу и выдали намъ билеты. Пожилыхъ лѣтъ офицеръ или комендантъ, вызвавшись самъ своею особою быть нашимъ путеводителемъ, началъ путать съ нами

по малучиснымъ коридорамъ и подъемнымъ мостамъ, показавъ намъ рвы, арешанскія шорымы, подземельные ходы и все, чѣмъ сочинили романовъ пугающъ воображеніе своихъ читателей. По всему видно, что строили этой крѣпости, еще не слишкомъ далекіе въ военной архитектурѣ, заботились при ея сооруженіи не столько о способахъ защищать ее извнѣ, сколько объ изобрѣшеніи лабиринта внутри, на случай побѣга и спасенія отъ штурма непріятельскаго. Что всего страннѣе, она защищена наиболѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ укрѣпила ее сама природа; то есть съ двухъ сторонъ ея, южной и западной, обнесенныхъ отвѣсными скалами, построены огромныя стѣны и башни: напротивъ того съ сѣвера почти вся открыта, а съ востока не имѣетъ ни рва, ни баспіона и, на большую бѣду, примыкаетъ еще къ подошвѣ одного возвышеннаго холма, опсстоящаго отъ нея сажень на двѣсти. И такъ непріятелю стоить только занявъ топъ холмъ, чтобы нѣсколькими выстрѣлами повергнуть къ стопамъ своимъ крѣпость; чѣмъ и не упустили случая

воспользоваться Французы во время войны ихъ съ Швейцаріею. Здѣшнюю артиллерію можно назвать слишкомъ многочисленною въ сравненіи съ гарнизономъ; такъ что на каждаго солдата достается по орудію: а всѣхъ солдатъ, составляющихъ гарнизонный корпусъ, считается теперь до 12. Мнѣ кажется, и не должно обвинять Швейцарцевъ въ ихъ небреженіи о построеніи и содержаніи крѣпостей. Альпы, Рейнъ и Юра, вошъ ихъ твердые оплоты; и если къ нимъ прѣмъ спѣнамъ присоединить еще четвертую, то есть грудь, окованную любовію къ опечесству и мужеспвомъ ихъ предковъ; то они непобѣдимы. Въ крѣпости Арбургской достоинъ особеннаго примѣчанія по глубинѣ своей колодезь: дно его, кажется, на одной линіи съ дномъ Аары, и брошенный въ него камень достигаетъ поверхности воды только черезъ двѣнадцать секундъ.

Виды простирающіеся отъ Арбургской крѣпости на югъ, отличаются обширностію своего горизонта. Ровная и ничѣмъ не пересѣкаемая долина спелется зеленымъ, узорчатымъ ковромъ до самыхъ спѣнь Лю-

черна; на ней сверкаетъ маленькое Семпахское озеро; вдали — большое озеро, какъ свѣтлое зеркало чешырехъ кантоновъ его окружающихъ; съ востока смотрится въ него державная царица горъ, сановитая *Риги* (Mons Regius, Regina montium); съ запада поднимается великанъ *Пилатъ*, опоясанный прозрачными облаками; между ними вдали тянется длинная цѣпь снѣжныхъ шапровъ Альпійскихъ. Съ самаго этого мѣста, на которомъ мы теперь стоимъ, извѣстный полковникъ Микели (du Crêt), содержавшійся здѣсь арестантомъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія, занимался измѣреніемъ высоты многихъ Альпійскихъ горъ. И такъ вѣрнымъ спутницы нашей жизни оправданы и благодѣшительныя науки нашли ученаго мужа въ самомъ его заключеніи и принесли ему утѣшеніе при самыхъ гоненіяхъ судьбы.

Уже нѣсколько минулъ стоялъ я неподвижно передъ новымъ для меня зрѣлищемъ снѣжныхъ горъ Альпійскихъ. Взоръ мой, вооруженный зрительною трубою, переходя съ одного мѣста на другое, силлся проникнуть далѣе предписанныхъ ему предѣловъ и

спарался ловить каждый новый образъ, что-бы передать его памяти и воображенію. Замѣтивъ мое любопытство, Офицеръ обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью: „эту великолѣпную картину я называю живою ландкаршою классическихъ мѣстъ Швейцаріи; потому что всѣ мѣста, на которыхъ родилась и прославилась свобода Швейцарцевъ, заключающіяся подъ этимъ, проспиранившимся передъ нами, горизонтомъ, Посмотрите, на примѣръ, сюда, на западный берегъ Люцернскаго озера, на углубляющіяся въ него мысомъ горы, — тамъ находишься колыбель нашей независимости, та знаменитая долина *Грюнли*, на которой Вернеръ Шпауффахъ, Эрнн изъ Мельхпала, и Вальтеръ Фюрстъ, во мракѣ ночи, подъ кровомъ усьяннаго звѣздами неба, дали первые клятву освободить опечесство отъ ига шпрановъ.—Нѣсколько далѣе, на самомъ концѣ озера стоишь городъ *Альтпорфъ*, прославленный героическимъ подвигомъ Вильгельма Теля. Вы знаете, что шпранъ Геслеръ, повѣсивши на площади города свою шляпу, приказывалъ оказывать ей тѣже почести, какъ и ему самому, и что

Вильгельмъ Тель за презрѣніе, изъявленное имъ къ эпиху символу рабства его соопеченниковъ, осужденъ былъ сосрѣлѣишь съ головы своего сына яблоко или, въ случаѣ промаха, умереть мучительною смертію. Въ Альшорфѣ есть башня, воздвигнутая въ память сего происшествія въ 1567 году, и, какъ увѣряють, на мѣстѣ той липы, къ которой привязанъ былъ юный сынъ Теля. Тамъ же есть одно подземелье, открытое при успроеніи сей башни и считаемое обыкновенно пещницею Теля. Между тѣмъ какъ Герой нашъ прижималъ къ груди своей чудесно избавленное отъ смерти дитя и съ младенческими его слезами смѣшивалъ свои слезы; пиранъ увидѣлъ спрятанную у него подъ полою другую стрѣлу и поспребовалъ объясненія. „Она была назначена для тебя,—оповѣчалъ Вильгельмъ Тель,—для тебя, если бы только имѣлъ я несчастіе убить своего сына.“ Пораженный эпихъ оповѣстомъ Геслеръ приказалъ снова заключить Теля въ узы и повезъ его въ своей лодкѣ на другой берегъ озера, въ замокъ *Кюснахт*, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе пилать свой взоръ изможденіемъ.

пѣла узниковъ и улаждавъ слухъ вѣчными ихъ спонами. Буря, какъ вамъ извѣстно, пришла на помощь нашему герою; съ него сняли узы и дали ему въ руки весло. Пользуясь благопріятными минушами, онъ бросается въ озеро, борется съ волнами, достигаетъ упеса и спасается бѣгствомъ. Упесъ сей, вмѣстѣ съ построенною на немъ въ память эпического случая часовнею, до сихъ поръ называется именемъ Теля: Tells - Platte. Онъ находится на юговосточномъ берегу озера, недалеко отъ Альпорфа. Вильгельмъ Тель поспѣшилъ послѣ того въ Кюснахтъ и, дождавшись Геслера въ оврагѣ, убилъ его стрѣлою. И здѣсь построена также часовня во имя Теля. Оврагъ, называемый Гольгассомъ, (die hohle gasse), и замокъ Кюснахтъ находятся вѣдь отъ Риги и недалеко отъ Цугскаго озера.“

Ваша исторія, сказалъ я Офицеру, очень занимательна; но знаете ли, что вашъ соотечественникъ, сынъ знаменитаго Галлера, называетъ ее баснею?—„Эпо сочиненіе Галлерово, описавъ офицеръ, осуждено было на сожженіе и сожжено публично народомъ

лѣсныхъ канпоновъ.“ — Однако вы согласитесь, что доводы Галлеровы довольно основательны и сильны. Онъ именно указываетъ на подобную исторію яблока, приписываемую Саксономъ Грамматикомъ одному Королю Датскому.

Офицеръ. „Этого мало; въ лѣтописяхъ Урійскихъ упоминается именно о такомъ же происшествіи, случившемся будто бы въ городѣ Ури въ 1260 году, то есть за сорокъ восемь лѣтъ до исторіи Альторфской. Но одно другому не мѣшаетъ. Вся эта исторія, хопя бы и въ самомъ дѣлѣ изобрѣшена была первоначально въ Даніи, могла бытъ повторена въ Ури и въ Альторфѣ. Можно еще и шакъ думать, что у Саксона Грамматики, наполненнаго баснями, она не что иное, какъ басня; эта басня понравилась хроникамъ Урійскимъ; и они внесли ее въ свои лѣтописи; а чтеніе сихъ послѣднихъ могло вложить въ Геслера жестокую мысль воспользоваться этимъ адскимъ вымысломъ и привести его въ исполненіе.“

Все это—одни только предположенія, возразилъ я офицеру,—а доводовъ историческихъ

не видно; да и лѣпописи Швейцарскіа начинають въ первый разъ упоминають объ исторіи яблока Телева только въ шеснадцатомъ столѣтіи.

Офицеръ. „А преданіе народное развѣ не историческій доводъ? А башня Альпорфская, воздвигнутая, какъ я сказалъ, въ 1567 году, и представляющая на стѣнахъ своихъ всѣ подробности этого приключенія? А часовня Гольгасская, освященная въ 1388 году, въ присутствіи 114 старцевъ, которые лично знали Вильгельма Теля?“

„Полно-ли спорить, — сказалъ дошпоръ Ж.; пусть г. офицеръ лучше окончивъ объясненіе своей ландкарты и покажетъ намъ Моргартенъ и Семпахъ.“ Офицеръ продолжаетъ: „*Моргартена* отсюда не видно; онъ по ту сторону Риги. Вообразите себѣ (обращаясь ко мнѣ) долину покрытую болотами и лежащую между озеромъ Егери и горою Моргартенскою. Вотъ куда привелъ свое войско Герцогъ Австрійскій Леопольдъ, горя неперѣніемъ описавши Швейцарцамъ за убіеніе одного изъ его наиспниковъ и за изгнаніе другого, то есть

Ланденберга. Горыхъ жителей, вышедшихъ къ нему на встрѣчу, было неболѣе 1300. Слабые числомъ, но крѣпкіе вѣрою и мужествомъ, они пали на колѣна предъ Богомъ-силью, котораго называли единодержавнымъ своимъ Владыкою, и призывавъ его на помощь въ усердной молитвѣ, расположились при Моргаршенѣ. Выждавъ минушу, когда войско Леопольдово вступило въ узкое ущеліе, вдругъ посыпали на него камни градомъ, разорвали ряды всадниковъ, и пользуясь общимъ ихъ смятеніемъ, — не сколько копьями, сколько булавами, — побили непріятелей девять тысячъ, какъ утверждаетъ Чуди, или пять-надцать и даже двадцать тысячъ, какъ считаютъ другіе историки. Вотъ гдѣ колыбель славы Швейцарцевъ! — „Вы спрашивали меня о *Семпахѣ*; онъ передъ нашими глазами, на южномъ берегу эшаго маленькаго озера, называемаго его именемъ. Здѣсь-то происходило знаменитое сраженіе Семпахское, прославившее и утвердившее свободу Швейцаріи на вѣки. Начало и продолженіе его были для Швейцарцевъ самыя опасныя. Герцогъ Леопольдъ, сынъ Леопольда Моргаршенскаго,

успроилъ фалангу, подобную Македонской. Четыре стѣны Австрійскихъ воиновъ, огражденные лѣсомъ осмнадцати-фузовыхъ копій, казались непреоборимыми. Мужество Швейцарцевъ уже начинало колебаться; надежда ихъ блѣднѣла—и въ сію-то рѣшительную минуту великодушный Арнольдъ Винкельридь, снявши передъ рядами, воскликнулъ: „братья! я отворю вамъ дорогу; не покиньте моей жены и моихъ дѣтей.“ Съ этими словами бросаетъ съ себя броню, схватываетъ пукъ непріятельскихъ копій и, обративъ ихъ на свою грудь, увлекаетъ за собою копіеносцевъ своимъ паденіемъ. Пользуясь опверспіемъ стѣны, Швейцарцы впрогзаются мгновенно въ средину фаланги и—черезъ нѣскольکو минушь славящъ въ поржеспивенныхъ пѣсняхъ Бога силъ, котораго они имѣли обыкновеніе, передъ началомъ каждой битвы, призывающъ въ помощь съ колынопреклоненіемъ.“ — Весь эпозъ расказъ офицера одушевленъ былъ жаромъ; рѣчь его сопровождалась сильными пѣлдвиженіями; и даже по окончаніи ея, нѣскольکو минушь, казалось, споялъ онъ еще въ положеніи

Виннелрида, восклицаящего передъ рядами:
„братья! я опворю вамъ дорогу; не покиньте
моей жены и моихъ дѣтей.“ — Тунгъ я
вспомнилъ списки нашего цѣвца:

«Да въ чадахъ къ родитѣ любви
Зажгутъ отцы въ могилы»

ГИНДЕЛЬБАНКЪ, 4 Іюня.

ЗНАМЕНИТЫЙ НАДГРОВНЫЙ ПАМЯТНИКЪ МАРИИ ЛАНГАНСЪ.

Между красавицами Швейцарскими Г-жа
Лангансъ цѣвла, какъ пышная роза между
лиліями. Она соединяла въ себѣ и осанку
Таліи и поступь Граціи и правильность
лица, снятую какъ бы съ образца красоты.
А что всего важнѣе, наружныя прелести
были однимъ только отблескомъ ея доброты,
нѣжности, скромности и другихъ качествъ
нравственныхъ, служащихъ украше-

ніемъ прекраснаго пола. Одинъ Фрибургскій Іезуитъ, увидѣвши въ первый разъ эту рѣдкую женщину, давно уже извѣстную ему по слуху, обратился къ споявшему подлѣ него Іезуищу и сказалъ ему: „вопъ новое доказательство тѣсной связи между душою и тѣломъ, и новая загадка для умовъ, испытующихъ образъ этого таинственнаго союза.“ Слова сіи вѣроятно сказаны были, по поводу споровъ о соединеніи существъ простыхъ съ сложными, которое около того времени было моднымъ запросомъ философовъ и богослововъ.

Но цѣлѣнамъ нѣжнымъ судьба назначила жизньъ крапкую, какъ бы для того, чтобы не возбудилъ въ нихъ равнодушія вѣкомъ продолжительнымъ. Марія Лангансъ родилась въ 1724, а скончалась въ 1751 году. Внезапная смерть ея, послѣдовавшая отъ родовъ, лишила ея супруга, пастора Гиндельбанкскаго, всѣхъ земныхъ радостей и всѣхъ лѣспящихъ надеждъ. Свѣтъ дневной померкъ для очей его; а искалъ свѣта вѣчнаго, небеснаго, онъ не имѣлъ еще довольной твердоспи духа. Къ счастью, въ домъ его

жилъ въ это время знаменитый Прусскій ваятель Нагль (Nahl), по случаю сооруженія надгробнаго памятника фамилии Ерлахъ въ Гиндельбанкской церкви. Участіе художника, который зналъ лично достоинства усопшей, оставалось почти единственнымъ врачеваніемъ несчастному. Первый дѣлалъ очень часто съ послѣднимъ его уединеніе и слезы. Въ одну изъ этихъ дружескихъ бесѣдъ Нагль почувствовалъ въ себѣ вдругъ какое-то сильное волненіе, какъ бы свыше ему ниспосланное; онъ вскаепъ съ кресель и, бросясь въ объятія пастора, воскликнулъ пророческимъ тономъ: „другъ мой! Она возвратится снова къ жизни; мы воскресимъ ее.“ Внезапная смерть, постигшая Г-жу Лангансъ наканунѣ Пасхи, пробудила въ душѣ художника священныя мысли о чаемомъ воскресеніи мертвыхъ. Таинственная завѣса, скрывающая опъ всего рода человѣческаго великолѣпную сцену спрашнаго суда, вдругъ падаетъ передъ быстрымъ его взоромъ. Онъ видитъ потухающее солнце, падающія звѣзды и свивающееся небо. Воспокъ пылаепъ свѣтомъ грознаго Судіи, грядущаго со сла-

вою; одинъ изъ предшесвующихъ ему Ангеловъ спалъ въ зѣирной высотѣ и гласомъ трубы зовещъ живыхъ и мершвыхъ на долину Юсафашову.—Могила Маріи Лангансъ, подобно прочимъ, разверзлась; гробъ ея распадается на двѣ половины; спящая жена, пробудившись опъ усыплемя, обращаетъ лице свое къ востоку и, вслушиваясь въ звуки трубнаго гласа, лѣвою рукою слѣшипъ свергнувъ одинъ пазъ спворовъ гробницы, правою прижимаетъ къ своей груди младенца — сына, виновника ея смерши, — также пробудившагося опъ сна и также усиливающегося ручонкою поднять другой спворъ гробовой крыши.—Это огромная поэма, объемяющая цѣлый міръ Христіанскій; но зришель чипаетъ одну только часъ ея. Онъ стоимъ только передъ сценою земною; прочее арѣлище небесное видипъ онъ въ одномъ умѣ и гаданіяхъ. Какая счастливая мысль!—Мысль—шѣмъ болѣе достойная удивленія, что воображеніе ваятелей того времени уже было испощено въ сооруженіи надгробныхъ памятниковъ, и повторяло

одни только обыкновенныя, состоятъ изъ
идеи.

Не лучше ли было бы, еслибъ художникъ далъ болѣе движенія воскресающей? Не полнѣ ли было бы очарованіе, еслибъ онъ представилъ ее уже вступающею и по крайней мѣрѣ подымавшеюся съ одра своего? Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но художникъ хотѣлъ, повидимому, не столько поразить, сколько занять зрителя,—не столько воспламенить его душу, сколько возбудить въ немъ любопытство; и онъ достигъ совершенно своей цѣли, предпочитая первое мгновеніе воскресенія всѣмъ послѣдующимъ. Обманъ искусства доведенъ до высочайшей степени и, какъ говорятъ ученые, *pas plus ultra!* — Зритель думаетъ, что створы гробницы, сдѣланные изъ одного камня съ группою, поспѣшь распадутся на стороны; любопытство его обращается въ непереносимое, возрастающее съ каждою минутою.

Въ лицѣ Маріи Лангансъ выражаются два главныхъ чувства: слухъ весь обратился

во вниманіе; неподвижный взоръ исполненъ изумленія. Глаза ея, только сейчасъ открытые, обращены къ воспоку и остановились на какомъ-то великолѣпномъ зрѣлищѣ, къ которому невольно увлекающъ за собою и предстоящаго зрителя. Частіи лица оплечаются въ вообще строгою соразмѣрностію, кромѣ слишкомъ длиннаго и высокаго носа, вновь поддѣланнаго какимъ-то неискуснымъ художникомъ на мѣсто прежняго, отбитаго однимъ Англійскимъ путешественникомъ. Варваръ — Англичанинъ простеръ святошаственныя руки свои на эпосъ драгоцѣнный памятникъ не съ другимъ намѣреніемъ, какъ для того только, чтобы, подобно Героспрату, или справедливѣе, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, оплечиться въ попомощь своему безумною спранныстію. Новый Вандакъ не подумалъ даже и о томъ, что дикое имя его, трудное для произношенія, скоро будетъ забыто или и совсѣмъ не будетъ выпвержено Швейцарцами; хотя память его останется навсегда предметомъ поруганій для любителей изящныхъ художествъ. Мла-

денецъ Лангансъ также возвратился къ жизни; но онъ предсавленъ не однодневнымъ, а въ такомъ возрастѣ, который занимаетъ насъ первоначальнымъ развитіемъ смысла. Въ глазахъ его видна какая-то мысль еще неопредѣленная; ручонки простерты къ чему-то еще для него неавѣстному и непоспѣжимому.

Изъ принадлежностей этой гробницы достойна примѣчанія голова Адамова, держащая въ зубахъ змѣю и увѣчанная цвѣточнымъ вѣнкомъ; надпись Галлерова, состоящая изъ Нѣмецкихъ стиховъ, довольно уже извѣстна намъ изъ Русскаго перевода, сдѣланнаго поэтомъ — путешественникомъ Карамзинымъ.

Я воображалъ, что памятникъ Маріи Лангансъ, сооруженный для исторіи художества; открытъ для всѣхъ любопытныхъ и освѣщенъ приличнымъ свѣтомъ, или по крайней мѣрѣ увѣчанъ великолѣпнымъ мавзолеемъ. Совсѣмъ напророчивъ; невѣжество и корыстолюбіе спрятали его подъ деревянной полъ храма, предавъ пыли и сырости на съѣденіе. Деревянная дверь,

сплоченная изъ грязныхъ досокъ, опшираепся и поднимается, только подъ звукомъ багценовъ, напоминающимъ невольно путешественнику, что онъ въ Швейцаріи.

Я ничего не буду говорить здѣсь о памятникѣ Ерлаха, споящемъ въ той же церкви на гордомъ подножіи за богатымъ занавѣсомъ. Хотя и въ немъ видны слѣды рѣзца Наглева; но золото, для котораго онъ былъ рабочанъ и которымъ роскошно облитъ, опняло у него всю надлежащую цѣну. Истинное изящество имѣетъ ли нужду въ ничтожномъ блескѣ металловъ?

БЕРНСКІЙ КАНТОНЪ.

Экономическій способъ построения домовъ; сады; извѣстіе въ водѣ; удобрение полей; земלקнашество. Отличительныя черты женщинъ; ихъ нарядъ и опрятность; учтивость крестьянъ; ихъ одежда.

Кантонъ Бернскій представляетъ множество предметовъ любопытныхъ со стороны трудолюбія, промышленности и довольства его жителей. Крестьянскіе дома здѣшніе, подобно Ноеву ковчегу, вмѣщаютъ въ себѣ все и всяческая. Они по большей части двухъ-этажные и спроектированы или построены изъ камней или изъ косяковъ и брусевъ, расположенныхъ въ видѣ квадратовъ и треугольниковъ, коихъ промежутки наполнены камнемъ, глиною и мусоромъ. Нижній этажъ

обыкновенно имѣетъ два отдѣленія; въ одномъ живетъ хозяинъ съ своимъ семействомъ; другое есть родъ корчмы, гдѣ оспанавливаются навозники и вообще просполодины, а въ дни праздничные собираются крестьяне и крестьянки для пирушекъ и плясокъ. Верхній этажъ назначается для почелныхъ госпей или путешественниковъ, и состоитъ изъ отдѣльныхъ комнатъ, убранныхъ богатою мебелью. Хотя я описываю здѣсь преимущественно госпиницы; но въ Берскомъ кантонѣ, какъ и во многихъ другихъ, на большихъ дорогахъ почти каждый крестьянскій домъ есть госпиница; а потому и не считаешь за рѣдкость встрѣтить въ немъ кровати съ шпофными одеждами и занавѣсами, канapé и кресла обитыя ситцемъ или шпофомъ, столики изъ красного или пальмоваго дерева, зеркала съ нарядною драпировкою и бахрамами.—Между двумя отдѣленіями нижняго этажа находится карепный сарай, который, кромѣ запряжекъ, нерѣдко вмѣщаетъ въ разныхъ проспѣнкахъ своихъ конюшню, овчарню, стойло для коровъ и ословъ, логовище для свиней, клѣшки

для упокоѣ, насѣсны для куръ и тому подобное. Хотя изъ каждаго роду эшихъ живыхъ не болѣе берется въ обыкновенномъ быту, какъ по одной парѣ; со всѣмъ шѣмъ, смотря на такой сбродъ скопа и плницъ, и на уютное, математически измѣренное, помѣщеніе такого количества разныхъ родовъ на самомъ маломъ пространствѣ и часто на шести или пяти квадратныхъ саженьхъ, невольно можно подумашъ, что Швейцарскіе дома въ самомъ дѣлѣ спросты для предосторожности отъ пошопы и что сейчасъ готовы подняться на воду и плыть къ Альпійскимъ горамъ. Но этого недостаточно; въ хоромины Швейцарца найдете вы то, чего конечно не было и въ Ноевомъ ковчегѣ. Наприм. подъ самою крышею дома помѣщаетъ онъ цѣлое гумно; гдѣ кромѣ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ сѣна и хлѣба въ зернахъ, складываетъ цѣлые скирды пшеницы, овса и риса; и все это иногда вносишъ онъ на рукахъ и плечахъ по лѣстницѣ, а иногда ввозишъ цѣлымъ возомъ на лошадахъ, по насыпному оплогому мосту. А гдѣ же шокъ, вы спросите? Токъ его въ всеобъем-

лющемъ каретномъ сараѣ, о которомъ мы теперь упоминали. Когда нужно, онъ выгружаетъ изъ него экипажи;—и цѣлы его говорятъ съ поломъ, съ стѣнами и съ пошолкомъ. Для насъ Русскихъ, любящихъ просторъ и имѣющихъ для того способы, съ перваго взгляда снранню покажется такая экономическая расчепланность въ строеніи; но она не будетъ снранною, когда захопимъ вникнувши въ мѣстные обстоятельство и причины. Конечно не лѣность, не прихоть и не своеправіе заставляють Швейцарца жаться и сосредоточивать все вокругъ себя, но одна только скудость въ участкахъ земли, происходящая отъ возрастающаго народонаселенія. Швейцарецъ и Нѣмецъ мѣряють свои поля не десятинами, а локтемъ или шагомъ; и попому они весьма благоразумно поступаютъ, обращая въ нивы или въ луга то проспранство, которое пропадало бы подъ дворомъ и гумномъ безъ всякой существенной пользы.

Здѣшніе дома, и особенно уединенные, окружены ошкрытыми садами и полисадниками; вишни, груши и грѣцкіе орѣшники

разсажены въ видѣ аллеѣ по самымъ дорогамъ. Хищная рука не снимаетъ здѣсь плода съ чужаго дерева; право собственности почитается священнымъ, и уваженіе къ нему обратилось въ привычку народа. Повидимому, ни гдѣ нѣтъ такого изобилія воды, какъ въ Швейцаріи. Вода крупится и шумитъ въ горныхъ потокахъ, бѣжитъ въ каналахъ по сторонамъ дороги, играетъ въ фонтанахъ передъ домиками, орошаетъ поля, покрываетъ хлѣбомъ, и серебрится струйками по зеленымъ пажитямъ. Однимъ словомъ: ручейки, цѣпы, рошцы и все, что описываютъ стихопворцы въ своихъ идилліяхъ, все это здѣсь въ самой природѣ и передъ вашими глазами. Одно только странно, что навозъ, заготовляемый для удобренія полей, обыкновенно складывается передъ самыми окнами. Въ этомъ отношеніи, кажется, нельзя извинить Швейцарцевъ даже и тѣмъ экономическимъ правиломъ, что необходимое должно предпочитать пріятному. Какая же другая потребность можетъ быть необходимѣе для здоровья и для жизни, если не воздухъ благораспоренный? Впрочемъ агрономы не дол-

жны оспавлять безъ вниманія и самаго способа приготвленія навоза въ Бернскомъ кантонѣ. Здѣшніе крестьяне роютъ сначала яму передъ домою и наполняютъ ее соромъ, выметаемымъ изъ сараевъ; надъ нею спавяютъ огромную квадрашную кучу мелкаго навоза и обкладываютъ ее крупнымъ навозомъ, свипымъ на подобіе толстыхъ канашовъ; потомъ дѣлаютъ вокругъ эшаго квадрата покатоспи для споку нечиспошы; льютъ на него сверху и снизу помон; и оспавляютъ въ шакомъ видѣ весь навозъ на нѣсколькоть, по еспѣ до того времени, пока сдѣлаешся въ немъ броженіе и перегаръ.

Производспво землеудобренія здѣшняго предспавляетъ шаже особенное и нерѣдко забавное зрѣлище. Здѣсь машутъ обыкновено плугомъ; но въ плугъ впрягаютъ попарно или гусемъ одну лошадь, одного мула, одного вола, одну корову и одного осла; и всѣмъ эшимъ сбродомъ завѣдываютъ два крестьянина, а часто двѣ женщины или дѣвушки, безспорно достойныя лучшей учаспи, по еспѣ способныя управлять не одними ушаспыми и рогапыми чешвероногыми.

Женщины Берискаго кантона примѣ-
пелыны не сполько красошою, сколько дород-
спвомъ своимъ. Свѣжестъ лица, бѣлизна
шеи, округлостъ грудей и полноша рукъ оп-
лчтають ихъ опъ всѣхъ другихъ Швейца-
рокъ. Крѣпкое сложеніе тѣла и изобиліе въ
жизненнѣхъ поспребноспяхъ дѣлають ихъ
веселыми, проворными, а слѣдовапельно и
милыми. Наряды ихъ имѣють разипельное
сходспво съ Русскими. Онѣ пакже носятъ
кыпайчашпые и шелковые сарафаны чернаго
цвѣта; съ тѣмъ толькыо разилчїемъ, что на-
кладывають на нихъ коротенькіе черныя
корсеты съ вырѣзными грудями. Въспто со-
рочекъ употребляютъ онѣ болшыю частїю
манишии съ кружевнымъ воротникомъ и съ
коропками, пышными рукавами, какъ у на-
шихъ купчихъ. Дѣвушки заплетаютъ свои
волосы въ одну или въ двѣ косы съ лентами,
висящими до пятъ; а на головѣ пакже, какъ
и замужнія женщины, носятъ низкой чеп-
чикъ, обложенный по бокамъ сподчиии блон-
дами чернаго цвѣта, имѣющими въ ширину
по крайней мѣрѣ одну четверть. Очень за-
бавно видѣть въ эшомъ нарядѣ дѣвушку,

когда она полетѣтъ ишеницу или другой какой
нибудь хлѣбъ, и когда примѣтна одна только
ея голова. Огромныя крылья чепчика,
колеблемыя аэфиромъ, дѣлають ее въ то
время эмблемою самой себя и всего жен-
скаго пола; то есть дають ей видъ бабочки
большой Американской породы. Ничто столько
не бросается здѣсь въ глаза, какъ опрят-
ность женщинъ. Онѣ купаются нѣсколько
разъ въ недѣлю, а лице и руки моютъ по
нѣскольку разъ въ день. Бѣлье ихъ чисто,
какъ снѣгъ, всегда накрахмалено и, повиди-
мому, перемѣняется ежедневно. Однимъ сло-
вомъ: въ этомъ отношеніи едва ли онѣ усту-
пають Англичанкамъ и первымъ щеголи-
хамъ Парижскимъ. Креспыяне здѣшніе не
столько опрятны, какъ ихъ жены и дочери;
но обращаютъ на себя вниманіе другимъ
качествомъ, достойнымъ похвалы, и именно
—учтивостію. Ни одинъ изъ нихъ не прой-
детъ мимо путешественника безъ того,
чтобы не сказать ему обыкновеннаго сво-
его привѣтствія: guten morgen или guten
nacht. Одежда ихъ состоитъ въ суконной
или плюсовой курткѣ и въ панталонахъ

одинакой съ нею матеріи; шляпы крутлыя; волосы сприженные. Многіе однако изъ пожилыхъ крестьянъ еще свяшо соблюдаютъ одежду своихъ праотцевъ; т. е. длинныя кафтаны съ фалдами, короткіе штаны съ пряжами, бѣлые или синіе чулки, ирехъугольныя шляпы, косы лентою перевитыя или благоговѣйно въ нѣшочки заправленныя. О прочихъ обычаяхъ, равно жъ о нравственныхъ качествахъ мужчинъ и женщинъ, какъ о предметѣ, требующемъ долговременныхъ наблюденій, на сей разъ умолчиваю.

БЕРНЪ, Іюня....

ОКРЕСТНОСТИ ГОРОДА, ОВРАЩЕННЫЯ ВЪ САДЫ; АЛЕИ, ВЕДУЩІЯ ВЪ ГОРОДЪ. РУЧЬИ ПОСЕРЕДИ МОСТОВОЙ; ГАЛЕРЕИ ПО СТОРОНАМЪ КАНАЛА. ГОТИЧЕСКАЯ ВАШНЯ СЪ ЧАСОВЫМИ АВТОМАТАМИ. РОВЪ СЪ МОЛОДЫМИ ОМЯКАМИ И ДРУГОЙ СЪ МЕДВѢДЬЮ И МЕДВѢДИЦЕЮ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ БЕРНСКАГО ГЕРБА И ГЕРАЛДИКИ. СОВОРНАЯ ЦЕРКОВЬ И ТЕРРАССА; ЦЕРКОВЬ Св. ДУХА; ВОЛНЬИЦА; НАРУЖНЫЙ ВИДЪ ГОРОДА. ШВЕЙЦАРСКІЕ АРИСТОКРАТЫ; ПРАВЛЕНІЕ ПРАЗДНИГО ДВУХДНОГО ОВЕНКА; ПЕРВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЕГО НА ВЪНСКОМЪ КОНГРЕССѢ.

Чѣмъ ближе къ Берну, тѣмъ предѣльные становаются замѣчательнѣе; природа разнообразнѣе. Въ деревняхъ и въ полѣ вы наблюдаете промышленность и изобиліе крестьянъ; а въ публичныхъ сооруженіяхъ, окружающихъ городъ, открывается вамъ роскошь самой республики. Басціоны обращены въ сады и бульвары; роція перепутаны излучистыми дорожками; холмы обсажены по шинуру и обложены дерномъ; надъ спряннѣ

довольно древніе, достопримѣчательны Готическою башнею и въ особенности часовой маминною, составленною изъ разныхъ деревянныхъ спашуекъ; какъ то изъ маленькаго палца, бьющаго въ колокольчики четверни, изъ большой фигуры, ударяющей молотомъ часы и изъ прешней спашуи сидящей, ко-нюроя послѣ каждаго боя часовъ кланяеиши мамондуицигъ. Надъ ворошани стоиитъ огромной величины Голіаеъ, сдѣланный изъ дерева и окрашенный разными красками; а на нѣкоторомъ разстояніи отъ воропъ надъ колодеземъ или водоемомъ, представляеиъ въ миніатюрномъ видѣ Давидъ съ працею. За ворошани и за каменною спаринною стѣною находяиися два глубокихъ рва; въ одномъ изъ нихъ пасуиъ молодыхъ оленей, въ другомъ держаиъ медвѣдя съ медвѣдицей, символъ государспивеннаго герба. Когда и по какому поводу это животное вошло въ Бернскую геральдику, о томъ и сами граждане никуиъ пониміе спежное. Говоратиъ, чтоо будтобы основателъ города, убивъ на семь нѣспѣ медвѣдя, называемаго по-Нѣмецки *Bär*, назвалъ его именемъ и самый городъ;

и что новые поселенцы, принявъ сіе прѣисшествіе за счастливое предзнаменованіе будущей воинской славы, начали предписывать медвѣдя на своихъ знаменахъ. Но эта басня, какъ видно, родилась отъ одного только сходства въ названіяхъ и можетъ быть не что иное, какъ подражаніе баснямъ среднихъ вѣковъ, многократно въ лѣтописяхъ повѣрженными и начало свое получившимъ вѣроятно еще отъ Римскихъ вымысловъ объ основаніи Капитолія. Другіе же прописавъ того относить введеніе этого герба только къ принадлежанію смолянъ, и именно къ тому случаю, когда гражданинъ Вало Грюерскій вырвалъ знамя Бернского, уже разодранное и окровавленное, изъ рукъ непріятелей, осаждавшихъ Бернъ подъ предводительствомъ герцога Австрийскаго Леопольда. Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ обыкновеніе держать живыхъ медвѣдей и, въ случаѣ ихъ смерти, назначать имъ преемниковъ, также свѣдѣно соблюдается въ Бернѣ, какъ соблюдается оно было въ Египтѣ въ разсужденіи Аписа. Не понимаю, какъ еще не явилась мысль Бернскимъ профессо-

рамъ издашь родословное дерево сихъ чеп-
жероногихъ бургмейстеровъ съ ихъ характе-
ристикою и біографією.

Изъ публичныхъ памятниковъ достойна
особеннаго примѣчанія *Соборная церковь* съ
двумя башнями, спроектированная въ одно время
съ Спразбургскою колокольнею и однимъ
архитекторомъ. Она стоитъ на прекрасной
террасѣ, обнесеной со стороны Аара ка-
менною стѣною, фундамента въ 80 вышины и
осѣненной липовою аллеею, любимымъ и обы-
кновеннымъ мѣстомъ прогулки Бернскихъ
гражданъ. Особенно большое спеченіе гуля-
ющихъ бываетъ здѣсь передъ вечеромъ,
когда заходящее солнце позлащаетъ роскош-
ные холмы и пригорки, окружающіе городъ
со стороны юговостока, и когда розовыми
лучами своими вѣнчаетъ поднимающіеся изъ
за горъ снѣжныя чела гигантовъ Альпій-
скихъ. Зрѣлище великолѣпное!

Церковь Св. Духа есть единственный
образчикъ правильнаго Греческаго вкуса не
только въ Бернѣ, но и почти во всей
Швейцаріи. Публичная больница съ хоро-
шимъ дворомъ и садомъ также принадле-

жишь къ почетнымъ чинамъ, украшающихъ городъ; и особенно примѣчательна лаконическая надпись золотыми буквами на фронтонахъ: *Christo in pauperis*, т. е. Христу въ лицѣ бѣдныхъ.

Зданія публичныя вмѣстѣ со многими частными, равно какъ и роскошь модныхъ лавокъ и пышность художественныхъ магазиновъ, дають съ перваго раза довольно высокое мнѣніе объ изобиліи гражданъ, помышляющихъ уже не столько о потребностяхъ, сколько объ удобствахъ и удовольствіяхъ общественныхъ. Вообще городъ Вернь кажется по наружности своей очень богатымъ; и онъ дѣйствительно былъ такимъ, когда имѣлъ еще Вассалами своими кантоны Аргаускій, Солотурскій и Водшландскій. Нѣтъ ничего страннѣе, какъ видѣть деспотизмъ аристократическій среди такого народа, который гордится или лучше хвастается мнимою своею независимостію; и ничто конечно не противопоставляетъ столько препятствій политическому устройству государствъ, какъ такой образъ правленія. Монархъ, какого бы ни былъ харак-

иера, всегда имѣя цѣль благо народное, полагая въ апомъ свою честь и славу; Швейцарскіе *аристократы*, не пропихъ того, самое устройство народного блага считаютъ только средствомъ для достиженія личныхъ выгодъ.

Доказательство этому опираются на то въ исторіи Берна, которая почти съ самаго начала своего представляеть одну только борьбу единовласти и народонаселенія съ аристократіею. Извѣстный двухсошный советъ Бернскій носилъ одно только названіе магистрательнаго совета; потому что члены его выбирались всегда изъ однихъ и тѣхъ же домовъ, присвоившихъ себѣ наследственное право первенства во всѣхъ отрасляхъ правленія. Они разсылали повсюду своихъ баллифовъ съ неограниченною властію; дѣлали налоги по своему произволу, собирали подати по мѣрѣ своихъ прихотей, рѣшали судъ по видамъ своего корыстолюбія. Справедливо, что они обращались съ прочими гражданами и крестьянами кантона Бернскаго очень снисходительно и ласково, какъ хитрые царицы съ своими

дліеннями, не опягощаючи ихъ ни налогами ни приписуваннями; не менше того послѣдніе къ первымъ всегда находились въ пикомъ же отношеніи, какъ рабы въ господамъ своимъ. И сіе-то отношеніе было причиною малой дѣятельности, худой промышленности и особливо медленнаго хода образованности Бернскаго кантона.

Для прекращенія этихъ неусуспѣшнѣй, рыцари Французской революціи, опдѣливъ кантоны Аргаускій и Водшландскій отъ Бернскаго, хотѣли въ семъ послѣднемъ посадить свое дерево равенства; но ихъ дерево на чужой почвѣ скоро засохло. Наполеоновы успавы, основанные на личныхъ видахъ его властолюбія, также не принесли ни какой существенной пользы.

Вѣнскій конгрессъ во время обширныхъ своихъ занятій, касавшихся до устройства цѣлой Европы, не потерялъ изъ виду и Бернскаго кантона; и можно сказать, положилъ самое прочное основаніе его благоденствію, присоединивъ къ двумъ старымъ прежнимъ членамъ совѣта девятую девятью старыхъ мощныхъ, избираемыхъ изъ кантона. Нельзя не удивлять-

ся предусмотрительности и соображеніямъ
жизновниковъ этого учрежденія, влекущаго за
собою тысячу благодѣтельныхъ послѣдствій.
И народъ и аристократы воспрянуть на
конецъ опъ лежаргическаго своего усыпле-
нія: одни для того, чѣмобъ содѣлаться до-
стойными будущаго своего назначенія; дру-
гіе для того, чѣмобъ не унизились передъ
новыми сочленами. Соревнованіе вездѣ и
всегда было недремнымъ спражемъ обще-
ственной дѣятельности.

ФРИБУРГСКІЙ КАНТОНЪ.

Духъ правительства; вобыли или бездомные крестьяне, препрово-
жденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней; пристрастіе къ табакъ;
особые табельные дни для плясокъ въ шинкахъ. Вонистый
характеръ жителей, маршъ Фрибургскаго земскаго ополченія.

Кантономъ Фрибургскіимъ отдѣляется опъ
Берискаго рѣкою Сингвиною, выходящею изъ

озера Омейскаго ит. впадающаго въ Са-
рину подъ Лаупена. Кроме этого предѣла
физическаго, онъ имѣетъ еще границы поли-
тическія, которыя прежде нежели увидѣте,
почувствуете всѣми составами вашего тѣ-
ла. Я хочу сказать о худыхъ дорогахъ, оспа-
вленныхъ въ пренебреженіи какъ бы нароч-
но съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы препятство-
вать сообщенію съ сосѣдственными канто-
нами. Но крайней мѣрѣ прочія распоряженія
и мѣры здѣшняго правительсва, или спра-
ведливѣе, правителей правительсва, Іезуи-
товъ, очевидно клонятся въ томъ, чтобы
устранить жищелей кантона отъ влі-
янія образованныхъ сосѣдей и въ особенно-
сти отъ обществъ просвѣщенныхъ ино-
странцевъ, посѣщающихъ Швейцарію. По-
сѣднее обстоятельство, повидимому, мало-
важное, можетъ имѣть слѣдствія весьма
значительныя не только въ отношеніи къ
образованности, но и по части хозяйствен-
ной; потому что и въ прочихъ кантонахъ
продовольствіе и изобиліе жищелей зави-
сятъ не столько отъ внутреннего промысла,
сколько отъ прилива путешественниковъ,

приходящихъ каждое лѣто удивлялися здѣшней природѣ и владѣли даи ея дѣлать. Жалко, что легковѣрные граждане, обманываемые Іезуитами, не подозрѣваютъ въ нихъ ни какой хитрости, а что всего важнѣе, по пропущѣ сердца своего и совѣсть кажутся неспособными къ подозрѣніямъ.

Впрочемъ кантонъ Фрибургскій до сихъ поръ имѣетъ еще значительное число богатей какъ между гражданами, такъ и между поселенцами. Аристократы, избираемые для правительственныхъ мѣстъ, большею частію на всю жизнь, также владѣютъ обширными помѣстьями. Но эта монополія во владѣніяхъ предполагаетъ неминуемо большое количество бобылей или бездомныхъ кинищихъ, которые обыкновенно проводятъ весь свой вѣкъ у богатыхъ въ неволѣ и въ работѣ. Я видѣлъ одного толстаго крестьянина, окованнаго двадцатию поперечными и сухощавыми илопами. Это маленькій образчикъ равенства, или лучше, равнолѣсія Швейцарцевъ.

Подобно прочимъ соопечесельскимъ, Фрибургскіе крестьяне оплачиваются учтивостію и обращаютъ на себя вниманіе сво-

нѣхъ привѣтствіемъ. Вспрѣшившись съ путешественникомъ на дорогѣ, они обыкновенно приподнимающъ шляпу и говорятъ: „да ниспошлетъ Христосъ тебѣ небесное благословеніе!“ Расположеніе домовъ здѣсь почти такое же, какъ и въ Вернскомъ кантонѣ; но въ нихъ не видно того убранства и нѣхъ удобностей, какія встрѣчаются въ послѣднемъ. Въ праздничные и воскресные дни крѣстьяне и крѣстьянки собираются въ пиратширы и, сидя за длинными столами, пьютъ вино и пиво безъ умѣренности. Виноградинокъ въ Фрибургскомъ кантонѣ очень мало и вино очень худо; но вмѣсто вина нерѣдко употребляется выдѣлываемая на горахъ вишневка (l'eau de cerises). Обыкновенныя закуски состоятъ изъ свѣжаго Грюерскаго сыра и сдобнаго пирога или пирожнаго блина, тонкаго какъ листъ, сложеннаго бѣлками наподобіе блондъ и имѣющаго въ поперешиникъ по крайней мѣрѣ около фута. Лакомое пирожное печется на сыроѣ, который дѣлается изъ сока плодовъ и навѣсится здѣсь подъ именемъ *соуса*. Табакъ есть смертельная охота вообще Швейцар-

ца; ни старые, ни молодые никогда не расстаются съ трубками; и тучи дыма носятся вѣчно въ шинкахъ, какъ густыя облака надъ Альпами. Въ Фрибургскомъ кантонѣ табакъ составляетъ одну изъ главныхъ отраслей промышленности; и въ сѣверной епархіи кантона цѣлыя поля засѣяны эспиромъ расцениемъ. Молодежь, участвующая въ корчменныхъ пируешествахъ, собирается въ опидельной кружокъ съ нарядными и пригожими дѣвушками. И тѣ и другіе пьютъ много, поютъ мало, а пляшутъ и еще меньше. Для плясокъ есть у нихъ особенные и, такъ сказать, табельные дни; наприкладъ понедѣльникъ и вторникъ карнавала; воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ національнаго ихъ праздника, называемаго общенароднымъ хороводомъ (*La dedicace générale des danses*). Въ продолженіе сего послѣдняго, празднуемаго осенью, всѣ шинки наполнены шумными собраніями; во всѣхъ поютъ, играютъ на инструментахъ и пляшутъ; но для отвращенія безпорядковъ, законъ запрещаетъ плясать позже восьми часовъ вечера. Шинки или пражширы можно назвать народными

клубами, въ кошорыхъ крестьяне убиваютъ время, привыкають къ лѣности, празднуютъ праздники, играютъ свадьбы, а иногда читають какую нибудь газету и разсуждаютъ о полишикахъ. Къ несчастію, число эпихъ заведеній проспирается до капишеспива; въ одномъ Фрибургѣ счищаютъ ихъ около спа; не говорю уже о прочихъ, разсыянныхъ по всѣмъ дорогамъ и по всѣмъ угламъ кантона. Приличіе не позволяетъ дѣвушкамъ пѣть ни въ шинкахъ, ни на улицахъ; а потому и хороходныя пѣсни совсѣмъ здѣсь неизвѣсны. Преданіе сохранило одинъ только маршъ свадебный, играемый на всѣхъ свадьбахъ и освященный глубокою древностію.

Жители здѣшніе повидимому болѣе, нежели прочіе Швейцарцы, удержали воинственный характеръ своихъ предковъ; по крайней мѣрѣ ни одинъ кантонъ не снабжаетъ иностранныхъ державъ и особливо Франціи такимъ числомъ воиновъ, какъ кантонъ Фрибургскій. Меня спрашивали многіе старики и спарухи, съ обыкновеннымъ ихъ просподушіемъ, о своихъ Жакахъ и Жозефахъ, служившихъ въ большой арміи Наво-

леона и оставшихся или удержанных, по ихъ мнѣнію, въ Россіи для возобновленія Москвы. Вѣроятно они всѣ пали подъ Полоцкомъ, гдѣ весь Швейцарскій полкъ, какъ жавѣстно, изрубленъ и уничтоженъ отважнымъ напитокомъ одного изъ героев эпохи битвы. Земское ополченіе Фрибургское имѣетъ собственный маршъ, достопримѣчательный по выразительности тона и по протекательной простотѣ своего смысла. Предлагаю здѣсь буквальный переводъ его.

„Однажды шелъ я на гору Грюеръ по-
смотря на мое спадъ; вдругъ съ вершины
пригорка слышу военный маршъ; сердце мое
забилося и я сказалъ самъ себѣ: пойдемъ,
ополчимся за опечесство; ему я долженъ за-
пламнить моимъ сердцемъ и моею жизнію.
Гремите барабаны; я иногда послѣдую за
вами.“

„Полкомъ, по крапчайшимъ пропинкамъ
спремлюся къ моей хижинѣ; схватываю мое
оружіе и спѣшу въ ряды нашей храброй дру-
жины. Прости, родимая мать! Прости, родная
сестра! спомни за хозяйствомъ нашимъ;

а ты, цвѣтъ нашего селенія, о Тереза! бе-
реги для меня швое сердце.“

„Привѣспивую васъ, милые братья! При-
вѣспивую васъ при раза, мой сподвижни-
ки рашные! О какъ мнѣ пріятно смодръшь
на васъ! Какъ мнѣ пріятно бытъ въ вашей
дружинѣ! Рядомъ съ нами идееть память на-
шихъ предковъ Швейцарцевъ. Фрибургъ! не
бойся ничего; швомъ дѣшк не помрачатъ
швоей славы.“

Ф Р И Б У Р Г Ъ, Іюня....

Дикое мѣстоположеніе города; дома на скалахъ и въ горы; улицы
на крышахъ домовъ. Разноплеменность и разноязычье граж-
данъ. Династия, владѣвшая Фрибургомъ и происхождение его
независимости. Состояніе народонаселенія; излішество монаше-
ствующихъ. Примѣчательнѣйшіе монастыри; семинарія; гимназія;
Ланкастерская школа. Причины медленнаго хода просвѣщенія
и образованности.

Дворцы царскіе, дома вельможъ и рос-
кошныя мызы богачей имѣють особенную

*

прелестъ, когда лежашъ посреди улыбающихся окрестностей; напропивъ того готическія башни, древніе монастыри и рыцарскіе замки тогда только на своемъ мѣстѣ, когда споянъ въ глуши и окруженъ мрачными дебрями. Романтическое положеніе Фрибурга, принадлежащее къ послѣдному изъ эпическихъ двухъ родовъ, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ характеру древнихъ его зданій, времени ихъ построенія и господствовавшему духу того времени.

Спускаясь съ горы Бернской, вы съ перваго взгляда догадываетесь, что эти глубокіе овраги и длинныя ряды голыхъ утесовъ, увѣнчанные зубчатыми спѣнами и башнями, избраны были первоначально какимъ нибудь рыцаремъ одиннадцатаго или двѣнадцатаго столѣтія для того, чтобы защищаться отъ набѣговъ сильныхъ и хищныхъ сосѣдовъ, или для того, чтобы за этими оградами перзать спокойно слабыя жертвы своего жестокосердія, какъ Альпійскіе орлы перзаютъ ягнятъ на неприступныхъ вершинахъ.

Рѣка Сарина, извиваясь дугою или полукружіемъ, раздѣляетъ городъ на двѣ части. На правомъ берегу ея лежатъ подолъ или нижняя часть города; а надъ подоломъ сползаютъ полуразвалившіеся утесы, изъ которыхъ одинъ, выдавшійся впередъ и повисшій на воздухѣ въ видѣ балкона, держитъ еще на хребтѣ своемъ церковь и башню съ подъемнымъ мостомъ. На лѣвомъ берегу тянутся сплѣною отвѣсныя скалы, имѣющія около 300 футовъ высоты и выполированные водою, какъ бы руками каменосѣцвъ. Подошвою сползаютъ онѣ на днѣ рѣки, а вершиною сливаются въ одну сплѣну съ пятиэтажными домами, на нихъ выстроенными. Надобно имѣть голову крѣпкую и совсѣмъ неподверженную круженію, чѣмбы смолчать спокойно изъ оконъ этихъ зданій въ зияющія подъ ними бездны. Переулокъ, называемый коропкою дорогою (Court chemin), достопримѣчательнъ также стройнымъ положеніемъ домовъ своихъ, которые привисы къ крушизнамъ горы, наподобіе птичьихъ гнѣздъ, и въспло кровли покрыты каменною мостовою улицы *Большаго водомета*; такъ чѣмъ

во внушренности ихъ, раздаются и попоны лошадей и шумъ экипажей, ѣдущихъ по пошолку и надъ головою жишелей.

Покашала возвышенность горы, защищенной съ двухъ или почти съ трехъ споронъ рѣкою Сариною, представляеть совсѣмъ другой городъ, отличный отъ подола наружноспію зданій, нравами гражданъ и самымъ языкомъ. Жители подола сохранили еще до сихъ поръ въ нѣкоторой степени проспошу нравовъ Швейцарскихъ и особенное свое нарѣчіе Нѣмецкое; напротивъ того, на горѣ вы встрѣчаете вдругъ Французовъ съ ихъ языкомъ и даже съ свойственною имъ физиономією. Такое различіе двухъ частей города предполагаетъ различное ихъ происхожденіе. И въ самомъ дѣлѣ низовая часть или подоль, составляющій теперь одно только предѣспіе, извѣстенъ былъ подъ именемъ *Friburgum Nuithorum* еще около половины двѣнадцатаго столѣтія; а самый городъ, занимающій возвышенность горы, обязанъ началомъ своимъ Герцогу Церингенскому Бертольду IV, который населилъ его въ 1178 году двадцатью чешырьма приходами или

селеніями Французской Швейцаріи. И такъ различные оцѣнки характеровъ въ разномысленныхъ гражданахъ надобно приписывать не чему иному, какъ сильной ихъ привязанности къ обычаямъ своихъ предковъ и постоянному чужденію одного племени отъ другаго, обыкновеннымъ качествамъ всѣхъ Швейцарцевъ. Но какимъ образомъ эти качества могли остаться неизмѣнными въ продолженіе восьми вѣковъ, и при томъ въ гражданахъ, исповѣдующихъ одну вѣру и управляемыхъ одними законами; случай сей, по видимому, есть такое же явленіе въ мірѣ политическомъ, какъ и судьба нѣкопородныхъ народовъ, поглощенныхъ другими народами въ два или въ три вѣка. Къ спраннымъ Фрибурга надобно прибавить еще одну довольно забавную: а именно, кромѣ главныхъ діалектовъ Французскаго и Нѣмецкаго, онъ имѣетъ и свое *râtois* или особенное нарѣчіе, сославившееся изъ смѣси двухъ первыхъ. Имъ говорятъ граждане, живущіе на скалахъ горы и занимающіе средину города. Сихъ послѣднихъ въ нѣкопородномъ смыслѣ можно называть провадишелями транзитной

торговли между двумя главными частями города и въ то же время полмачами двухъ главныхъ племенъ, изъ коихъ многіе совсѣмъ не понимаютъ другъ друга и совсѣмъ неспособны къ непосредственному сообщенію.

Начиная съ тринадцатаго столѣтія, Фрибургъ имѣлъ почти одинакой жребій съ прочими городами сѣверной Швейцаріи. По уничтоженіи фамиліи герцоговъ Церингенскихъ, онъ достался графамъ Кибургскимъ; опъ нихъ перешелъ къ графамъ Габсбургскимъ и былъ удѣломъ Императора Рудольфа Габсбургскаго. Потомъ, въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, онъ принадлежалъ герцогамъ Австрійскимъ, служа подъ ихъ знаменами и участвуя во всѣхъ ихъ войнахъ противъ соединенныхъ шпатовъ Швейцарскихъ. Въ 1450 году Императоръ Фридрихъ объявилъ Фрибургъ независимымъ; но герцогъ Савойскій Людовикъ, пользуясь этимъ случаемъ, успѣлъ его подчинить своей власти, подъ предлогомъ уплаты значительной суммы денегъ, копорыми долженъ былъ ему сей городъ. Наконецъ союзными своими пракшами съ Берномъ, а еще болѣе участіемъ

въ войнѣ Швейцарцевъ пропивъ герцога Бургундскаго Карла Дерзновеннаго, Фрибургъ искупилъ свою независимостъ и въ 1481 году былъ принятъ въ число кантоновъ Швейцарскихъ.

Судя по пространству и окружности Фрибурга, можно было бы подумати, что онъ принадлежишь къ городамъ многолюднымъ; но какъ большая часть домовъ его совсѣмъ кажутся пустыми, и кромѣ того большая часть ихъ отдѣлены одинъ отъ другаго садами и огородами, то и не удивительно, что онъ вмѣщаетъ въ стѣнахъ своихъ только 6,000 жителей. Причиною такой малой населенности должно быть худое состояніе торговли, мануфактуръ и прочихъ отраслей промышленности, такъ какъ и несообразное съ числомъ гражданъ число монашествующихъ и расположеніе къ монашеству, льстящее спокойствію и изобилію въ жизненныхъ потребностяхъ. Въ послѣднемъ отношеніи Фрибургъ походитъ болѣе на городъ Испанскій или Италіанскій: въ однихъ стѣнахъ его находится семь монастырей; не говорю уже о двѣнадцати прочихъ, разсыян-

ныхъ по разнымъ мѣстамъ кантона, — и также несоразмѣрныхъ съ его народонаселеніемъ, простирающимися только до 55,000 жителей. Изъ числа первыхъ достопримѣчательнѣйшіе суть: 1) женскій монастырь *Монтпоржъ*, знаменитый издѣліемъ цвѣтовъ искусственныхъ; 2) монастырь *Иезуитскій*, гдѣ до революціи была Иезуитская коллегія и гдѣ теперь снова поселились Иезуиты подѣ начальствомъ снарѣйшины, имѣющаго титулъ *Principalis*. Большая часть изъ нихъ отправляютъ должность профессоровъ въ семинаріи и въ гимназии. *Семинарія* есть высшее училище кантона въ родѣ прежде бывшей коллегіи; въ ней преподають богословіе, нравственную философію, метафизику, логику, физику, математику и каноническое право; а въ *гимназій* учать языкамъ Латинскому, Нѣмецкому, Французскому и словеснымъ наукамъ. Съ нѣкопорого времени открыта здѣсь также и *Ланкастерская школа*, знаменитая своею мѣтодою взаимнаго обученія. Быстрые успѣхи учениковъ этой школы вооружили явно Иезуитовъ противъ ея директора Аббата Жирара, мужа ученаго,

правспвеннаго, дѣятельнаго и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго.

Не смотря на количество учебныхъ заведеній, науки и искусства вообще находящаяся здѣсь не въ цвѣтущемъ состояніи. Фрибургъ до сихъ поръ не произвелъ еще ни одного ученаго и въ самой образованности, сколько примѣрно, опспалъ опъ сосѣдственныхъ кантоновъ. Причиною тому схоластическая метода ученія, имѣющая одностороннюю цѣль. Воспитаніемъ юношества исключительно завѣдывающъ здѣсь монахи, копорые заботятся не столько объ образованіи гражданъ, сколько о пригопвленіи канониковъ и клириковъ. Недостатокъ учебныхъ пособій равнымъ образомъ весьма ощущенъ въ Фрибургѣ; такъ что нѣтъ ниодного публичнаго кабинета, ниодного музея, ниодной галлерей. Библиотека одна только Іезуитская, но и къ той граждане не имѣють доступу.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Земледѣльческая школа въ Готтривъ. Пустынь Св. Магдалины, состоящая изъ келій, церкви и колокольни, высвѣщенныхъ въ скалахъ. Соборъ Св. Николая. Фонтаны. Знаменитая липа, посаженная въ 1476 году въ память Моратскаго сраженія; гулянье въ липовой аллеѣ; этикетъ Швейцарской знати. Смятенія въ Фрибургѣ между приверженцами Іезуитовъ и Абеата Жирага.

Изъ учебныхъ заведеній кантона самое полезнѣйшее и доспонримѣчательнѣйшее есть безспорно школа земледѣльческая, находящаяся въ Аббадспивѣ Готтривѣ, верстахъ въ десяти отъ Фрибурга. Она состоитъ подъ управленіемъ монаховъ Бернардинскаго ордена, которые основали ее въ 1808 году, въ одно время съ школою монашескаго Крейцлингенскаго, состоящаго въ кантонѣ Тургаускомъ. Какъ та, такъ и другая учреждены на одинакомъ положеніи съ инспиритомъ Фелленберговымъ; да и уставъ свой

получили почти непосредственно изъ рукъ сего знаменитаго агронома. Желательно, чтобы вкусъ къ такимъ учрежденіямъ распространялся болѣе и болѣе и замѣнили суешную моду прошедшихъ вѣковъ на поспроеніе убѣжищъ, какія, напримѣръ, разсыяны въ окрестностяхъ Фрибурга, подъ именемъ арміажей или пуспынь. Изъ числа послѣднихъ я видѣлъ одну только *пустыню Святой Магдалины*, лежащую на берегу Сарины въ пяти верстахъ отъ города. Она состоить изъ церкви и колокольни, изъ нѣсколькихъ залъ или келій, одного погреба, одной кухни и другихъ принадлежностей. И все это зданіе, имѣющее 400 футовъ длины, вырублено въ каменной скалѣ, а что всего примѣчательнѣе, однимъ только пустынникомъ и его послушникомъ, жившими въ XVII столѣтіи. Сохранилось преданіе, что эти спруженики погибли оба вмѣстѣ въ бурныхъ волнахъ Сарины, опрокинутые въ нее съ ладьею внезапнымъ порывомъ вихря. Съ того времени пустыня ихъ стала удѣломъ убогихъ спарцевъ, которые, наслѣдуя одинъ другому въ этомъ убѣжищѣ,

нипаются милостынею путешественниковъ, привлекаемыхъ сюда любопытствомъ. Именами сихъ послѣднихъ покрыты всѣ стѣны и своды келій. Внутренность церкви и прочихъ комнатъ освѣщается окнами, высѣченными въ стѣнѣ со стороны рѣки. Колокольная, имѣющая 80 футовъ вышины, также высѣчена въ скалѣ наподобіе трубы; а колоколъ виситъ надъ нею снаружи. Дикія окрестности, среди коихъ лежатъ пустыни Св. Магдалины, совершенно соотвѣствуютъ ея назначенію. Огромные утесы, стоящіе по берегамъ Сарины въ родѣ длинныхъ и высокихъ укрѣпленій,—быстрая рѣка, разбивающая бурныя волны свои объ ихъ подошву,—вѣтеръ, качающій вершины деревьевъ по скаламъ пригорковъ, и звукъ колокола, теряющійся въ дебряхъ, оставляющъ въ душѣ посѣтишелей впечатлѣнія мрачныя и поныны. Прибавьте къ этому угрюмый видъ старика, рассказывающаго вамъ о печальной кончинѣ пружениковъ и картина ваша будетъ достойна кисти романтической.

Въ самомъ Фрибургѣ достопримѣчательнѣйшее зданіе есть Готическій Соборъ Св. Николая, основанный въ 1283 году. Своды главныхъ ворошъ и стѣны паперши украшены довольно хорошими барельефами, въ которыхъ представлены грѣшники, низвергаемые демонами въ огонь кромѣшный. Идеи и чертежи вѣроятно заимствованы изъ извѣстной карпины спрашнаго суда, привезенной, можетъ быть, Греками въ Испанію около сего времени. Колокольня Св. Николая, имѣющая 586 фушовъ вышины, считается самою высочайшею, а звукъ колоколовъ ея самымъ пріятнѣйшимъ во всей Швейцаріи.

Не смотря на гористое положеніе, ничѣмъ Фрибургъ столько не богатъ, какъ водою: кромѣ 28 публичныхъ фонтановъ, онъ содержитъ еще въ верхнихъ частяхъ города нѣсколько водоемовъ; такъ что, въ случаѣ надобности, можно провести ручьи по всѣмъ улицамъ. Гульбищъ въ Фрибургѣ почти совсѣмъ нѣтъ, кромѣ одной липовой аллеи внутри города. Недалеко отъ нея стоитъ на знаменитая липа, которая

посажена была въ 1476 году въ память Морашскаго сраженія. Она не высока росломъ, но достопримѣчательна огромностію сплела при корнѣхъ и широкимъ объемомъ пушистыхъ, развѣсистыхъ вѣтвей. Съ нѣкогдаго времени это почтенное дерево начало терять свою бодрость и крѣпость, какъ бы опъ грусти, что уже не видишь болѣе въ тѣни своей тѣхъ доблестныхъ гражданъ, которые приходили нѣкогда бесѣдовать здѣсь о подвигахъ предковъ и объ истинной любви къ отечеству. Въ самомъ дѣлѣ, я имѣлъ случай сегодня замѣтить, что скамьи, разставленныя въ тѣни этого дерева, были не заняты, между тѣмъ какъ липовая аллея наполнена была толпами гражданъ и гражданокъ средняго класса, какъ водится всегда въ дни воскресные. Я упоминаю исключительно о среднемъ классѣ по тому, что здѣшнія знаютъ или богатыя фамиліи, какъ меня увѣряли, почишаютъ за неприличіе мѣшаться съ такъ называемою ими *germân*, *populace*. Вообще примѣтно, что послѣ Германіи, можетъ быть, нигдѣ не наблюдается столько

эпикеповъ и причудъ, какъ между Аристократами Швейцарскими.

Возвращаясь въ гостиницу Орла, лежащую недалеко отъ аллеи, я сѣлъ подъ окномъ и продолжалъ смотрѣть на толпы гуляющихъ, которыя, при свѣтѣ луны, казалось, росли и умножались безпрестанно на площади; какъ вдругъ отворяется дверь и входитъ, запыхавшись, докторъ Ж., прошедшій весь день у родныхъ своихъ. „Слышали ли вы новость“, спросилъ онъ меня съ шоропливостію.— Ни какой.— „Знаете ли, что здѣсь со дня на день ожидаютъ переворота?“ — Я невольно при этихъ словахъ разсмѣялся и напомнилъ доктору объ остроумномъ оповѣщеніи одного изъ Монарховъ сѣвера, при полученіи имъ извѣстія о революціи Женевской: *C'est une tempête dans un verre*; это буря въ стаканѣ. „Ахъ! Ославьте намъ стаканъ нашъ, оповѣчалъ съ безпокойствомъ докторъ, и возьмите, если можно, эту бурю. Вы, иностранцы, конечно будете смотрѣть на эту сцену, какъ на комедію; но для насъ совсѣмъ другое. Мы имѣемъ здѣсь семейство, родство, друзей...“ Да скажите, что даетъ

Часть II.

10

вамъ поводъ къ такому опасенію? — „Всеобщее круженіе головъ, произведенное интригами Іезуитовъ.“ — Опять Іезуиты! — Чпужь это за существа такія? Вездѣ слышно объ нихъ и нигдѣ ихъ не видно. — „Вы сказали правду; они нигдѣ и вездѣ. Тайкомъ и невидимками они прокрались въ кабинеты градоначальниковъ, въ кладовыя богатей, въ спальни женщинъ; поссорили матерей съ дѣтьми, женъ съ мужьями, дочерей съ родителями; и всю эту бурю хотѣли обратить на главу почтеннаго отца Жирара, виноватаго только тѣмъ, что онъ ввелъ и успѣлъ поддерживать методу взаимнаго обученія, съ жаромъ принимающую и поддерживаемую всѣми правительствами, любящими просвѣщеніе. Слушайте, слушайте!“ — И въ эту минуту въ самомъ дѣлѣ раздались на площади крики: *Vivent les Jesuites!* — Чего же хотѣли эти Іезуиты? — „Они хотѣли быть монополистами воспитанія, чтобы наспроить умы юношей сообразно съ своими видами; хотѣли основать насъ на той степени образованности, на какой заспали; а если можно, продвинуть и назадъ вѣка за два, чтобы послѣ

ного на невѣжествѣ и легкомысліи нашей брашніи основашъ личныя свои выгоды. Безспорию, что они приобрьли нѣкоторую знаменитость воспитаніемъ юношества; но ихъ мешода соспарьлась, и самая ученость ихъ опискала опъ нашего вѣка. Всѣ глубокія ихъ свѣденія заключаюпся почти въ одной Лапыни; а къ чему послужишъ знаніе Лапыни нашимъ гражданамъ, гошоващимся бытъ или содержащими пракшировъ или шоргашами мѣлочныхъ лавочекъ? И припомъ знаніе недокончанное, а часпо и не начатое, не смотря на десятильтія, для приобрьшенія этого руна испощаемыя? Слушайте, слушайте.“ И опять раздались крики: „да здравствуютъ Іезуишты!“ — „Да здравствуютъ опецъ Жирарь!“

Тутъ я вспомнилъ справедливыя укоризны Холмскаго гражданамъ Новгородскимъ, въ прекрасной рѣчи, произнесенной имъ съ вечаваго мѣспа. „Вы опвергли, восклицаетъ онъ, роды княжескіе,—и спонете подъ игомъ купцевъ, не знаменитыхъ ни родомъ, ни заслугами, ни палантами.“—Граждане Фрибургскіе способны, повидимому, сдѣлашь еще болѣе

они готовы свергнуть власть купцевъ и облобызавъ ярмо Іезуитовъ. Вопль достойные плоды того буйнаго и неограниченнаго своеволія, которое, подъ именемъ свободы, столько превозносятъ фанатики полипитическіе!

М О Р А Т Ъ.

Самонадеянность Карла Дерзостнаго; отличительныя черты его соперниковъ, Швейцарцевъ XV столѣтія. Вероломный поступокъ Карла съ Грансонскимъ гарнизономъ; мщеніе Швейцарцевъ; ихъ побѣды въ окрестностяхъ Грансона и при Моратъ. Смерть Карла подъ стѣнами города Нанси. Остовохраненіе Моратское; липа; обелискъ.

Моратъ, по-Нѣмецки Мурпентъ, прославился въ исторіи блистательною побѣдою,

одержанною подъ стѣнами его Швейцарцами въ 1476 году 22 Іюня надъ герцогомъ Бургундскимъ, Карломъ Дерзоспнымъ (*téméraire*). Сей герцогъ, кромѣ обѣихъ Бургундій владѣлъ всѣми низовыми землями Рейна и былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ вассаловъ короля Французскаго. Но могущество и вѣстіе, неоплучныя до того времени его спутники, возбуждали въ немъ алчность къ новымъ почестямъ. Онъ искалъ престола; въ право пребыванія своего хотѣлъ пріобрѣсти и упрочить леснымъ пишмомъ завоевателю. Къ несчастію, самонадѣяніе заслѣпало его пренебречь слабостію окружающихъ его соседей; а тщеславіе указало ему на такой народъ, который въ то время не имѣлъ соперниковъ въ воинскихъ доблестяхъ. Умѣренность въ домѣ, трудолюбіе на поляхъ и мужество въ битвахъ были отличительными чертами Швейцарцевъ нѣнадцатаго столѣтія. Палаша и хижины служили имъ кровомъ; мечи и колчуги составляли ихъ утварь; ушесы, сѣга и бездны были завѣтнымъ наслѣдіемъ отъ предковъ. Они никогда не искали чужаго и пѣть бо-

лѣе дорожили правомъ собственности. Но самымъ драгоценнѣйшимъ для нихъ благомъ была свобода. И вошъ съ какимъ народомъ надобно было имѣть дѣло герцогу Бургундскому.

Война открылась въ 1474 году, въ продолженіе котораго Швейцарцы покорили всю линію крѣпостей, разсѣянныхъ вдоль горы Юры. На слѣдующій годъ герцогъ провелъ въ Нейшательскому озеру до 60,000 войска; осадилъ и принудилъ крѣпость Грансонъ къ сдачѣ на капитуляцію: но, не уважалъ данныхъ условій, велѣлъ казнить смертію весь гарнизонъ ея, состоявшій изъ 500 воиновъ. Такое посмѣяніе надъ клятвою и поруганіе надъ священнѣйшимъ правомъ полиптическимъ воспламенили Швейцарцевъ всеобщимъ негодованіемъ и местию. Они рѣшились немедленно наказати клятвопреступленіе; наспигли герцога въ окрестностяхъ Грансона и 3 Марша, обративъ въ бѣгство все его войско, завладѣли чепырьми спами шелковыхъ шапровъ, шестью спами знаменъ и штандарповъ, всею утварью домашнею и церковною, большою суммою денегъ и мно-

жеспиомъ драгоцѣнныхъ камней. Въ числѣ несмѣльной добычи оспался и поппъ знаменитый величиною своею алмазь, который служилъ теперь украшеніемъ короны Испанской. Сначала онъ проданъ былъ простымъ рапшикомъ одному священнику за нѣсколько баппценонъ; поппомъ переходя изъ рукъ въ руки, достался Англійской королевѣ Маріи, которая и передала его во владѣніе двору Испанскому, по случаю бракосочетанія своего съ Филиппомъ II.

Печаль о поперѣ Грансонскаго сраженія повергла герцога въ жестокую болѣзнь и, по свидѣтельству Комина, одного изъ современныхъ историковъ, до такой степени разстроила душевныя его способности, что въ немъ уже не примѣтно было въ послѣдствіи времени ни прежняго разсудка, ни прежняго благоразумія. Между тѣмъ онъ не терялъ еще надежды изгладить спыдъ рѣшительнымъ ударомъ; пополнилъ разстроенныя полки свои новыми опрядами, приведенными изъ Бургундіи; соединился въ Лозаннѣ съ союзникомъ своимъ графомъ Ромонпскимъ и, такимъ образомъ собравъ въ 1476 году снова

до 60,000 войска, расположился подъ спѣнами Морава, не задолго передъ пѣмъ заняшаго дружиною Берискою и Фрибургскою. Швейцарцевъ всѣхъ было не болѣе 1500; но, привыкши издавна намѣрять силу свою не числомъ воиновъ, а однимъ пламенемъ мужества и рѣшительности, они заняли 22 Іюня прилегающія къ городу высоты и ударили на непріятелей съ такою быстротою, что въ нѣсколько часовъ накрыли ихъ штурмами весь берегъ Морапскаго озера. Если вѣрнѣе историкамъ, на этомъ сраженіи пало изъ непріятельскаго войска 18,000 пѣхоты и 5,000 конницы, кромѣ 12,000 попонувшихъ въ озеро. Самъ герцогъ обязанъ жизни своей лошади, которая перенесла его вплавь на другой берегъ. Такъ окончилась Морапская битва, спрашная чудесами храбрости и едѣспивіями опчаднѣя, — битва, на кошерой, казалось, сама Слава озарила своими лучами Швейцарцевъ и сама Смерть спояла подлѣ волчищъ Бургундскихъ съ своимъ погребальнымъ факеломъ. Герцогъ Карлъ потерялъ здѣсь все: и могущество и счастье и бодрость; а сныжалъ одно шипило *Держоспаго*,

которое и сохраняется на скрижаляхъ исторіи въ поученіе честлюбцевъ, алчущихъ власни и щеславія.

Въ 1477 году онъ осаждалъ городъ Нанси и убитъ былъ подъ стѣнами его 5 Января, будучи оспавленъ во время сраженія собственными своими воинами. Съ нимъ окончился второй и послѣдній домъ герцоговъ Бургундскихъ, самыхъ сильнѣйшихъ въ то время между Христіанскими монархами; а оставшаяся по немъ дочь его Марія, по случаю бракосочетанія своего съ Максимилианомъ сыномъ Императора Фридриха III, доставила Нидерланды и Франшконте во владѣніе Австрійскому дому, и тѣмъ самымъ дала поводъ къ продолжительнымъ и кровопролитнымъ войнамъ между Франціею и Австріею.

Между тѣмъ Швейцарцы, собравъ съ поля сраженія кости Бургундовъ, построили надъ ними зданіе въ 44 футовъ длины и въ 14 ширины, которое и сохранялось до нашихъ временъ подъ именемъ осповохранилища Моратскаго (ossuaire de Morat). Оно стояло на берегу озера, въ одной вершѣ отъ Морава.

Въ 1798 году Французы сожгли эпопѣя памятникъ Швейцарской гордости, какъ обидный собспвенно для нихъ и, надобно признашья, обидный вообще для человѣчества, по неумѣстному щещславію надъ мертвыми. Швейцарцы замѣнили попомъ основоохранилище гораздо приличнѣйшимъ и національнымъ своимъ памятникомъ: *липою*; а въ 1822 году Фрибургская республика соорудила на томъ же самомъ мѣстѣ довольно красивый обелискъ; и кромѣ того выбила медаль съ изображеніемъ эпого обелиска на передней споронѣ и основоохранилища на оборонѣ (*).

(*) Въ 1475 году Морать принадлежалъ по праву завоеванія двумъ республикамъ: Бернской и Фрибургской, которыя и посылали въ него, такъ какъ и въ Грансонъ, попеременно своихъ бальфовъ или намѣстниковъ. Но съ 1798 года первый присоединенъ навсегда къ республикѣ Фрибургской, а послѣдній къ Водландской.

А В А Н Ш Ъ.

Великолѣпнѣ древняго Авентика. Пещерѣнѣ его. Осколки анти-
ковъ; мраморная колонна; мозаикъ; вапни; часть стѣны. Мечты
и провѣжденіе на развалинахъ.

Опѣ древняго Авентика, одного изъ важ-
нѣйшихъ городовъ Римской Гельвеціи, въ
исторіи оспалось одно его имя, а на мѣстѣ
однѣ развалины развалинѣ. Авентикъ много
обязанъ былъ своимъ устройствомъ Веспасіа-
ну, что и дало поводъ почитатьъ его оп-
чиною сего Императора. Титъ, сынъ Вес-
пасіана, также украсилъ эшопѣ городъ мно-
гими великолѣпными зданіями, поселилъ въ
немъ воиновъ, своихъ рапныхъ сподвижни-
ковъ; даровалъ ему многія преимущества и
между прочимъ почешное пипло колоніи
Гельветической; такъ что Авентикъ былъ

наконецъ главнымъ городомъ одного изъ чепырехъ кантоновъ Римской Гельвеціи (*).

Но цвѣтущее состояніе этого города продолжалось недолго; въ концѣ чепверпаго столѣтія Аллеманы и Бургунды опустошили его огнемъ; въ половинѣ пяпаго Гунны погребли послѣдніе его оспашки. Мѣсто, на копоромъ онъ стоялъ, обращено пеперь въ огороды и пусшыри; нѣсколько развалинъ, уцѣлѣвшихъ опъ спихій и времени, оспались единственными памянниками его древняго великолѣпія, подобно памянникамъ надгробнымъ, разсѣяннымъ на кладбищѣ. Любопытные щщщщ будупъ спрашиваупъ въ Аваншѣ кабинета древностей; равнодушіе здѣшнихъ жипелей къ анишкамъ едвали не равняелся невѣжесшву грубыхъ Турковъ. Къ крайнему вашему удивленію, вы увидипе разбросанные на улицѣ камни съ Лапински-

(*) Кантонъ Aventicensis тоже, что прежде Urbigenus отъ Орба, занималъ южную часть Швейцаріи; прочіе три, лежащіе на сѣверѣ, суть: Augusta Rauracorum въ кантонѣ Базельскомъ (Augst), Windossa, пыпшпій Вилдичъ, въ кантонѣ Аргаусскомъ и Vitodurum, нынѣ деревня Обер-Винтертуръ, въ кантонѣ Цюрихскомъ.

ми надписями, карнизы отъ колоннъ и опломки саркофаговъ или жертвенниковъ. На одномъ фонтанѣ поставлена голова Аполлонова; въ другому прислонена голова Юпитерова; стѣна, оставшаяся отъ амфитеатра, служитъ оградой сада. Въ города достойна примѣчанія бѣлая мраморная колонна Коринтскаго ордена, имѣющая 37 фузовъ вышины. Она стоишь въ огородѣ и окружена кучею разбитыхъ камней, поросшихъ крапивою. Нѣсколько далѣе, по дорогѣ Моравской, найденъ въ землѣ довольно хорошей работы мозаикъ, имѣющій около $2\frac{1}{2}$ квадратныхъ фузовъ и представляющій поверхность бассейна съ двумя сидящими на немъ голубями и съ чешырьми по угламъ рыбами. Надъ этимъ мозаикомъ сдѣлали небольшую мазанку съ окномъ и съ дверью, и вѣроятно не съ такою цѣлю, чтобы предохранить его отъ разрушенія, но чтобы имѣть благовидный предлогъ на щедроты любопытныхъ путешественниковъ. На одномъ изъ холмовъ, прилегающихъ къ дорогѣ Моравской, стоишь круглая полуразвалившаяся башня. Къ ней примыкаетъ защищенная ровомъ стѣна,

имѣющая 15 футовъ вышины и 1¼ толщину. По направленію сей стѣны, по слѣдамъ жилья и другихъ признаковъ, полагаютъ окружность древняго Авеншика около 7 нашихъ верстъ или 1¼ Французскихъ лье.

Случающіяся сны чародѣйные, переносящіе насъ въ острова блаженные, — манящіе къ призракамъ очаровательнымъ и улаждающіе горькую существенность какими-то удовольствіями неиспытанными. Пробуждаемся — и сны легкокрылые исчезаютъ, подобно Евридикѣ, возвращающейся въ царство тѣней и щещиво призываемой Орфеемъ. Такіяже ощущенія испытываешь и на развалинахъ древняго города, когда погружаешься въ пихую, ничѣмъ непрерываемую, мечтательность. — Зодчій — воображеніе развиваешь чертежи свои на поверхности земли и проводишь линіи съ кругами въ воздухѣ; къ одной колоннѣ прибавляешь нѣсколько другихъ и спавишь ихъ передъ великолѣпною куріею; надъ однимъ опломкомъ мозаического пола воздвигаетъ роскошные чертоги вельможи; по сторонамъ одного дома протягиваетъ ряды другихъ домовъ, не менѣе достопримѣ-

чашельныхъ по изяществу вкуса и богат-
ству украшеній. Надъ громадою сихъ зданій
поднимаются храмы, башни и торжесивей-
ныя арки. Входишь въ амфитеатръ и ви-
дишь всѣ прилавки занятыя неперѣливыми
гражданами. Борьба начинается; раздаются
рукоплесканія—и вдругъ варваръ—пробужде-
ніе разрушаетъ въ одно мгновеніе все то,
что воображеніе строило въ продолженіе
нѣсколькихъ минуть. Смотришь—и все это
пространство, которое теперь только было
заграждено зданіями, снова обратилось въ
пустоту, удобопроницаемую воздухомъ, лу-
чами солнечными и взоромъ. — Не такъ ли
исчезаютъ съ лица земли всѣ дѣла рукъ че-
ловѣческихъ и самые народы? Всѣ наши вре-
мена и лѣта не суть ли однѣ мгновенія пе-
редъ природою, при всѣхъ своихъ измѣнені-
яхъ неизмѣнимою? Исполнитъ солнце проше-
каетъ путь свой небесный также, какъ и
во времена владыкъ земли Римлянъ; пышные
луга и одѣтые въ лѣтнюю холмы — тѣже
самые, которые улыбались торжесивей-
ному шествію любви и отрады теловѣческаго
рода Тита; но владыки земли оставили

на землѣ одни слабыя слѣды существованія;
и человѣческій родъ лишь немножко своей
опрады.

ПАЕРНЪ.

ПАЕРНЪ — резиденція Бургундскихъ Королей. Память въ народѣ
о Королѣ Берте; гробница и деревянное сѣдло ея въ собоной
церкви.

Городъ сей, основанный, какъ думаютъ,
Римляниномъ Паперномъ, въ четвертомъ и
пятомъ столѣтіяхъ имѣлъ одинакую участь
съ Аваншемъ. Аллеманы и Аппила, прошед-
шіе черезъ него съ огнемъ, не оставили по-
томству никакихъ памятниковъ Римскаго
владычества, кромѣ одного камня съ Латин-
скою надписью, который находится на мос-
ту Пеймскомъ и которымъ здѣшніе гражда-
не дорожатъ, какъ дипломомъ благороднаго

своего происхожденія. Возстановленіемъ своимъ Паернъ обязанъ епископу Марію, жившему въ шестомъ вѣкѣ, а приращеніемъ народонаселенія Рудольфу первому, — основателю вшораго Бургундскаго королевства, избравшему сей городъ главнымъ мѣстопребываніемъ для себя и для блистательнаго своего двора. Королева Верта, супруга Рудольфа вшораго, также немало способствовала къ распространенію Паерна основаніемъ въ немъ въ 961 году Бенедиктинскаго аббатства. Верта оставила по себѣ такую же память въ южной Швейцаріи, какую Ванда въ Польшѣ, и здѣшніе жители, не смотря на перевороты политическіе, внушившіе имъ чужденіе королевской власти, любящъ еще до сихъ поръ рассказывать о мудромъ правленіи королевы Бургундской, о ласковомъ ея обращеніи съ подданными, о ея щедростяхъ къ народу и духовенству, о ея красотѣ, домашней жизни и путешествіяхъ. Между прочимъ есть преданіе народное, что она имѣла особенную склонность къ занятіямъ хозяйственнымъ, къ руководѣльямъ, и преимущественно къ при-

жѣ, и что не носила иныхъ одеждъ, кромѣ
пѣхъ, которыя сама прядла.

Въ соборной церкви Паернской, остав-
шейся послѣ реформаціи опѣ аббатства
Бенедиктинскаго, находишся гробница Бер-
пы и хранишся, какъ драгоценная рѣд-
костъ, вѣшное деревянное сѣдло ея съ про-
сверленными напередѣ коромысломъ (ру-
коюпью), въ которое будшобы она имѣла
привычку спавишъ свою кудель съ волною,
во время прогулокъ и пупешесствія. Исто-
рикъ Рушашъ упоминаетъ шакже объ одной
ея печашѣ, гдѣ она представлена прядущею
на своемъ шронѣ. Всѣ эти черпы напоми-
наютъ папріархальную жизнь царей и ца-
рицъ Гомеровыхъ, которыхъ памяшъ шакже
благословлялась въ Греческихъ республикахъ
до самыхъ позднихъ временъ.

ЗАМОКЪ ЛЮСАНЬ.

Онъ виситъ часпю на скалахъ, часпю на горѣ, обсѣченной въ видѣ щеррасъ и опоясанной садами, огородами, виноградниками. Карпина превосходная! — Здѣшніе жители, повидимому, не знаютъ начальной исторіи этого замка; извѣстно только, что до временъ реформаціи онъ принадлежалъ епископамъ Лованскимъ, которые управляли имъ въ духъ своего времени, какъ рыцари духовные. Широкая, вымощенная камнями дорога, въ довольно оплогихъ изгибахъ ведетъ въ самую внутренность замка; такъ, что свящые ошцы могли подниматься и спускаться въ экипажахъ, не имѣя нужды изнурять своей плоти ни восхожденіемъ, ни нисхожденіемъ. Я поднялся по крупнымъ деревяннымъ лѣсницамъ, нарочно успроен-

*

нымъ для пѣшеходцевъ и вошелъ въ замокъ черезъ узкую боковую калишку. Услужливый спорожь, узнавши причину моего посѣщенія, потчасъ схватилъ огромную связку ключей и началъ водить меня по темнымъ переходамъ, закоулкамъ и подваламъ, безпрестанно ошпирая и запирая тяжелыя, скрипучія, окованныя желѣзомъ или желѣзныя двери. Онъ показалъ мнѣ свяшительскія кухни и свяшительскіе погреба, которыхъ спѣны, казалось, еще до сихъ поръ были упишаны ароматами винъ Кипрскихъ и Италіянскихъ; попомъ ввелъ меня въ шемную, освѣщаемую однимъ окномъ залу, гдѣ жили епископы *втайнѣ*, и, судя по приписываемымъ имъ жестокостямъ, можно прибавить: *въ ловительствѣ убогаго*. На дворѣ естъ колодезь; мой вожапой бросалъ въ него зажженную солому, чшобы показашъ его глубину, и въ тоже время позабавишъ игрою огня и хлопаніемъ воспламененныхъ газовъ. Въ верхній ярусъ замка, состоящій изъ башенъ, нѣтъ другаго хода, кромѣ подъемныхъ или подставныхъ лѣстницъ. Самая достопримѣчательная башня—тюремная, имѣющая

не болѣе сажени въ поперешникѣ. Каменный полъ и нижнія части спѣсны выбиты колѣнами, головами и цѣпами узниковъ; сквозь узкія, прорѣзныя окны видны холмы, покрытые рощами, — долина Люсанская, пересѣкаемая рѣчкою Бруа, — городъ Мёдонъ и часть Альпювъ. Минѣ кажется, прелазы нарочно поспавили эту шюрьму среди такихъ великолѣпныхъ видовъ, чтобы возбуждать въ несчастныхъ жажду къ наслажденіямъ, для нихъ недоступнымъ. Такъ въ средніе вѣки утончено было искусство мученій вмѣстѣ съ зодѣствомъ шюремнымъ! Съ 1536 до 1798 года замокъ сей былъ мѣстопребываніемъ бальфа Бернской республики; въ послѣдствіи времени правительство Водпландское продало его въ частное владѣніе фамиліи Жалыи.

МЁДОНЪ.

Башня, оставшаяся отъ Римскаго города Минидуна. Тронная зала герцоговъ Савойскихъ. Примечательный фрескъ: судъ Соломоновъ; лица, изображенныя въ Русскомъ костюмѣ; аллегорическое дерево, Хартия Водтландская; сходство ея съ Русскою Правдою, Сборникъ законовъ Бернской республики; законы противъ ожорства, пьянства и танцевъ. Три брачныя танца, не воспрещенныя закономъ.

Мёдонъ, сжатый двумя рядами горъ и омываемый рѣчкою Бруа, спойнтъ на развалинахъ Римскаго Минидуна (Minidunum), опъ копораго, кромѣ другихъ памятниковъ, сохранилась еще одна огромная квадратная башня. Особенными правами и преимуществами пользовался сей городъ во время владычества герцоговъ Савойскихъ, когда онъ былъ главнымъ городомъ всей Водтландской области и сборнымъ мѣстомъ депушаповъ опъ чешырехъ большихъ или добрыхъ

городовъ: Ивердона, Ніона, Моржа и самаго Мёдона, и опть десяти прѣчихъ, принадлежавшихъ ко впорѣжу разряду. Самая любопытная рѣдкость, оспавшаяся опть эпого времени, естъ шронная зала герцогскаго дворца, служащая нынѣ подваломъ одного изъ адъиныхъ пракпировъ. Хотя она завалена вся дровами и съѣсными припасами; но фрески, копорыми расписаны ея стѣны, могутъ дать еще нѣкоторое поняіе о пышности и вкусѣ Савойскаго герцогскаго двора въ средніе вѣки. — Примѣчательнѣйшая картина, занимающая цѣлую стѣну, естъ *судъ Соломоновъ*. Она раздѣляется на двѣ довольно замысловатыя части: на дѣйствіе историческое и дѣйствіе аллегорическое. Первое, состоящее изъ многихъ главныхъ лицъ, сопровождается еще многими поспоронными и между прочимъ группою музыкантовъ, изъ коихъ одинъ играетъ на волынкѣ, а другой бьетъ въ барабанъ. Нельзя ручаться рѣшительно за мысли художника; но, вѣроятно, онъ хотѣлъ выразить эпою игрою шоржесиво правосудія. Эта часть картины привлекла особенное

мое вниманіе шѣмъ, что нѣкоторые изъ дѣйствующихъ въ ней лицъ одѣшны въ Русскіе кафтаны, опоясаны кушаками и осприжены въ скобку; по крайней мѣрѣ для насъ Русскихъ любопышно узнать, что въ средніе вѣки Савояры, а можешь быть и Швейцарцы одѣвались и носили волосы также, какъ теперь у насъ простолюдины. Другая часть карпины, состоящая изъ чистой аллегоріи, представляеть плодоносящее и многовѣшное *дерево*. Это—дерево добра, насажденное при исходившихъ водныхъ; а плоды, которыми оно покрыто, означаютъ, какъ видно изъ надписей, разные виды добродѣтелей, какъ то *воздержаніе, смиреніе, цѣломудріе, благодетельство* и пр. Между шѣмъ какъ оно красуется своимъ цвѣтомъ и крѣпостию; два чудовища въ видѣ человѣческомъ, или, какъ гласятъ надписи, два порока: *клевета* и *зависть*, пилятъ его корень огромною пилою. Не смотря на странность идей и на странный образъ ихъ выраженія, нельзя не замѣтить прочности красокъ и тщательности чертёжей этой карпины; вѣроятно она писана была не простымъ, но

отличнымъ художникомъ здѣшняго края, если только писана не позже пятнадцатаго столѣтія.

Хартія Водшландская, данная 14 Іюля 1359 года въ Мёдонѣ, заключаетъ въ себѣ довольно любопытныя статьи касательно полиціи и уголовныхъ законовъ того времени и, къ крайнему удивленію нашему, совершенно сходныя во многихъ мѣстахъ съ нашею *Русскою Правдою*. Таковы законы о пени, взимаемой за побой; напримѣръ: „если кто въ ссорѣ ударитъ или прибьетъ другаго, и будутъ свидѣтели одинъ мужчина или одна женщина, которые утвердятъ показаніе присягою предъ судіями (Prud'hommes); то виноватый, бившій палкою или другимъ орудіемъ, до крови или безъ крови,—плашитъ владѣльцу (au seigneur) бо су пени, а испцу 30 су.—Кто ударитъ другаго кулакомъ, плашитъ владѣльцу три су, а тому, кого ударилъ 18 денегъ (deniers) (*).—Кто дастъ другому пощечину, шіуу плашитъ 5 су и 30 денегъ заушенному.—Кто войдетъ

(*) Denier есть десятая доля су и равна одной денсжѣ.

днемъ въ чужой садъ или огородъ безъ позволенія хозяина, и не для того, чѣмъбы выгнать свой скотъ или свою птицу, плашишь владѣльцу 10 су, а хозяину сада или огорода 5 су; если же не въ состояніи заплашишь этой суммы, то повиненъ пробѣжать нагой черезъ весь городъ. Если войдешь въ чужой садъ или огородъ ночью, владѣльцу плашишь 60 су, а хозяину 10 су; если же войдешь шуда за своимъ скотомъ или птицею, обязанъ заплашишь только за поправу: но въ такомъ случаѣ хозяинъ сада или огорода, или вмѣсто него кто другой, извѣстный своею честностью, обязаны показати количество поправы подъ присягою.“ — Не нужно доказывать, что эти законы заимствованы изъ одного источника съ Русскою Правдою и что они занесены сюда съ сѣвера, можетъ быть, Бургундами, такъ какъ въ Россію Варягами или Ганзою; но нельзя не замѣтить весьма важной разности въ томъ, что сіе законодательство, свойственное однимъ народамъ полуобразованнымъ, въ Россіи имѣло силу не далѣе тринадцатаго столѣтія, а въ Савойи и

въ южной Швейцаріи до половины шестнадцатаго. Такое значительное разстояние времени не можетъ ли служить новымъ доказательствомъ, сколько Россія въ средніе вѣки опередила западные народы на поприщѣ образованности и сколько попомъ отстала отъ нихъ, остановленная въ своемъ стремленіи варварами Монголами? — Нельзя сказать рѣшительно, имѣла ли свою силу Водшландская харпія далѣе 1536 года, но есть далѣе того времени, когда Водшландская область поступила во владѣніе Бернской республики; по крайней мѣрѣ извѣстно, что эта республика не замедлила въ первой обнародовать сборникъ своихъ законовъ. Изъ нихъ достойны особеннаго примѣчанія законы о невоздержаніи, въ силу которыхъ обжоры и пьяницы или всѣ шѣ, которые ѣли и пили безъ мѣры, повинны были платить 10 флориновъ пени; женщины платили только половину сей суммы; церковнослужители и чиновники государственные опрѣшались отъ своихъ мѣстъ; а шѣ, которые побуждали другихъ пить безъ мѣры, обязаны были платить 30 су пени. Танцы

объявлены были забавою соблазнительною и запрещались подъ опасеніемъ 3 флориновъ пени, исключая, такъ наименованныхъ, прехъ честныхъ панцевъ въ дни брачныя, *trois honnêtes danses sur les jours de noces*, которые никогда не были возбраняемы законами. Вопрьчѣмъ сильны были Швейцарцы среднихъ вѣковъ и чѣмъ въ особенностіи пріобрѣла силу и арѣпоспъ республика Бернская!

НІОНЪ, $\frac{8}{20}$ Іюня.

ПАНОРАМА ЖЕНЕВСКАГО ОЗЕРА.

Сегодня ночеваль я въ Ніонѣ (*Colonia equestris Novidunum*). Рѣзкія впечатлѣнія, произведенныя великолѣпнымъ арѣмощемъ вечера, повторялись безпрестанно въ моемъ воображеніи и не смотря на мою усталость мышали мнѣ погрузиться въ дремоту. Нако-

нець раздалось на улицѣ хлопанье звонкаго бича, и подъ крыльцомъ гостинницы прослуцалъ горный шаръ, (крышая линейка, *char-à-banc*), запряженный парюу муловъ. Я спросилъ моего проводника и немедленно отправился съ нимъ въ Доли, одной изъ высочайшихъ горъ хребта Юранскаго.

Извѣстный путешественникъ Тавернье, по возвращеніи своемъ изъ Азіи, увѣрялъ, что видъ Женевскаго озера изъ Обони превосходитъ все видѣнное имъ во время долгихъ его походовъ и что съ этимъ ландшафтомъ можетъ равняться одна только картина окрестностей Эривани, Персидскаго города. Видъ сей въ самомъ дѣлѣ описывается особенною красою и великолѣпіемъ; но онъ простирается только на одну половину панорамы и оспанаавливается большею частию на второстепенныхъ горахъ, заграждающихъ линію хребта Альпійскаго И потому Обонь, въ отношеніи обширности и разнообразія зрѣлища, безъ всякаго сомнѣнія, должна уступить Доли, которая поднимается надъ поверхностію озера на 5178 футовъ или на 738 саж. и 3 фуша и съ вершины ко-

порой видно около шестии озеръ и цѣпь Альпійскихъ горъ, простирающаяся въ длину на чепыреста верстъ.—Вопгь чпо побудило меня предпринять пушешествіе къ этому гиганту, хопя я не всходилъ на самое шема его, а ошанавливался недалеко опгь мѣшетка Сен-серга, черезъ кошорое проходитъ дорога Швейцарская во Францію.

Шаръ нашъ ошался при подошвѣ Юры, куда мы прибыли на разсвѣтѣ. Далѣе проводникъ мой велъ меня по узкой пропикѣ, черезъ густой лѣсъ, мимо глубокихъ овраговъ; и всякой разъ, какъ только выходили мы на опкрышой холмъ или на поляну, онъ напоминалъ миѣ, чпобъ я не смотрѣлъ назадъ и не оборачивался. Я повиновался его запрещенію съ покорностію, какъ бы боясь быть наказаннымъ за преждевременное любопытство, подобно Орфею, лишившемуся своей Евридики, а съ нею и своего блаженства, единственно опгь нешерпѣнія.

Наконецъ мы достигли высочайшей горной террасы, покрытой справою и душистыми цвѣтами; я бросилъ взоръ мой въ новый міръ, въ бездну непоспжимыхъ чудесъ

— и въ самомъ дѣлѣ пробылъ нѣсколько минутъ въ изумленіи. Такъ разительны были красоты предмешовъ, разнообразіе ихъ формъ и неизмѣримость горизонша! Мой чичероне, пользуясь дѣйствіемъ на меня этого зрѣлища, съ торжесшвомъ началъ вышверженную имъ рѣчь о горахъ, и спарался сопровождать ее такими важными шѣловженіями, какія едвали принималъ и самый его соименикъ, знаменитый Римской вишія, когда обращался къ Албанскимъ холмамъ и роцамъ.

Хребетъ Юры, на которомъ я споялъ, шянулся къ Югу въ видѣ укрѣпленія, увѣчаннаго въ разныхъ мѣстахъ зубчатыми бастіонами. При подошвѣ его сплались зеленымъ бархашомъ долины; развершывались бѣлыми шванями горные попоки; поднимались холмы, украшенные виноградниками и каштановыми роцами. Между ними разсѣяны тысячи мызь и деревень съ узорчатыми садами, съ шополевыми аллеями. Двадцать городовъ съ ихъ замками и башнями сморѣлись въ прозрачной кристаллъ озера, изгибающагося съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ. Верхняя часть сего огромнаго водоема, — шамъ,

гдѣ бурная Рона пробивается въ него изъ подгорныхъ сводовъ, — обнесена высокими, отвѣсными скалами. Надъ ними лежатъ группы горъ въ видѣ куполовъ съ ихъ шпицами и обелисками; однѣ изъ нихъ разваливаются, падаютъ, — другіе гордо возносятъ свое чело къ облакамъ, смѣясь надъ угрозами времени, надъ ударами молній и надъ порывами вулкановъ, колеблющихъ основанія земныя. Вокругъ нижней части озера, опоясанной нѣсколькими рядами роскошныхъ холмовъ, разсыпаны богатые мызы съ садами. Посреди ихъ и при самомъ истоцѣ Роны поднимается амфитеатромъ Женева, вѣчная Цибелла эпой спраны очарованной. На востокъ и югъ идутъ въ одномъ направленіи съ Юрою два длинныхъ хребта Воарона и Салева. Сквозь широкое отверстіе, копорыъ они отдѣляются одинъ отъ другаго, видна гора Моіъ, образующая огромную пирамиду. Она стоитъ на площади, окруженной горами Фоссинійскими, копорыхъ разные ярусы, нагроможденные одни надъ другими, восходятъ къ величественному пантеону древняго міра — къ Монблану. Отъ сего вели-

кольпнаго памяшника природы проспираюп-ся на югъ и на сѣверъ бѣлою волнистою полосою покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ Альпы, составляющія основаніе всей панорамы на проспранствѣ двухъ сонъ или болѣ верспъ.

Сіи двѣ цѣпи: Юранская и Альпійская, служація предѣлами особеннаго міра и опдѣленныя одна отъ другой долинами, Роною и озеромъ,—въ поже время соединяющіяся между собою противоположными хребтами Вуаша и Юрапта. Первый, изгибаясь серпомъ на южномъ горизонтѣ, идепъ отъ Юры къ опрасли Альпійской Салеву; другой, защищая озеро со спороны сѣвера, шянепся длинною косою отъ Швейцарскихъ Альповъ къ Юрѣ; на пышныхъ холмахъ его красуюпся Лозанна, Обонъ и виноградники Лакопъ.

Не смотря на дальнее разспояніе Юры отъ Альповъ и на различныя породы ископаемыхъ, составляющихъ ихъ основаніе, — первая заключаепъ въ воспочныхъ своихъ ребрахъ множество слоевъ гранипныхъ, совсѣмъ ей несвойспвенныхъ. Еспеспвоиспытатели думаюпъ, что эпи слои сунъ оп-

долины Альпійскіе и занесены сюда во время спирающаго, совершившагося на земномъ шарѣ, переворота, но ещѣ во время всеобщаго потопна, котораго слѣды видны адѣсь на каждомъ шагу, въ образованіи рѣкъ, озеръ, горъ и долинъ.

Но эти разорванные хребты и раздробленные горы,—эти развалины и великіе памятники земли первобытной казались мнѣ основаніемъ міра новаго; настоящее упрое было для меня упроемъ міроустроенія; въ длинныхъ тѣняхъ и густыхъ туманахъ я видѣлъ подобіе хаоса, скрывавшаго землю, какъ бы еще неустроенную. Наконецъ наступила минута высокая!... Погруженная въ безмолвіе природа, съ благоговѣніемъ ожидавшая пришествія Творца своего, съ страхомъ и пріемомъ почувствовала его присутствіе. Господь изрекъ святое повелѣніе: да будетъ свѣтъ!—И лучи солнечные зажглись на Монбланѣ, на Шпицѣ Серебреномъ, на Орнекѣ и другихъ высочайшихъ горахъ, на которыхъ они догорѣли вчера при заходѣніи солнца. Но въ то время, убѣгая изъ міра дольнаго и спремаясь горѣ къ источнику

сѣна, эки лучи оспавали за собою хаосъ и смернь; шенерь, наливаясь опъ погосе свѣщюснаго испочина и чрезъ нѣже вершинны, какъ чрезъ проводимки электрическіе, несли съ собою на землю шеплоту, жизнь и радоснь. Черезъ минушю они покрыли розовыми спруями весь хребень Альпійской, оправились огненнымъ полюсомъ на хребтъ Юры, повисли радугами въ струнахъ и играли перлами на деревьяхъ и на травѣ. Земля услышала гласъ Творца своего и воспринула; холмы разыграли; рыбы плескались въ водахъ и Альпійскіе орлы плавали въ воздухѣ; между пѣньями напѣвъ пернатые пѣли упренній гимнъ въ роцѣхъ каштановыхъ, лавровыхъ, гранатовыхъ.

Съ изумленіемъ смотрѣлъ я на это великое пиршество юнаго міра; и, подобно новому чловѣку, только сейчасъ вышедшему изъ рукъ Создателя, не умѣлъ наименовать сихъ величественныхъ явленій, поражавшихъ взоръ мой,—ни сего голубаго шатра, повисшаго на цѣпяхъ горныхъ и оправавшего въ хрусталѣ озера съ своими розовыми облаками; ни сего огненного шара, выкашив-

*

шагося изъ за опдаленныхъ горъ и остано-
вившагося на снѣжныхъ вершинахъ. Я чув-
ствовала, что душа моя упивалась дыха-
ніемъ существованія высшаго, дополъ ею
еще не испытаннаго. Чуждая всѣхъ земныхъ
помысловъ, она силлась какъ бы истор-
гнуться навсегда изъ оковъ, привязываю-
щихъ ее къ міру дольному; и съ той высо-
чайшей ступени, на которой я стояла,
голова была погружена въ неизмѣри-
мость неба, какъ единственной сферы, мо-
гущей распространить ея силы и дать
спрежленіе ея полету. О какъ сладостна
жизнь небесныхъ восторговъ, раждаемыхъ
высокимъ зрѣлищемъ чудесъ Божіихъ, и какъ
кратка для смертнаго эта жизнь, свой-
ственная однимъ небожителямъ!...

ЖЕНЕВА, Юня $\frac{8}{30}$

Версуа, городъ съ улицами безъ домовъ. Прилетъ иностранцевъ въ Женеву. Смесь націй и языковъ за ужинкомъ. Швейцарскій столъ.

Женевскій кантонъ начинается между Водшландскимъ городкомъ Корре (Corret) и мѣстечкомъ Версуа, которое прежде принадлежало Франціи и состояло въ округѣ Жеса (de Gex). Людовикъ XV и Герцогъ Шуазёль, завидуя благосостоянію Женевской республики и процвѣтавшей въ ней въ то время торговлѣ, хотѣли сдѣлать ей подрывъ постройкою въ Версуа прислани и города; но предположенія ихъ не имѣли успѣха. Распланированныя улицы остаются до сихъ поръ не заселенными, и вѣроятно въ такомъ же положеніи, какъ онѣ были при Вольперѣ, который написалъ на этомъ не-

сбыточный планъ Французскаго министра
слѣдующую эпиграмму:

„A Versoi nous avons des rues,
„Mais nous n'avons point de maisons.

Гладкое шоссе капишся по оплоному берегу озера между виноградниками, цвѣтниками и мызами. Съ правой стороны шлепнется рядъ холмовъ, изъ за которыхъ видна цѣпь Юры; съ лѣвой представляющаяся зеркальное озеро, хребты Воарона и Салева, раздѣленные пирамидообразнымъ Молеми, — различные ярусы Альпійскихъ горъ съ ихъ снѣжною провлею и съ великолѣпнымъ куполомъ Монблана. Догорающіе на нихъ лучи вечерняго солнца принимали попеременно цвѣтъ огненный, розовый, палевый и синій.

Я въѣхалъ въ городъ довольно поздно и остановился въ гостиницѣ Женевскаго сарба, на берегу лѣваго рукава Роны. Въ лѣтнее время бываетъ здѣсь такое множество пріѣзжихъ, чье нумера комнаты доспаются не по выбору, а на удачу, какъ выигрыши въ лотерею. Съ самаго открытія весны Французы, Нѣмцы и преимущественно Англичане

тянувшись на Швейцарскія горы и озера, подобно спалимъ дымѣмъ гусей, и утокъ, привлекающихъ съ юга купаться въ нашихъ сѣверныхъ озерахъ. Число всѣхъ иностранцевъ, путешествующихъ по Швейцаріи въ продолженіе лѣта, простирается отъ 20 до 30,000, и большая часть изъ нихъ волею или неволею должны посѣтить Женеву, черезъ которую пролегаютъ дороги изъ Франціи, Италіи, Савойи и Швейцаріи.

Во время ужина за общимъ столомъ я нашелъ образчики всѣхъ Европейскихъ націй. Вино разнало и слышалось разныя языки, какъ при столпотвореніи Вавилонскомъ. Липптерашоры занимались коммерческими расчетами, негоціанты судили и рдили о липптерашурѣ.

Швейцарскій столъ отличается отъ прочихъ какъ числомъ, такъ и доброю поуханіемъ, могущихъ удовлетворить самому прихотливому вкусу гаспронома. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій съ нѣсколькими подраздѣленіями. Въ первомъ послѣ супа подаются разныя мяса (исключая солонины и баранины), въ разныхъ видахъ дворовая пти-

ца и дичь, овощи и рыба, всего отъ 15 до 20 блюдъ. Изъ рыбъ самая употребительнѣйшая въ Швейцаріи еспѣ форель; въ особенності славится нѣжностію форель, добываемая въ ручьѣ Дивони, недалеко отъ Коппе. Послѣ жаренаго переменяются скаперши и приборы; и столъ нагружается пирогами, конфектами и другими изящными произведеніями Женевскихъ кандитеровъ, пріобрѣвшихъ извѣстность въ цѣлой Европѣ упонченностію своего вкуса. Все это, со включеніемъ бутылки бѣлаго столоваго вина, стоитъ $3\frac{1}{2}$ франка;—цѣна для гаспрономовъ не высокая и даже очень умеренная, въ сравненіи съ шаксою, существующею во Франціи и Германіи, гдѣ за чепыре или пять обыкновенно приготовленныхъ блюдъ платится около $2\frac{1}{2}$ франковъ. Одна изъ главнѣйшихъ принадлежностей Швейцарскаго стола, *conditio sine qua non*, — національный и преимущественно Грюерскій сыръ, который обыкновенно подается вмѣстѣ съ десертомъ. Вино за столомъ употребляется болѣе доморощенное *vin du pays*; лучшими изъ Швейцарскихъ винъ почитаются рифвейнъ

и лакшвейнъ (de La-Côte), добываемыя въ кантонѣ Водшландскомъ. Последнее, если оно старое, похоже на Рейнское. Французскія вина здѣсь не хороши и дороги, въ сравненіи съ пѣми, которыя получаютсѣ у насъ въ Россіи. Владѣльцы виноградниковъ, предпочитающіе оптовой торгъ мелочному, вѣроятно находятъ болѣе для себя выгоды отправлять высокой сортъ въ пѣ мѣста, гдѣ всегда есть имъ вѣрный сбытъ и большое число потребищелей. Знаюки увѣряютъ, что нѣкоторыя вина улучшаются и отъ пуши морскаго.

ЖЕНЕВСКІЕ ЧИЧЕРОНЫ.

Вѣрные спутники одинокихъ путешественниковъ, Чичероны, если не всѣ краснорѣчивы, то, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе всѣ словоохотливы. Извѣстные здѣсь подъ именемъ domestiques de place, они прачислены къ гостиницамъ, но живущъ на кварширахъ; ихъ обязанность — служить по найму иностранцамъ, показывать имъ достопримѣчательности города и исполняя ихъ порученія. Женевскіе Чичероны состоятъ подъ надзоромъ градской полиціи, которою укомплектована имъ плата по 8 флориновъ и 8 Женевскихъ су или по 4 франка въ день. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ понятіе о минералогіи Альпійскихъ и другихъ сосѣдственныхъ горъ; свѣдуци въ исторіи, статистикѣ и археологіи своего кантона. Такимъ по-

казался жинъ чичероне, явившійся ко мнѣ послѣ ужина съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Пробила полночь на башнѣ, стоящей посреди острова, отдѣляемаго отъ гостиницы лѣвымъ рукавомъ Роны. „Эта башня, сказала важно мой Жанъ, есть одинъ изъ достопримѣчательнѣйшихъ памятниковъ Женевы: простой народъ приписываетъ ея основаніе Юлію Кесарю; а ученые утверждаютъ, что она составляла часть вѣмка, существовавшего на островѣ въ XIII столѣтіи.“ Кто же по своему мнѣнію, заслуживаетъ болѣе вѣроуія, народъ или ученые? спросилъ я раскваша.— „Наша братія (nous autres) слушаемъ однихъ, читаемъ другихъ, и предоставляемъ рѣшать господамъ путешественникамъ.“ — По крайней мѣрѣ остались ли въ Женевѣ какіе нибудь слѣды владычества Римлянъ? — „Да, государь мой, хотя и не столько, сколько бы ожидать должно. Отъ языческаго капища, стоявшего на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь храмъ Св. Петра, уцѣлѣла одна только голова Аполлона; она вѣдана въ восточную стѣну храма съ наружной ея стороны.“

„Есть еще достопримѣчательный памятникъ владычества Римлянъ и самой природы — гранитовый утесъ, споящій въ нижней части озера при истоку Роны, извѣстный подъ именемъ *Нитона* отъ Греческаго слова *Νιτω*, ш. е. Непшунъ. При подошвѣ его, на днѣ озера, найдены въ XVII столѣтіи двѣ Римскія сѣкиры и одинъ мѣдный жерпвенный ножъ. Эти орудія, хранящіяся въ публичномъ музеѣ, дали поводъ думать, что на Нитонѣ Римляне закаляли живошныхъ въ честь божества озеръ и морей.“

„Нѣсколько выше, вдоль лѣваго берега озера есть рядъ подводныхъ свай, въ направленіи къ холмамъ Колоньи; полагаютъ, что здѣсь былъ мостъ въ Римскую колонію. Въ нашемъ кантонѣ есть также нѣсколько мѣстечекъ, которыхъ названія, по всему вѣроянію, происходятъ отъ словъ Латинскихъ, искаженныхъ въ продолженіе времени; напр. *Purlinge*, *Bessinge*, *Pressinge* отъ *Publii cinctus*, *Bessi cinctus*, *Petri cinctus et caet.*“

Да откуда же ты почерпнулъ эту Римскую премудрость?

„Изъ коллегіи, государь мой.“

А развѣ ты учился въ коллегіи?

„Пясть лѣтъ и шессть мѣсяцевъ; и два года
исключительно одной Лашини, упоминая
на нее ежедневно по осьми часовъ.“

И такъ ты знакомъ съ Цицерономъ и
Виргиліемъ?

„Сполько же, сколько и всѣ бывшіе мои
товарищи, изъ которыхъ сполку сполному да-
валась грамна, а девянспне девншь оспано-
внлсь на половннѣ поприща.“

Для чего же вы учились?

„Для того что насъ учили; и кто не вы-
пвержнвалъ Лашннскаго урока, того регенптъ
(учнпелъ) бнлъ по ладонн лннейкою безъ
вснкой пощады.“

Я желалъ бы знать, почему ваши реген-
пы почитаютъ Лашинскій языкъ необходи-
мымъ для ремесленниковъ, для купцевъ и
для слугъ.

„На эспотъ вопросъ, государь мой, едвали
и сами они могутъ дать удовлетворитель-
ный отвѣтъ. Когда мы были еще въ школѣ,
то часто повпоряли одннъ параднрованннй
намъ спнхъ Федрн: *Delirant regentes, patiun-
tur Achivi*, (регенпы сумаэбродспвуютъ, а

Ахелне спрадунъ). По крайней мѣрѣ теперь мы не находимъ другой причины ихъ упорства въ старомъ способѣ ученія, кромѣ привязанности къ старымъ предрассудкамъ и слѣпотаго уваженія къ методѣ Кальвина, преобразовавшаго нашу религію и основавшаго коллегію, хотя мы и не чинимъ Латинскихъ молитвъ.“

Эти прописи, но основательный разсужденія оратора господинницы несколько заставили меня вспомнить о слѣдѣ Фернейскаго философа, имѣющаго отношеніе къ настоящему предмету, хотя сказанномъ въ другомъ смыслѣ и съ другою цѣлю: „Qui nous delivrera du joug des Romains?“

ГОФВИЛЬ.

Посѣщѣніе Фелленбергова института, Русскій—профессоръ института. Графъ Вильгельмъ, сотрудникъ Фелленберга. Альбомъ посѣтителей. Хозяйственные заведенія. Пансіонъ для благородныхъ дѣтей. Пансіонъ для вѣдѣныхъ дѣвицъ. Школа промышленности и ремеселъ. Взаимныя отношенія всѣхъ учебныхъ и экономическихъ заведеній въ Гофвилѣ. Отзывъ объ нихъ разныхъ особъ и донесеніе Графа Каподистрія. Высочайшій рескриптъ Императора Александра I Г. Фелленбергу. Отправленіе 13 Русскихъ питомцевъ въ Гофвилѣ. Неудовольствіе отъ чрезмернаго умноженія числа учениковъ и наставниковъ. Главныя черты характера Фелленберга и влияние ихъ на начала, принятые при основаніи института. Нестественность методовъ ученія натуральной исторіи, физики, химии и языковъ. Исключеніе изъ плана преподаванія некоторыхъ наукъ, необходимыхъ при воспитаніи. Исключеніе всѣхъ родовъ поощреній, наградъ и наказаній. Общія мысли о естественномъ ходѣ воспитанія, определяемомъ возрастными души. Методы изящныхъ художествъ въ Гофвилѣ. Превосходная метода музыки; нравственные гимны. Главнѣйшее неудобство для воспитанія въ Фелленберговомъ институтѣ: различіе вѣръ и націй.

Праздникъ Св. Апостоловъ Петра и Павла вспрѣченъ нами въ Русской церкви,

состоящей при нашем посольствѣ въ Бернѣ. Отъ Женевы доерна не болѣе 30 Швейцарскихъ миль, что составляетъ около 100 Русскихъ верстъ; но мы ѣхали ровно три дня. Вообще Швейцарская ѣзда столько же медленна, какъ и Нѣмецкая; съ тою только разностию, что скука, ощущаемая отъ медленности въ Германіи усугубляется самымъ однообразіемъ предметовъ, которые часто, въ продолженіе цѣлаго дня, представляютъ одинъ только неподвижный ландшафтъ,—между тѣмъ какъ въ Швейцаріи виды непрерывно сменяются одинъ другими; взоръ переходитъ отъ снѣжныхъ Альповъ къ зеленымъ холмамъ и рощамъ, отъ голыхъ утесовъ къ кристальнымъ озерамъ, отъ развалинъ замковъ къ устройству сельскихъ домовъ. Нѣмецкіе ямщики молчаливы и грубы; Швейцарскіе вѣжливы, услужливы и гостовы безъ умолка рассказываютъ вамъ исторію всего мѣстнаго горизонта и объясняютъ всѣ встрѣчающіеся въ немъ достопримѣчательности и рѣдкости.

Мы остановились въ Мюнхенѣ-Бухсеѣ, деревнѣ въ 2 миляхъ за Берномъ и въ одной

верстѣ опѣ Гофвиля, сдѣлавшагося съ нѣкотораго времени извѣстнымъ всей Европѣ агрономическимъ инспиритомъ и благороднымъ пансіономъ г. Фелленберга. Главною цѣлю моея поѣздки было желаніе видѣть устройство и порядокъ эпихъ заведеній; но зная, что доступъ къ Фелленбергу довольно пруденъ для иностранцевъ, я заблаговременно запасся рекомендацельнымъ къ нему письмомъ.

Первое лице, встрѣпившее меня въ Гофвилѣ, былъ одинъ изъ профессоровъ пансіона. Узнавши опѣ меня, что я Русской, онѣ, къ удивленію моему, выдалъ и себя за Русскаго. Смотря на бѣлокурые длинные его волосы, на тонкій спанъ и на такуюже носъ, я спросилъ его съ нѣкоторою недоувѣрчивостію: и такъ вы говорише по-Русски?—

Нилушка, опвѣчалъ мнѣ нашъ соопеченникъ. Только послѣ этого опвѣща я вспомнилъ, что наше сирополубивое опеченство, кромѣ сыновъ своихъ, имѣетъ еще пасынковъ и пріемышей. Профессоръ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, не что иное былъ, какъ студентъ Дерптскаго уни-

вершинѣхъ, пришедшій поблеснѣлъ своимъ сѣвернымъ сіяніемъ на здѣшнемъ горизонтѣ.

Обратимся къ Гофвиллю. Этимъ именемъ называется помѣстье г. Фелленберга, состоящее изъ огромнаго каменнаго дома и нѣсколькихъ флигелей съ разными учебными и экономическими приспособками. Посреди ихъ находилась широкій дворъ или площадь, покрытая травой; на ней въ разныхъ мѣстахъ, подъ тѣнью деревьевъ, разсѣяны скамьи. Мой землякъ предувѣдомилъ меня, что Фелленбергъ былъ въ опсущствіи и что мнѣ надлежало обратиться съ письмомъ къ его сопридѣлку графу Вильгельму. Войдя во дворъ, я не встрѣтилъ ни одной души, кромѣ одного слуги, сидѣвшаго въ размышленіи подъ деревомъ. Это былъ самъ Вильгельмъ. Онъ принялъ меня ласково, но съ какою-то принужденностію и замѣшательствомъ. По прочтеніи письма, адресованнаго на имя г. Фелленберга, графъ началъ спрашивать меня о мѣстѣ моего рожденія, о моемъ званіи, о времени, когда я оставилъ Россію, о цѣли моего

пушеспивія и наконецъ довольно подробно о причинахъ, побудившихъ меня посѣпить Гофвиля и о цѣли посѣщенія. По систематическому порядку, въ какомъ предлагаемы были эти вопросы, можно было бы подумать, что они заблаговременно и нарочно заготовлены для развѣдыванія иностранцевъ.

Послѣ этого испытанія, продолжавшагося около получаса, графъ Вильгельмъ повелъ меня въ коншору, предложилъ альбомъ посѣпителей, для вписанія въ немъ моего имени, и, придвигая табуретку, наказалъ мнѣ шушплымъ, но вѣспѣ и какъ бы загадочнымъ пономъ: сидѣть, не прогаясь съ мѣста, до того времени, пока явится ко мнѣ жожапый или указашель Гофвиля. Прошло около 10 минуць, а жожапаго не было; я спалъ перебирашь опѣ скѣки альбомъ посѣпителей, нашель нѣсколько Русскихъ именъ и между прочимъ нашего знаменипаго поэта Жуковскаго; вспомнилъ о его узникѣ, а дверь моей пемницы еще не опворялась. Вокругъ меня царспвовало глубокое молчаніе; я погрузился въ дремошу и не прежде, какъ черезъ полчаса,

★

былъ пробужденъ и оживленъ появленіемъ вѣспника моеѣ свободы.

Вѣспникъ эпопгъ (не знаю эконоомъ или профессоръ) изъ коншпоры прямо повелъ меня въ молочный погребъ, гдѣ довольно долго и подробно объяснялъ мнѣ усшройспво машины, посредспвомъ которой сберегается свѣжестъ молока въ жаркое время въ продолженіе цѣлыхъ сушокъ. Не будучи знапшкомъ механики, я слушалъ его объясненіе безъ надлежащаго вниманія; пѣмъ болѣе, что намъ Русскимъ сама природа ошкрыла простой и вѣрнѣйшій способъ сберегашъ какъ молоко, такъ и прочіе съѣспные припасы, не шолько въ продолженіе однихъ сушокъ, но по нѣскольку дней и даже по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ. Способъ эпопгъ—наши ледники.

Попомъ вожапшій кой показалъ мнѣ до 40 шпукъ Швейцарскихъ коровъ, содержи-мыхъ въ опрапныхъ спойлахъ для домашней эконоіи, и большой сарай съ разными гимнаспическими снарядами. Ошсюда перешли мы въ главный корпусъ, въ котороиъ помѣщается пансіонъ для благородныхъ дѣшей.

Въ столовой пансіона, занимающей часпъ бельэтажа, показывается, какъ достопримѣчательность, одна машина, имѣющая видъ круглаго стола, кошорая, опускаясь и поднимаясь чрезъ опверспіе, сдѣланное въ полу, сдаетъ порожнія блюда прямо въ кухню и изъ кухни снова подаетъ ихъ съ кушаньемъ. Эша просная выдумка заслуживаетъ одобреніе и попому, что ею выигрывается время въ доспавленіи свѣжаго и горячаго кушанья безъ спуюкони и бѣгопни служипелей.

Классы размѣщены во вшоромъ этажѣ; я ничего въ нихъ не нашель, кромѣ столовъ, скамей и аспидныхъ досокъ; воспитанники въ шу пору всѣ безъ исключенія были въ полѣ, вѣрояпно для агрономическихъ наблюдений. Миѣ желательпо было слышанъ самое преподаваніе уроковъ, чпобы получить ближайшее понятіе о способѣ примѣненія къ возраспамъ дѣшей упошребляемыхъ въ Гофвилѣ методовъ; но мой вожапый предупредиль меня, что въ заведеніяхъ г. Фелленберга приняпо за правило не развлекать вниманія учащихся и учащихъ, въ продолженіе классовъ, присущимъ имъ иностранцевъ и посѣ-

шителей. Правило очень полезное; но истинная цѣль его, мнѣ кажется, заключается въ отклоненіи всѣхъ случаевъ, могущихъ дать поводъ къ непріятнымъ полкамъ о достоинствахъ преподавателей, о важности употребляемыхъ ими способовъ и о степени успѣховъ и прилежанія учащихся.

Спальня воспитанниковъ занимаетъ почти весь верхній этажъ и состоитъ изъ одной длинной залы, вмѣщающей въ себѣ около 80 кроватей. Въ самомъ углубленіи ея отгорожена небольшая комната для инспектора. Эту должность исправляетъ одинъ изъ сыновей Фелленберга, безъ всякой очереди и посторонняго пособія. Трудно понять, какимъ образомъ дѣйствія и поведеніе 80 дѣтей могутъ быть обезпечены надзоромъ одного только молодого человѣка, одареннаго, при всей его благонамѣренности и неусыпной дѣятельности, обыкновенными силами физическими и нравственными. Это распоряженіе, вѣроятно, основано на какомъ либо началѣ г. Фелленберга: о направленіи господствующаго духа и правилъ воспитанниковъ, или просто на неограниченной къ нимъ

довѣренности , опличающей вообще его системы воспитанія.

Кромѣ пансіона для благородныхъ дѣшей, есть въ Гофвилѣ другой женскій, въ которомъ бѣдныя дѣвицы подѣ надзоромъ г-жи Фелленбергъ, учатся разнымъ рукодѣліямъ. Помѣщеніе послѣдняго, кажется, слишкомъ сближено съ первымъ; потому что домикъ, въ которомъ воспитывающіяся дѣвицы, находились на одномъ дворѣ съ благороднымъ пансіономъ, отдѣленъ отъ него однимъ досчатымъ заборомъ и стоилъ прямо противу оконъ спальни воспитанниковъ. Хотя начала, принятыя г. Фелленбергомъ въ основаніе воспитанія, выходятъ во многихъ отношеніяхъ изъ круга обыкновенныхъ системъ; однако, соображаясь съ духомъ эпитъ самыхъ системъ, утвержденныхъ вѣковыми опытами и основанныхъ на знаніи человеческого сердца, не слѣдовало бы, кажется, пренебрегать никакою мѣрою предосторожности, клонящеюся ко благу дѣшей, и въ особенностяхъ испытанною мѣрою удаленія отъ нихъ всего того, что можетъ питать ихъ мечты и воспламенять юное воображеніе.

Одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ заведеній въ Гофвилѣ, которыми г. Фелленбергъ приобрѣлъ извѣстность въ Европѣ и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ друзей челоуѣчества, есть *школа промышленности и земледѣлія*, основанная имъ для образованія хлѣбопашцевъ и сельскихъ экономовъ. Въ составъ сего полезнаго и обширнаго заведенія входятъ: 1) *ферма образцовая* или сельское хозяйство, назначенное въ образецъ другимъ; 2) *ферма опытная* или земли для произведенія опытовъ; 3) *фабрика* для дѣланія земледѣльческихъ орудій; 4) *мастерская* для усовершенствованія полезнѣйшихъ для земледѣлія машинъ и орудій; 5) *рукоделное заведеніе* для бѣдныхъ и 6) *земледѣльскій институтъ* или школа теоретическаго и опытнаго земледѣлія.

При школѣ земледѣлія прежде сего находилось и нормальное или образцовое училище, для распространенія въ Швейцаріи теоретическихъ и опытныхъ свѣдѣній о земледѣліи, посредствомъ школьныхъ учителей, которые въ лѣпшее время собирались въ Гофвилъ изъ разныхъ кантоновъ. Съ нѣко-

шораго времени эпо училище оспаешся безъ всякаго дѣйствія.

Главная цѣль исчисленныхъ мною учебныхъ заведеній есть образованіе хорошихъ земледѣльцевъ изъ бѣднаго класса поселанъ и воспитаніе покровишелей земледѣлія изъ среды помѣщиковъ. Средствомъ избраны для первыхъ ручныя работы, для послѣднихъ сжсшемапическое ученіе.

Всѣ эпи заведенія имѣютъ шѣсныя отношенія одно къ другому. Ферма опышная, облегчая шруды другой, для образца усшроенной, въ поже время способшвуешъ усшѣхамъ науки сельскаго хозяйшсва. Фабрика земледѣльческихъ орудій доставляетъ обѣимъ фермамъ разныя механическія средства и, въ случаѣ нужды, заимшсвуешъ изъ мастерской искусныхъ работниковъ. Въ мастерской каждый изъ питомцевъ школы промышленности, сверхъ земледѣлія, учишся еще какому нибудь ремеслу подъ надзоромъ мастера. Всѣхъ мастеровъ содержишся въ Гофвилѣ до 10; какъ шо механикъ, плотникъ, карешникъ, шполяръ, шокаръ, кузнецъ, слѣсаръ, плавильной мастеръ, башмачникъ и

поршней. Искусство мастеровъ и труды бѣдныхъ питомцевъ доставляютъ благородному пансіону всѣ экономическія потребности; съ другой же стороны деньги, получаемыя за воспитаніе благородныхъ дѣтей, обращаются для устройства и содержанія школы земледѣлія со всѣми ея опраслями.

Устройство Гофвилльскихъ заведеній и обширность видовъ Фелленберга подробно описаны и раскрыты въ разныхъ статьяхъ одного изъ редакторовъ Библіотеки Британской г. К. Пикте (Pictet), въ донесеніяхъ гг. Круда, Шаванна и Ренгера своему правительству и въ донесеніи Спашсъ Секретаря Графа Каподистрія Государю Императору Александру Павловичу. Земледѣльская опрасль заведеній Фелленберга, по словамъ К. Пикте, основана на слѣдующей главной мысли: употребить земледѣліе, необходимое для пропитанія дѣтей поселеннаго, къ самому ихъ воспитанію. Сія прекрасная и счастливая мысль, присовокупляетъ онъ, послужить къ разрѣшенію задачи: *о развитіи способностей нравственныхъ и понятій са-*

лимыъ полезнымыъ образыъ, не похищяя ни одного дня у рутной работы.

Его Императорское Величество, въ слѣдствіе донесенія Графа Каподистрія, препровождая Фелленбергу знаки ордена Св. Владиміра чешвертой степени, при особомъ Высочайшемъ рескриптѣ, изволилъ изъявить въ ономъ Свое вниманіе въ слѣдующихъ лесныхъ выраженіяхъ: „я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ваша система хлѣбопашества и воспитанія соединяетъ въ себѣ двойную пользу, приводя въ тоже время къ совершенству земледѣліе и земледѣльца.“

Донесеніе Графа Каподистрія писано въ 1812 году, а Высочайшій рескриптъ на имя Фелленберга данъ въ 1814 въ Вѣнѣ. Въ слѣдъ за симъ, по Высочайшему повелѣнію, отправлено было 13 Русскихъ пиомцевъ въ Гофвилъ, для слушанія курса теоретическихъ наукъ о землепашествѣ и для практическихъ занятій въ образцовой фермѣ. Такое высокое вниманіе Русскаго Монарха къ г. Фелленбергу дало новую важность и новый обширѣйшій ходъ его заведеніямъ. Число учениковъ и наставниковъ быстро и безъ

прерывно умножалось; такъ что въѣсно 33 воспитанниковъ и 6 профессоровъ, показанныхъ въ отчетѣ Графа Каподистрія, въ 1818 году всѣхъ учащихся было 30 въ школахъ земледѣлія и около 80 въ благородномъ пансіонѣ, и въ обоихъ сихъ заведеніяхъ 40 профессоровъ для наукъ и искусствъ и 10 учителей по ремесленной и механической части.

Но это быстрое приращеніе, умножая экономическія средства Гофвилльскихъ заведеній, въ тоже время непримѣннымъ образомъ влекло за собою непріятныя для нихъ слѣдствія, какъ въ учебномъ, такъ и особенно въ нравственномъ отношеніяхъ. Да и не естественнo, чтобы изъ шолкаго числа пиомцевъ и профессоровъ первые всѣ были съ одинакими дарованіями и расположеніемъ къ добру, а послѣдніе съ одинакимъ направленіемъ мыслей и усердіемъ къ общему благу. Самая сила вниманія основателя заведеній, съ распространеніемъ круга его дѣятельности, неминуемо должна была какъ бы раздѣлилась и ослабѣть опѣ сего раздѣленія. Такъ часто самыя полезнѣйшія и благороднѣйшія предпріятія чловѣка измѣняются;

унадають и даже рушатся опъ малѣйшей его неоспорожности, или и опъ обыкновенныхъ, но непредвидѣнныхъ обспоятельствъ, независящихъ опъ его власни и произвола.

Причина обманурыхъ или по крайней мѣрѣ доселѣ не оправданныхъ надеждъ ученаго міра и всѣхъ друзей челоѣчества, опносишельно образцовыхъ учреждений Гофвилльскихъ, частію скрывается въ характерѣ ихъ основателя, въ его предразсудкахъ, въ степени его образованности и въ непрочности самыхъ началъ, на копорыхъ они основаны. Г. Фелленбергъ, сколько намъ извѣстно, въ пылкія лѣта своей юности былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ и пламеннѣйшихъ защитниковъ свободы и равенства. Сопровождавшіе Французскую революцію, ужасы и въ особенностяхъ нарушеніе народныхъ правъ, въпорженіемъ революціонной Французской арміи въ его опчизну Швейцарію, поколебали основаніе его чувствъ и главнаго революціоннаго догмата свободы. При этой пылкой характера и души достапочно было одного самаго обыкновеннаго случая, чтобы побудить его опказаться навсегда опъ того

ложнаго и вреднаго ученія, котораго онъ самъ былъ долгое время послѣдователемъ и проповѣдникомъ. Случай сей естъ слѣдующій. Въ эпоху вторженія Французовъ въ Швейцарію г. Фелленбергъ находился при Швейцарскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Однажды онъ имѣлъ съ директоромъ Ревбелемъ въ загородномъ его домѣ официальное сношеніе, касавшееся прекращенія свирѣпствовавшей въ то время между двумя республиками войны. Онъ жаловался на несправедливость Французовъ, вовлекшихъ эпою войною его опечесство въ несчастное положеніе; но въ тоже время съ опроверженіемъ, рѣдкою въ устахъ дипломата, представилъ и всѣ роды опасностей, угрожавшихъ нимъ завоевателями. Ревбель слушалъ со вниманіемъ и, повидимому, начиналъ убѣждавшись справедливыми представленіями Фелленберга. Къ несчастію, въ это время проходилъ черезъ комнату слуга; директоръ, прерывая вдругъ нить собственннхъ размышленій и краснорѣчивыхъ доводовъ вииніи, приказалъ принести себѣ любимую свою собачку съ ея щенками, и съ намѣреніемъ или

безъ намѣренія занялся ими исключительно, какъ бы предпочитая устройство небольшого семейства четвероногихъ животнохъ благоденствію народовъ. Г. Фелленбергъ, не видя возможности обратитъ снова вниманіе Ревбея къ своимъ еще не оконченнымъ дипломатическимъ предсавленіямъ, удалился изъ дома его съ душою исполненною негодованія. Эпопъ случай заставилъ его опказаться опть мѣсна, поселивъ въ немъ сильное опвращеніе къ самой дипломатіи, коптой онъ намѣренъ былъ посвятивъ свое служеніе. Съ того времени онъ возмимѣлъ самое низкое понятіе о челоѣкѣ и почувсвовалъ ненависть ко всему роду челоѣческому; но, будучи супругомъ и опцемъ семейства, онъ убѣдился этими чувсвами въ необходимости сношеній вообще съ людьми и рѣшился, не разрывая съ ними связи, спарашся исправить ихъ нравсвенное сущесвоаніе и, такъ сказать, улучшить ихъ посредствомъ воспитанія. Такъ рассказываетъ г. Симонъ въ своемъ путешествіи по Швейцаріи, присовокупляя, что онъ слышалъ эпо изъ устъ самага Фелленберга. Если рассказъ

сей справедливъ, но изъ него нельзя вывести много заключенія объ основателѣ Гофвилльскихъ заведеній, какъ только, что онъ человекъ пылкій, мечшательный, предприимчивый.

Эти рѣзкія черты его характера отражаются въ теоріи употребляемыхъ въ Гофвилль работъ, игръ, ученія, наградъ и наказаній. Главная цѣль г. Фелленберга, какъ замѣчено нами, состояла въ томъ, чѣмъ приготовить и привести въ дѣйствіе преобразование правилъ и нравовъ рода человеческого; для достиженія этой цѣли онъ рѣшился исправить или измѣнить всѣ роды системъ, употреблявшихся при воспитаніи. Въ основаніе сего плана, Фелленбергъ принялъ одно общее правило: раннее развитіе въ дѣтяхъ способности изыскивать, открывать и судить; онъ хотѣлъ, не обременяя памяти пищикомъ, научить ихъ самихъ собирать и устроивать мысли; хотѣлъ возжесть *въ умѣ ихъ свѣтильникъ, который бы со временемъ озарялъ все, къ чему они приближаются* (*);

(*) Слова изъ дописанія Графа Каподистрія.

но, къ сожалѣнію, онъ потерялъ изъ виду, что сей свѣспильникъ не прежде начнетъ изливашъ изъ себя яркое сіяніе, какъ тогда уже ниянпъ обогашена запасомъ познаній, душа согрѣта ощущеніемъ доблести и въ воображеніи пламенѣетъ чувство ниянцаго.

По плану г. Фелленберга, дѣпямъ не преподають напуральной испоріи въ системапическомъ видѣ; они сами должны изыскивать и узнавать свойства минераловъ; сами должны разбиратъ распенія по корнямъ, спеблямъ, лиспьямъ, цвѣшамъ и плодамъ. Въ физикѣ и химіи, подѣ предлогомъ изошрения наблюдательнаго духа дѣшей, заставляють также ихъ самихъ сравнивать и различать явленія природы. Хотя эша метода предохраняетъ ихъ отъ привычки смотрѣть на все съ одной спороны, по образцу одного какого либо авшора; но въ тоже время, не назначая для нихъ швердой почки для общаго взгляда, обрацаетъ всѣ дѣлаемыя ими наблюдения въ хаосъ, не имѣющій ни основанія, ни единства въ планѣ.

ицльскихъ заведеній, а послѣдняя вѣроятно по особой только склонности къ ней г. Фелленберга. При этомъ опять невольно приходится на мысль басня о *пѣтухѣ* и *алмазѣ*. Нашъ математикъ вѣроятно думаетъ, что въ мирѣ есть одни только пространства и количества, что въ числахъ и нулей нѣтъ истинны и что человекъ сотворенъ только длиннымъ и широкимъ, а не разумнымъ и нравственнымъ.

Вопръ причины, почему изъ Гофвилльскихъ заведеній не вышло доселѣ ниодного извѣстнаго филолога, ниодного опшичнаго финанса, и даже ниодного хорошаго математика. Г. Фелленбергъ, какъ увѣряють, на дѣлаемыя ему замѣчанія о малыхъ успѣхахъ въ наукахъ питомцевъ его высшей школы, обыкновенно отвѣчаетъ: „Чего опъ меня вы хопите? Если мнѣ дають цыплятъ и воронятъ, то могу ли я сдѣлать изъ нихъ орловъ?“ Мы не смѣемъ предполагать, чптобы всѣ дѣла, поручаемые ему для воспитанія, были съ тупыми способностями; впрочемъ и въ этомъ случаѣ опцы и матери имѣли бы право требовать исполненія обѣщаній, объявленныхъ

нимъ порожественно въ яламъ утрежденій, гдѣ именно сказано, что онъ имѣеть главною цѣлію усовершенствованіе природы человека и для того уснроняетъ въ Гофмилѣ *идеальное общество* какъ въ земледѣльческомъ, такъ и въ нравственномъ и ученомъ отношеніяхъ, съ тѣмъ чтобы перенести его въ міръ существенный!...

Чтобы предостеречь дѣтей отъ тщеславія, гордости и зависти, г. Фелленбергъ исключилъ изъ своего плана всѣ роды поощреній, наградъ и наказаній; но, испоргая такимъ образомъ плевелы, онъ подрываетъ непримѣнно и самую сѣмена добра; потому что большая часть питомцевъ его, какъ удоспобвряюшъ, съ раннихъ лѣтъ дѣлаюшся ко всему равнодушными и холодными.

Вообще всѣ ошибки г. Фелленберга происходятъ повидимому отъ того, что онъ при всемъ приснраспій своемъ къ снстемамъ, не довольно выикаетъ въ науку снстемъ: психологію. Не занимаясь сею послѣднею, онъ не подозрѣваетъ и не можетъ подозрѣвать, что возрастъ души имѣетъ свои періоды и что развитіе чувствительности и вообра-

женія непременно должно предшествовать образованію ума и разсудка. Служить другими словами: сперва надлежитъ дать направленіе внутреннимъ чувствамъ къ вѣрѣ, къ добродѣтели и чести, возбуждая и питая въ юное время любовь къ отечеству, преданности къ родителямъ и правительству, уваженіе къ старшимъ и т. п. Искреннее памятіе также принадлежитъ преимущественно этому періоду. Потомъ надлежитъ воспитывать вкусъ, вріучая воображеніе къ созерцанію однихъ только изящныхъ картинъ. Образованіе ума есть уже вѣдѣе воспитанія; такъ какъ идея моншны есть слѣдствіе идей добра и красоты. Только отсутствію психологій можно приписать и смѣшеніе соревнованія съ завистию, самоананія съ тщеславіемъ, благороднаго чувства съ низкимъ тщасіемъ.

Методы изящныхъ художествъ, употребляемыя въ Гофвилѣ, также отличающіяся оригинальностью; что особенно можно примѣнить въ урокахъ рисовальныхъ. Сначала заставляюща, здѣсь дѣтей рисовать только предметы, которые у нихъ передъ гла-

зани, какъ шо: сшульн, спомы, вдуирен: нощь компанш, дома, деревня; напомя: да юнш имъ копированш оспамцы и характеры: чедсн головы. Эна менюда естш Пасмалю: циева; она полезна для учениковъ земледѣ: лческой школы, но для дѣтей благороднаго пансіона не удовлетворительна; пошому чшо сухосмь и неподвижностш мертвой приро: ды, служащей первоначально исключитель: нымъ образцомъ для ихъ работы, отражаетс: я и въ производимыхъ ими характерныхъ картинкахъ.

Въ выборѣ методы музыкальнаго воспита: ва г. Фелленберга, можешъ быти, счасл: ливѣ, нежели во всѣхъ прочихъ. Музыка всегда починялась однимъ изъ драгоценныхъ пособій для снзгченія нравовъ и для обузда: нія пылаго характера дѣтей. У Греловъ употреблялась для сего музыка Дорическая, оплнчавшаяся простотою и важностію. Подобная ей введена и въ Гофвилѣ. Здѣсь всѣ питомцы учатся теоріи музыки и пѣ: нія; но ихъ не занимають преодолѣніемъ тру: дностей, служащихъ къ развитію однихъ тѣлесныхъ способностей и не приносящихъ

никакой пользы въ отношеніи нравствен-
ности. Особенное вниманіе заслуживаютъ
ихъ спойные и величественные хоры.
Увѣряютъ, что нельзя слушать безъ умиле-
нія и даже удержаться отъ слезъ, когда
они поютъ съ сердечнымъ чувствомъ гимны
Лафатера или Миллгейма. Они поютъ такъ
же во время своихъ прогулокъ гимны изъ
Одиссеи. Вошь что говоритъ объ этомъ пѣ-
ніи одинъ изъ ревностѣйшихъ сотрудниковъ
Фелленберга г. Верли, — завѣдывающій шко-
лою земледѣлія: „Если въ учебныхъ заведені-
яхъ послѣдуютъ нашимъ правиламъ; то
„скоро неблагоприспособныя и площадныя
„пѣсни, столь обыкновенныя въ прошломъ
„народѣ, будутъ рѣже слышны. Съ ними
„много ала испребится, а избранныя хоро-
„шія пѣсни много добра сдѣлаютъ!... Многіе
„случаи съ моими питомцами могутъ пока-
„зать, какія чувства рождаются отъ нашего
„пѣнія въ юныхъ сердцахъ ихъ.“

На степь нравственности Гофвилльскихъ
питомцевъ разсѣваются въ Бернѣ непріят-
ные слухи; но произнесши объ этомъ рѣши-
тельный приговоръ, основываясь на однихъ

былыхъ слухахъ, было бы несправедливо и неосновательно; нѣмъ болѣе, что зависть и клевета находятъ пищу для своего злословія даже въ самыхъ обыкновенныхъ и частныхъ случаяхъ, выводя изъ нихъ общее заключеніе. Я сшавлю здѣсь на видъ только одно весьма важное обстоятельство. Въ Гофвилѣ воспитывающіяся дѣши, принадлежащія разнымъ вѣроисповѣданіямъ и родившіяся въ странахъ, имѣющихъ различный образъ правленія. Предположеніе о сохраненіи въ подобномъ заведеніи терпимости или индефференцизма религіознаго и политическаго, въ строгомъ смыслѣ этихъ словъ, было бы дѣломъ несбыточнымъ; и, при всѣхъ усиліяхъ космополитовъ, всегда бы встрѣшило сильнѣйшія препятствія, какъ со стороны воспитателей, такъ и питомцевъ. Перевѣсь въ подобныхъ случаяхъ принадлежнть партіи многочислѣннѣйшей и господствующей, болѣе или менѣе увлекающей своимъ примѣромъ и вліяніемъ всѣ прочія. Эта партія въ Гофвилѣ, по предмету религіи, есть протестантская; а въ смыслѣ политическомъ одна изъ двухъ: или аристократическая или демократическая.

Желательно, чтобы эти опасенія возбуди-
ли вниманіе всѣхъ родителей, покумивши
объ усиліи будущаго счастья дѣтей
своихъ.

ДОРОГА ИЗЪ ЖЕНЕВЫ ВЪ ЛІОНЪ,

1823 года, *Сентября*

Густой угрюмый шуманъ еще лежалъ на
холмахъ, когда мы выѣхали изъ Женевы въ
длинжансъ. Спутники мои, два Мюнхенскіе
пупца, говорили мало и отрывисто; потому
что курили шабакъ. Искатель приключеній,
молодой Грекъ молчалъ и вздыхалъ; Ліонская
красавица качалась и сладко дремала подъ
зеленымъ прозрачнымъ покрываломъ; я дер-
жалъ въ рукахъ письма знаменитого нашего

пушечнеспивенника, переворачивала листы и смотрѣла на окрестности.

Крѣпость *Фортъ-дель-Эклюзъ* есть первой предметъ, останавливающий вниманіе пушечнеспивенника. Она можетъ выспинить только малой гарнизонъ и не имѣетъ нужды въ многочисленности. Защищенная природою, она не боится никакихъ непріятелей, кромѣ самой природы. Съ правой стороны возвышается надъ нею каменною утѣсь; съ лѣвой зѣветъ пропасть, подмываемая Реною. Швейцарцы для нея не спрашны; Саваой отдѣленна рѣкою быспрою, глубокою и крупнобережною. Не смотря на свое неприспущное положеніе, эта крѣпость въ 1814 году имѣла общую участь со всѣми ей подобными; она пала передъ побѣдоносными знаменами союзныхъ войскъ. Теперь надъ зубчатыми стѣнами и башнями воспроены новыя зубчатыя стѣны, кошорыя высптѣ съ нагою природою предспавляютъ видъ дикой, достойный ексли живописца.

Въ неграничномъ городѣ Сен-Жени военная Французская команда осматриваетъ паспорты проѣзжающихъ; въ деревнѣ Бельгардѣ,

отстоящей отъ Форпъ-дель-Эллада верстѣ на 7, таможенные мытари дѣлають повальной обыскъ въ всѣхъ париканамъ и чемоданамъ. Не смотря на строгія мѣры, принимаемыя правительствомъ, ежедневно ввозится во Францію значительное количество Женевскихъ часовъ и разныхъ золотыхъ модѣлій. Въ конторѣ, гдѣ обыкновенно выдають каждому путешественнику за два франка Французскій паспортъ, съ описаніемъ всѣхъ наружныхъ его примѣтъ, — происходилъ забавный споръ, похожій на проу философскую о козьей шерсти: *de lana carina*. Таможенный присявъ утверждалъ, что волосы у одного изъ Нѣмцевъ рыжіе; между тѣмъ какъ сей послѣдній называлъ ихъ русыми. Оба они избрали въ судьи и посредники Грека, подлѣ нихъ стоявшаго. Сынъ Эллады, котораго предокъ, можетъ быть, рядилъ дѣла въ Ареопагъ, посмотрѣвъ пристально на Германца, сказалъ пропашнымъ, жалобнымъ тономъ: „Государь мой! вы имѣете волосы не совсѣмъ русые и не совсѣмъ рыжіе.“ Хотя это рѣшеніе заставило всѣхъ смѣяться, однако оно примирило спорныя стороны и признано

было удовлетворительнымъ. Отсюда я пошелъ осмотрѣть провалъ Роны: *La perte du Rhone*, — то мѣсто, гдѣ зная рѣка, оставивъ спярое дно, сгроможденное мѣзъ камней, падаетъ съ шумомъ въ подземельный омутъ, перелетая отъ вѣтра и слуха и наконецъ вырывается съ новою яростію. Въ двухъ верспахъ отъ Женевы, по соединеніи своемъ съ Арвою, Рона имѣетъ ширины 213 фут. м. е. 30 саж. и 3 футовъ, а подлѣ провала отъ 30 до 15 фут. м. е. около 4 и 2 сажень, не болѣе. Подземнымъ путемъ она протекаетъ на 60 футовъ или около 9 сажень.

Дорога изъ Бельгарда идетъ по плоскимъ возвышенностямъ, спускается въ междугорье, и мимо озера, отражающаго утесы и горный хребетъ, приводитъ въ городокъ *Нантуа*, спящий на ровной зеленой долинь, омываемой также озеромъ.

Изъ Нантуи выѣхали мы въ пять часовъ вечера, когда солнце бросало свои послѣдніе лучи черезъ развалины одного спариннаго замка. Тамъ, гдѣ оканчивается опрасль Юры и начинаются зеленныя долины и поля, я наслаждался зрѣлищемъ дикой природы.

Между тѣмъ какъ шажелый рыдланъ нашъ ннхъ шащлся на гору, н ушелъ далеко впередъ н спускался съ горы. Сквозъ сумранъ вечерннй ннчего не было видно, кромъ утесовъ, поднннающнхся надъ дорогою н безднъ лнлюющнхъ подъ мено. Съ удокольствнемъ оспавалнвался н передъ первымъ, съ препеномъ прнблнжался къ послднмъ; пшннна, которая вокрутъ царшвовала, прерываема была однкмъ опдаленнымъ гуломъ горнаго попока, гремнщаго по дну пропащей.

Тнхо н величественно поднлся нснцъ надъ горю н освѣпллъ поля, по которымъ мы шагнлись. Грекъ н Нѣмцы наши дремали, между тѣмъ какъ Лнонская дама продолжала со мною занимательный н, можно сказать, ученый разговоръ о дамахъ Москоскнхъ. Она расправнвала меня о нхъ воспитаннн, образованности, вкусъ н занятняхъ.

Спраннымъ показалось мнѣ слышанъ опъ дамы сужденн о Лапннскомъ языкъ н объ общемъ вкусъ; сужденн, показывающн ея умъ н, шакъ сказать, классическую образованность. Она, какъ прннѣшно, чншла исторю Вольтера о Петрѣ Великомъ, хорошо

знаешъ исторію своего опечесства и здраво судила о сущесствующихъ во Франціи партіяхъ.—А Ліонянки, спросилъ я въ шутку, къ какой принадлежатъ партіи: къ Роялистамъ или Бонапартистамъ? — Помолчавъ немного, она сказала съ улыбкою: „Elles sont Royalistes d'Alexandre.“ Я вынулъ памятную книжку и записалъ карандашемъ эпотъ умный опвѣсть. „Я имѣла честь видѣть Его Величество, продолжала дама, во время Его посѣщенія Сен-Денисскаго женскаго пансіона, въ которомъ иногда я воспитывалась; Его Царская осанка, опеческое вниманіе и благосклонность оставили во всѣхъ насъ глубокое впечатлѣніе.“—О какъ пріятно Русскому слышанію имя своего Олца, благословляемое на языкахъ чуждыхъ, въ спранахъ опдаленныхъ, — благословляемое пѣмъ, который не имѣютъ нужды въ лесни!

оп ади

оп ади

ЛЮНЬ, 1825 года, Сентябрь...

РИМСКІЕ ПАМЯТНИКИ: АМФИТЕАТРЪ; ВОДОПРОВОДЪ; ВАНН; ДОМЪ
АНТИКАЙЛЪ; НАВМАХІА; ЖЕРТВЕННИКЪ АВГУСТА И РИМА; МОЗАИЧЕ-
СКАЯ УЛИЦА.

Второй городъ Франціи, Ліонъ, гордящійся своимъ водчествомъ, промышленостію и торговолею, сполнъ на развалинахъ перваго города Галліи, провинціи Римской. Пойдемъ искать слѣдовъ могущественна и великолѣпна владыки древняго міра.

На одномъ изъ холмовъ, составляющихъ долину по правому берегу Саоны, въ оградѣ Францисканскаго монастыря находятся остатки амфитеатра, построеннаго Императоромъ Клавдіемъ и разрушеннаго, какъ полагають, въ осьмомъ вѣкѣ, Сарацинами или Испанскими Маврами. Этого амфитеатра достопримѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ многіе изъ

первыхъ Христіанъ Ліонскихъ приняли мученическій вѣнецъ. Самый скапъ горы, именуемый Гургильономъ, получилъ свое названіе, по мнѣнію нѣкопрыхъ писателей, отъ Лапшинскихъ словъ, означающихъ кровавую пучину (*gurgis sanguineus*); ш. е. кровь мучениковъ, текшую здѣсь ручьями.

На правомъ же берегу Саоны, за горою Сен-Жю, спойшь вепхая и полуразвалившаяся спѣна, раздѣленная нѣсколькими аркадами. Нижняя часпъ ея, лежащая надъ оврагомъ, составлена изъ семи грядъ, перегороженныхъ длинными и широкими плитами; наружностъ выдавшихся кирпичей имѣетъ видъ шахматъ или сѣпи, называемой у Вишривіа *reficulatum*. Это оспашокъ шого водопровода, кошорый начинался въ Сен-Шамонѣ, за 120 верспъ отъ Ліона и оканчивался на горѣ Фурвьерѣ, гдѣ была главная площадь и дворецъ Кесарей. Поспроеніе сего водопровода одни приписываютъ Марку Антонію, другіе Императору Клавдію, уроженцу Ліонскому, основываясь на 30 вырыпыхъ изъ земли, чугуновыхъ шрубяхъ, изъ кошорыхъ каждая была

длиною въ 15 или 20 фушовъ съ надписью:
„Тиверій Клавдій Цесарь.“ (*)

Слѣды этого и другихъ шрехъ водопроводовъ, находимые въ окрестностяхъ Ліона, служатъ свидѣтельствомъ, какъ важенъ былъ для Римлянъ главный городъ ихъ Галліи.

Повыше церкви Сен - Жю (Св. Іуста) въ огорождѣ, принадлежащемъ дому призражня лишеннаго ума, есть квадрапное подземелье, извѣстное подѣ именемъ *Рилискихъ банъ*. Оно имѣетъ въ длину 45 фушовъ и чепыре перехода со сводами, въ ширину 44 фуша съ чепырьми переходами, въ высоту 20 фушовъ. Стѣны, полщиною въ три фуша, покрыты красноватою извешью, которая сдѣлалась твердою, подобно камню.

Нельзя смотрѣть на оспашки древностей безъ мрачныхъ или пріятныхъ воспоминаній. Ходя по коридорамъ, я невольно перенесся воображеніемъ къ древнимъ Римлянамъ. Мнѣ казалось, что я видѣлъ передъ собою нѣсколько эдильей, трибуновъ или богашыхъ

(*) TI. CL. CAES.

гражданъ, которые, по окончаніи зрѣлища театральнаго или послѣ прогулки, пришли сюда купаться и нѣжиться. Они лежатъ на богатыхъ софахъ и съ важностію слушаютъ невольника, который читаетъ передъ ними Цицероново сочиненіе о Тускуланскихъ вопросахъ. Они перерываютъ его, спорятъ, снова слушаютъ и наконецъ идутъ вечеромъ, продолжая свой споръ. И вотъ по спускенимъ лѣспиницы тихо спускается молодая Римлянка; она озирается во всѣ стороны и съ робостію снимаетъ дымчатое покрывало; невольницы развязываютъ серебряный ея поясъ и принимаютъ ея одежду. Красавица погружается въ воду; черные волосы ея рассыпались небрежно по плечамъ; полная грудь, подобная снѣгу бѣлизною, дышетъ и поминется въ нѣгѣ... Такъ я мечталъ; но улыбка случившагося здѣсь суроваго анпикварія вдругъ разрушила мечты мои. — „Въ эпихъ баняхъ, сказалъ онъ, купались не Римлянки, а однѣ только Наяды: т. е. здѣсь были не бани, а водохранилище. Видите ли въ этомъ углу двѣ трубы? Онѣ имѣли сообщеніе съ водопроводомъ. Видите ли въ сво-

дахъ круглыя отверстія? Черезъ нихъ черпали воду.“ Жалко мнѣ было разсѣпаться съ мечтами моего воображенія; однако не смѣлъ проповѣрѣчь ученому антикварію.

Въ спранныпріимномъ домѣ, называемомъ *Антикайль*, (Antiquaille), есть другое подземелье, имѣющее 100 фузовъ длины, 12 ширины и 15 высоты и раздѣляемое стѣною на двѣ неравныя части. Многіе писатели называли его виннымъ погребомъ или подваломъ; но Ліонская Академія пришла, посмотрѣла и, основываясь на красноватомъ цвѣтѣ извѣстки, которою покрыты стѣны этого зданія, рѣшила, что оно назначено было для храненія воды, а не вина. Нельзя не вѣрить Ліонской Академіи, которую и самъ Вольперъ, за всегдашнее ея молчаніе, называлъ *самою скромною дочерью Франціи*.

Въ верхней части городского сада до сихъ поръ примѣтна обширная круглая площадь весьма правильной формы. Подлѣ нее найдены въ землѣ развалины стѣнъ, подземелье, медали и пр. Старые антикваріи называли ее *назмахією*, новые называютъ амфитеатромъ. Послѣдніе противъ первыхъ, которые

уже давно умерли, сдѣлали слѣдующія возраженія: „1) какую Римляне имѣли нужду спростить навмахію на высокомъ мѣстѣ тогда, какъ равнина, на которой лежишь теперь большая часть города, предсказывала для того всѣ возможные удобства? 2) Откуда и какимъ образомъ Римляне могли проводить воду на скаты пригорка?“ Мнѣ кажется, возраженія сіи не совсѣмъ основательны. Равнина въ древнія времена, какъ видно изъ лѣтописей, почти вся состояла изъ болотъ, и слѣдовательно, при разливіи рѣкъ, могла быть заносима пескомъ и иломъ; а для снабженія навмахіи водою, вѣроятно, достаточно было и нѣхъ водопроводовъ, которые существовали еще въ окрестности сада. Самое подземелье со сводами, не что иное было, какъ водохранилище. Кроме того можно было проводить воду изъ канала, который лежалъ подлѣ холма и служилъ сообщеніемъ Саоны съ Роною. Вообще Римляне любили побѣждать природу. Пользуясь своими свѣдѣніями въ гидравликѣ, они строили часто навмахіи на горахъ и на значительномъ разстояніи отъ моря.

На одномъ изъ острововъ, лежащихъ среди равнины, — тамъ, гдѣ Саона сливалась съ Рогою и гдѣ стоишь теперь церковь д'Энэ, находился извѣстный въ древности *жертвенникъ Августа и Рима*. Четыре граничные столба, поддерживающіе сводъ церкви, — безъ сомнѣнія, его останки. Огромная ихъ округлость, совсѣмъ несоразѣрная длинѣ, заставляетъ думать, что они составляли прежде только два столба. На правой сторонѣ церковнаго олшаря есть карпина, представляющая одного мученика, поверженнаго при подножіи этого жертвенника. Двѣ колонны возвышаются по сторонамъ его, и на каждой изъ нихъ стоишь истуканъ победы съ вѣнцемъ. Въ такомъ почто видѣ предсавленъ онъ на древнихъ медаляхъ.

Недалеко отсюда находится *Мозаическая улица*, получившая названіе свое отъ множества вырытыхъ въ ней мозаикъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія достойны находящіяся въ павильонѣ сада или, лучше сказать, въ сыромъ подвалѣ г. *Макорса*. На немъ предсавленъ Мелеагръ въ ту самую минуту, когда онъ приносилъ *Атлантъ*

въ даръ свою добычу, побѣжденнаго имъ кабана Калидонскаго. Расположеніе фигуръ, соразмѣрность часней и самые узоры, украшающіе дѣйствіе, принадлежатъ хорошему вкусу. Мозаикъ имѣетъ въ длину около 15 футовъ. Въ этомъ же садѣ въ 1806 году найденъ другой прекрасный мозаикъ, на попорокъ изображены циркъ и бѣгъ колесницъ. Роскошь и красота этихъ памятниковъ служатъ доказательствомъ, что въ окрестностяхъ жерпвейника Августа находились дома вельможъ, богачей, или начальниковъ города.

ИСТОРІЯ ЛІОНА ПРИ РИМЛЯНАХЪ И ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКИ.

По свидѣтельству Діона Кассія, Ліонъ обязанъ своимъ основаніемъ Римлянамъ. Пользуясь мятежами, возникшими послѣ смерти Юлія Кесаря, Аллоброги напали

на колонію Римскую, основавшуюся въ
Вьеннѣ и выгнали ее изъ сего города. Из-
гнанники скрылись въ шомъ мѣстѣ, гдѣ
Рона сливается съ Саоною и просили Рим-
ской Сенапъ дать имъ новое пристанище.
Это случилось въ то время, когда Маркъ
Антоній, испишель смерти Императора,
удалился съ войскомъ своимъ къ Альпамъ,
съ намѣреніемъ привлечь на свою сторону
Легида, Силана и Планка, которые началь-
ствовали тогда нѣсколькими легіонами въ
Галліи. Чтوبъ воспрепятствовать ихъ сое-
диненію, Сенапъ послѣшилъ обезоружить
прехъ послѣднихъ; и предписалъ имъ осно-
вать и построить городъ для колоніи Вьен-
ской на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она распо-
ложила станъ свой. Планкъ исполнилъ по-
велѣніе Сенапа, и въ 710 году опъ построе-
нія Рима (или за 42 года до нашего лѣто-
счисленія) Ліонъ основанъ былъ на двухъ
холмахъ, называемыхъ нынѣ Сен-Жю и
Фурвьеромъ. Это свидѣтельство Діона Кас-
сія подтверждается надписью, находящеюся
на гробницѣ Планка въ Гаешѣ, въ которой
именно сказано, что сей вождь былъ осно-

вашелемъ въ Галліи двухъ колоній: Ліонской и Раврикской.

Прекрасное и выгодное, положеніе Ліона съ самаго начала обратило вниманіе Римлянъ. Вскорѣ явились въ немъ амфитеатры и навмахи; построены были огромные водопроводы, рынокъ и монетный дворъ. Ліонъ былъ средошочіемъ чепырехъ военныхъ дорогъ, проложенныхъ Агриппою въ Галліи,—главнымъ мѣстопребываніемъ сборщиковъ податей и большой части военныхъ начальниковъ; Императоры имѣли въ немъ великолѣпный дворецъ. Августъ жилъ въ Ліонѣ около прѣхъ лѣтъ, и шестидесятъ народовъ Галліи воздвигли ему и Риму поггъ жертвенникъ, о копоромъ сказано выше. Другъ, отецъ Клавдіевъ, учредилъ подлѣ него игры, похожія на Испмическія. Какъ на эсихъ играхъ между прочимъ происходили и соспизанія ораторовъ; по Калигула издалъ для нихъ законъ, достопримѣчательный по своей странности. Онъ состоялъ въ томъ, чшобы побѣжденный плашилъ побѣдителю назначенную награду; и сверхъ того публично произносилъ въ честь его похвальное слово:

а кто опивался вступать въ состязаніе, не имѣя нужныхъ свѣдѣній и талантовъ; поэтъ повиненъ былъ, въ присущіи народа, вычислить языкомъ или губою всю свою рѣчь. Въ случаѣ опіаза, били его лозами или бросали въ рѣку Рону. Надобно было имѣть великое присущіе духа, чтобы искасть славы на такомъ опасномъ поприщѣ; и орапоры, приступая къ Лугдунскому жертвеннику, по словамъ Ювенала, блѣдѣли отъ ужаса, подобно человѣку, наспунившему на змѣю обнаженнымъ пинхою:

„Palleat, ut nudis pressit qui calcibus anguem,

„Aut Lugdunensem Rhetor dicturus ad aram.“

Это учрежденіе по крайней мѣрѣ показываешь, что во время владычества Римскаго процвѣтало въ Ліонѣ и краснорѣчіе.

Послѣ паденія Римской имперіи, Ліонъ сдѣлался столицей королевства Бургундскаго; въ послѣдствіи времени подпалъ подъ власть Королей Французскихъ; отъ нихъ перешелъ къ королямъ Бургундіи Загорной и наконецъ достался въ наслѣдство Бурхарду, архіепископу Ліонскому. Преемники

его, архіепископы, владѣли Ліономъ, какъ владомъ въ церковь, и на основаніи грамотъ, жалованныхъ имъ отъ Императоровъ Нѣмцевъ. Когда главный капитулъ духовный вступилъ въ права графовъ Форенскихъ, владѣвшихъ также Ліономъ; то наступило новое и неограниченное владычество духовное, состоявшее изъ капитула и архіепископа; оно продолжалось около одного вѣка съ половиною. Безпорядокъ въ судахъ, излишество чиновниковъ и ихъ содержаніе, требовавшее большихъ издержекъ, тяжелыя подати и налоги — раздражили наконецъ гражданъ. Они подняли оружіе, учредили народное правленіе, укрѣпили многія мѣста и привлекли на свою сторону войско. Архіепископъ и капитулъ прибѣгали попеременно то къ духовнымъ, то къ мірскимъ оружіямъ. Граждане просили покровительства у Людовика Святого; но его походы воспрещали подать имъ нужную помощь. Наконецъ сынъ Людовика, Филиппъ смѣлый, принявъ ихъ подъ свою защиту, уступилъ мятежи и возвратилъ имъ мирину, о которой они такъ долго

вадыхали; а Филиппъ Прекрасный, пользуясь правами, уступленными ему въ 1312 году архіепископомъ Пепромъ Савойскимъ, присоединилъ навсегда городъ Ліонъ къ Французскому королевству.

Надобно замѣтить, что Ліонъ въ древности назывался *Люгдунумъ*, — такимъ именемъ, которое было обще многимъ городамъ Галліи, и значило, по мнѣнію грамматиковъ, или нагорную башню или длинный берегъ. Ныѣшнее же названіе его происходитъ отъ того льва, который былъ символомъ Марка Антонія, одного изъ благодѣтелей города. Чѣмъ сохранить память этого триумвира, Люгдунумъ носилъ льва на своихъ знаменахъ, изображалъ его на монетахъ и со временъ крестовыхъ походовъ принялъ его въ свой гербъ. По свидѣтельствѣ Колоніи, въ двѣнадцатомъ столѣтіи городъ сей назывался *Леона*.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ЦЕРКВИ ВЪ ЛІОНѢ.

Видъ съ вѣрши церкви Фурвьеръ. Святѣиша Ліона — образъ Благодатной Маріи. Овочныя картины. Церковь Св. Иринея: подземелье съ костями мучениковъ Христіанъ; колодезь съ слѣдами мученической крови. Ловное мѣсто. Церковь Св. Іуста: каноники съ титуломъ вароновъ; золотыя панскія розы. Катодральная церковь Св. Іоанна Крестителя; приделъ, высѣченный изъ одной массы камня; часы съ примѣчательною механикою; два креста—памятники мнимаго соединенія Греческой церкви съ Латинскою; хоръ пѣвчихъ, по образцу Константинопольскаго дѣшевственнаго; каноники съ титуломъ графовъ Ліонскихъ; употребленіе мѣтры, заимствованное изъ Греческаго облаченія.

Положеніе Ліона есть одно изъ прекрасныхъ и обширныхъ карпинъ Франціи. Взойдите на вершину горы Фурвьеръ и спавайте на башнѣ Гопической церкви Богородицы, чтобы насладиться вполне зрѣлищемъ этой разнообразной и великолѣпной природы.

По уступамъ и скаламъ горы висятъ зда-
нія и улицы; при подошвѣ ея лежатъ огром-
ный городъ, пересѣаемый двумя широкими
рѣками. Далѣе дороги, обсаженные пополями,
плывутъ въ видѣ двухъ бульваровъ. Далѣе
разсѣяны красивыя предмѣстія и дерев-
ни, спелются зеленыя равнины, подни-
маются амфиатропомъ холмы. На концѣ
горизонта сползаютъ Дофинейскія горы; изъ
за нихъ выглядываютъ сѣжныя Альпы; а
въ ясный и чистый день показывается
иногда и самъ исполинъ Монбланъ. Какая
роскошь природы! Неперпѣливый взоръ
перебѣгаетъ отъ однихъ красотъ къ дру-
гимъ и наконецъ теряется въ дали этого
ландшафта, простирающагося на ширша
вершъ и болѣе.

Самая церковь Богородицы сползла на
помъ мѣстѣ, гдѣ находился древній *Форумъ*
или торжище. Императоръ Траянъ хотѣлъ
оснавивъ Ліонцамъ памятникъ своей къ
нимъ любви и соорудилъ на вершинѣ горы
великолѣпную биржу. Зданіе сіе почиталось
въ древности чудеснымъ произведеніемъ зод-
чества; и пошому самое паденіе его, послѣ-

довавшее въ 840 году, замѣчено было всѣми лѣтописцами того времени, какъ приключеніе важное.

Церковь Фурьеръ ничего не имѣетъ до-споприимчательнаго въ отношеніи къ здѣшному и живущему; но въ ней хранился священный Ліона—образъ Божіей Матери, называемой подъ именемъ Благодашней Дѣвы Маріи. Въ каждую субботу и въ каждый торжественный праздникъ народъ спремился сюда толпами изъ города и изъ окрестныхъ селеній. Во внутренности церкви всѣ стѣны покрыты маленькими образами, вырѣзанными изъ дерева и принесенными по общему. Они представляютъ обыкновенно Св. Дѣву Марію, держащую Божественнаго младенца и облеченную по самую голову въ багрянистую или алаяную сорочницу. Хотя большое число этихъ образовъ служатъ свидѣтельствомъ простоты нравовъ и набожности народа; однако худая рѣзба ихъ и странное одѣяніе производятъ самое непріятное впечатлѣніе. Между разными образчиками есть также нѣсколько оброчныхъ картинокъ. Онѣ всѣ имѣютъ одинакое содер-

жаніе. На одрѣ лежишь изнемогающій опъ болѣзни; подлѣ него, передъ образомъ Божіей Матери, стоятъ на колѣнахъ муштина и женщина, одѣтые и причесанные по послѣдней модѣ. Легкомысленность Французовъ и Француженокъ видна даже и въ ихъ молитвахъ. Не имѣютъ ли сіи общія картины какого нибудь сродства съ тѣми общими табличками, кошорыя Римляне, по полученіи железнаго, привязывали въ испуканамъ въ знакъ своей къ нимъ благодарности? По крайней мѣрѣ Лапинское названіе для первыхъ удержано кашоликами по же самое, какое было и у Римлянъ, именно: *tabulae votivae*.

Во время революціи церковь Фурвьере была продана съ публичнаго торгу, и долго оспавалась въ часпномъ владѣніи, переходя изъ рукъ въ руки. Въ 1803 году 19 Апрѣля Папа Пій VII, совершивъ въ сей церкви Свящныя Тайны, даровалъ ей полное право оппущающъ всѣ грѣхи на цѣлую жизнь: *indulgentia plenaria et perpetua*.

Церковь Св. Ирины, стоящая на одномъ изъ холмовъ горы Сен-Жю, естъ памятникъ вѣры въ ея гоненіи и вмѣстѣ профей вѣры

поржеспвующей. Христіане первыхъ вѣковъ, во время гоненій, искали обыкновенно убѣжища въ мрачныхъ пещерахъ; шуда приносили избіенныхъ брашій своихъ и на ихъ гробницахъ, а часпо и на ихъ шѣлахъ, обогрѣнныхъ кровію, при блѣдномъ свѣшѣ факеловъ, совершали тайныя вечера.

Церковь Св. Иринея имѣетъ три олшаря, изъ которыхъ самый древній находится въ пещерѣ. На правой сторонѣ лѣспницы, ведущей въ подземелье, предспавляется арѣлице, которое приводитъ душу въ содроганіе. За желѣзною рѣшеткою, въ обширномъ погребѣ, лежатъ громады череновъ и оспавовъ человѣческихъ. Это оспавши Ліонскихъ Христіанъ, принявшихъ мученическій вѣнецъ въ царшвованіе Императора Севера. Ни жестокія пышши, ни мечъ, ни лесъ, ни соблазны не могли поколебать швердой ихъ вѣры. Гоненіе раждало героевъ; они шли на смерть, какъ женихъ на бракъ; послѣднія слова ихъ были хвала и благодареніе Богу; послѣдній взоръ ихъ обращался къ небу.—Надъ отшверспіемъ погреба еспъ надпись, въ которой сказано, что одинъ Св. Аббатъ

съ великимъ тщаніемъ собралъ эти оспавы, ошдѣливъ опъ нихъ всѣ прочія кости, не принадлежавшія мученикамъ;—надпись совершенно лишняя и неуѣспная! Прошивъ желѣзной рѣшетки большая желѣзная дверь ведетъ во глубину пещеры. Тишина и негроницаемый мракъ поселяютъ въ душѣ благоговѣніе. Въ споронѣ находишся колодезь, куда язычники бросали тѣла убіенныхъ ими Христіанъ. Доспаваемая изъ него земля, какъ увѣряютъ, и до сихъ поръ носитъ слѣды той крови, каплями которой, по словамъ пѣснопѣвца Дамаскина,—какъ драгоценнымъ каменіемъ, украшались вѣнцы мучениковъ. Олшаръ этого подземелья основанъ на гробахъ Св. Епипоя и Св. Александра, посправавшихъ вмѣстѣ съ тысячами другихъ Христіанъ въ царствование Марка Аврелія. О порфиросный философъ и кропкій Императоръ! Что же значить человѣческая проницательность и мудрость, когда и пшой свѣшлый проиъ запечатлѣнъ кровію невинныхъ спрадалъцевъ?

Подлѣ церкви Св. Ириней просширается квадратная площадь съ двѣнадцатію олма-

рями. Надъ каждымъ изъ нихъ мраморный барельефъ, представляющій спраспи Господни, называемыя проспи спояніями (stationes). Подъ каждымъ барельефомъ написаны взятыя изъ Евангелія тексты, которые оканчиваются увѣщаніемъ, обращеннымъ къ душѣ: „о душа моя! помысли о семъ паденіи, о возстаніи и пр.“ Остъ площади опдѣляется желѣзною рѣшеткою большое полукружіе, называемое *Лобныйи мѣстоми*. Три креста, липы изъ мѣди, съ мраморными изображеніями Хрїста и двухъ разбойниковъ, водружены надъ олшаремъ, назначеннымъ для совершенія Тайной Вечери; Марія Магдалина орошаетъ слезами ноги Спасителя. Подлѣ нея споятъ Іоаннъ Богословъ, Марія Клеопова и два Ангела. Какъ сіи статуи, такъ и барельефы, всѣ сдѣланы изъ бѣлаго мрамора, иждивеніемъ нѣсколькихъ набожныхъ гражданъ, въ память возвращенія папы Пія VII Апостольскому престолу, возстановленія Людовика XVIII на пронъ его предковъ и спасенія города, во время занятія его въ 1814 году союзными войсками.

*

Въ пещерѣ, вырытой подъ Лобнымъ мѣстомъ, есть еще небольшой придѣлъ церковный. Снятый со креста Спаситель лежить подъ олшаремъ въ каменномъ гробѣ. Закинутая глава, опавшее чрево, сухія ребра и всѣ прочія части тѣла носятъ глубокіе слѣды спрадацій. Лучи солнца, въ продолженіе утра, падая сквозь небольшое окно прямо на Спасителя, производятъ рѣзкое сліяніе свѣта съ тѣнію, которому спарались подражать кистію нѣкоторые изъ Ліонскихъ художниковъ. При началѣ революціи это мраморное изваяніе спрячано было монахами въ землю, гдѣ и осмалось неприкосновеннымъ для свяшопашснивенныхъ рукъ. Лобное мѣсто занимаетъ возвышенность горы Сен-Жю и имѣетъ видъ прекрасный. Въ продолженіе спраспной недѣли народъ собирается сюда изъ города и его окрестностей.

Церковь Св. Іуста (Сен-Жю) достойна примѣчанія не столько по красотѣ зодчества, сколько по правамъ и преимуществамъ, которыми пользовались очень долгое время ея каноники. Они имѣли шишулъ бароновъ и свой гербъ, который состоялъ изъ двухъ

единороговъ, и до революціи служилъ украшеніемъ фронтона сей церкви. Папа Иннокентій IV, послѣ семилѣтняго пребыванія въ ихъ монастырѣ, жаловалъ ихъ многими помѣстьями и, что всего важнѣе, подарилъ имъ золотую розу, украшенную древнимъ сердоликомъ съ изображеніемъ головы Геркулесовой. *Золотыя розы* обыкновенно освящаемы были папами въ четвертое воскресенье поста и давались однимъ только государямъ или владѣтельнымъ князьямъ. Старшіе члены дома Турнонскаго были почешными канониками монастыря сего; они утверждали, что Св. Іустъ происходилъ отъ ихъ фамиліи и родился въ замкѣ Турнонскомъ. Парадинъ повѣспвуетъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ обыкновеніе надѣвать на короткій шелковый кафтанъ каноническую рясу и въ тоже время носилъ при бедрѣ шпагу; и что родной братъ его епископъ Валенскій (de Valence), увидѣвъ его въ такомъ сбранномъ одѣяніи, не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ: „Братъ мой въ одномъ лицѣ представляешь три сословія.“

Катедральная церковь Св. Иоанна Крестителя, стоящая на правом берегу Саоны подлѣ деревяннаго моста, есть примѣчательный памятникъ готическаго зодчества. Фасадъ ея состоитъ изъ двухъ башенъ и изъ фронтона, имѣющаго видъ пирамиды или остроугольнаго треугольника. Главная дверь и по сторонамъ ея двѣ меньшія украшены разными узорами. Надъ боковыми стѣнами церкви поднимающіяся въ видѣ перемовъ или шапировъ двѣ другія башни, изъ которыхъ на одной виситъ колокола. Самый большой здѣшній колоколъ почитается по огромности своей первымъ во Франціи; но онъ можетъ занимать только прѣдѣлы или четвертое мѣсто между нашими Московскими колоколами. По сторонамъ купола, покрывающаго главный олтарь, стоятъ еще двѣ башни, соответствующія тѣмъ, которыя находятся въ фасадѣ. Стѣны между сими послѣдними и средними башнями, составляющія полукружіе, увѣнчаны острыми зубцами. Внутренность церкви носитъ на себѣ печать простоты; но ряды огромныхъ готическихъ столбовъ, длинная и широкая

прапеза, высокіе и смѣлые своды, богатая рѣзьба, красота разноцвѣтныхъ спеколь, производящихъ одно только слабое мерцаніе, — все это даетъ зданію характеръ величія, располагающаго душу къ благоговѣнію.

Внутренность церкви расположена крестомъ. Стѣны главного олшаря украшены карпинами изъ вѣшхаго завѣша; нѣкоторыя изъ нихъ писаны кистію извѣстныхъ художниковъ. Спашуя Св. Дѣвы Маріи, изваянная изъ бѣлаго мрамора и стоящая при дверяхъ ризницы, есть произведение одного изъ учениковъ Кановы и подарена церкви нынѣшнимъ Ліонскимъ архіепископомъ. Нѣсколько древнихъ колоннъ, выписанныхъ изъ Рима и назначенныхъ для украшенія храма, есть даръ тогоже ревностнаго пастыря, извѣстнаго въ Ліонѣ по любви своей къ художествамъ.

Въ торжественные праздники выставляють здѣсь передъ главнымъ олшаремъ двѣ мраморныя спашуи Іоанна Крестителя и Святаго Стефана, работы ваятелемъ Блезомъ. Олшарь обнесень красивою желѣзною

рѣшеткою и украшенъ очень хорошою рѣзбою на деревѣ.

Еще большаго вниманія достоинъ, по изыщесству ваянiя, одинъ изъ придѣловъ, построенный въ 1449 году кардиналомъ Бурбономъ, архіепископомъ Ліонскимъ, изъ одной массы камня; изъ одной и тойже массы высѣчены сполбы, своды и висячіе на нихъ и подъ ними узоры. Разнообразіе прикрасъ, выбранныхъ со вкусомъ, — шонкая рисовка, щипательная опдѣлка и совершенство рѣзнато искусства должны приводить въ опчаніе нынѣшнихъ художниковъ. Понять нельзя, какимъ образомъ твердый камень могъ быть, подобно гипсу или воску, игралиться заплываго рѣзца. Это не что иное, какъ каменное шипье, или каменные шонкія кружева!.. На стѣнахъ сего придѣла видна повсюду рука, перевязанная ораремъ и держащая пламеноносный мечъ съ слѣдующими словами: „безъ надежды и безъ страха (n'espoir, ne peur).“ Это девизъ кардинала Бурбона.

Въ одномъ изъ придѣловъ, по лѣвую сторону церкви, стоятъ часы, построенные въ шестнадцатомъ столѣтіи и исправленные

въ 1660 году Вильгельмомъ Нуриссономъ, доспопримѣчательные по своей механикѣ. Они имѣють сходство съ Спразбургскими часами или съ часами, успроенными нашимъ Кулибинымъ. По окончаніи каждаго часа, пѣснѣ бьютъ крыльями и начинаютъ пѣть; потомъ отворяется дверь и выходитъ Архангелъ Гавріиль съ благовѣстіемъ къ Дѣвѣ Маріи; Свяшый Духъ спускается и осѣняетъ ее; Богъ Отецъ прикрашы благословляетъ; между нѣмъ играетъ внутри музыка, по напѣву стиха: „ut queant Laxis.“

Но что значашъ эти *два креста*, стоящіе рядомъ на жертвенникѣ главнаго олшаря? Это памятники соединенія Греческой церкви съ Лашинскою, совершившагося, по словамъ каполицковъ, въ 1274 году на Вселенскомъ Ліонскомъ Соборѣ, въ храмѣ Іоанна Крестителя. Хитрая полишика власполюбивыхъ папъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, дѣйствовала неутомимо, чтобъ завладѣшь воспокомъ и подчинить себѣ Православную церковь. Пользуясь смятеніями слабой Греческой Имперіи, при нападеніи Срациновъ и Турокъ, и въ поже время

уничженіемъ Россіи, спонавшей подъ игомъ Монголовъ, они испощили всѣ возможныя и не позволенные средства, прибѣгали и къ лести и къ обману и къ коварству. По ихъ мнѣнію, достопочтно было согласія десяти или пяти Грековъ, чѣмъ назвавъ соборъ Вселенскимъ и провозгласивъ соединеніе церквей шоржеспивеннымъ. Но, къ счастью, конецъ никогда не соотвѣтствовалъ хипрошпешеннымъ ихъ намѣреніямъ. Подкупленные или оболещенные обѣщаніями, опспущники вѣры, по возвращеніи въ опечество, наказываемы были презрѣніемъ народа или изгнаніемъ; и церковь Воспочная, основанная Апосполами, оспавалась швердою и неизмѣнною, какъ скала среди обуреваемого моря.

На Ліонскомъ соборѣ, по свидѣтельству лѣпописцевъ, послы Хана Ташарскаго приняли крещеніе; а кардиналы получили право носить, въ знакъ опличія, пурпуроваго цвѣша стихарь, кошорый до шого времени былъ обыкновеннымъ облаченіемъ однихъ пѣвчихъ первопреспольной церкви Іоанна Крестипшеля. Достойно замѣчанія, чѣмъ до начала революціи въ этой церкви никогда не было орга-

новъ и упошреблялась одна только голосовая музыка. Французы не находятъ словъ для выраженія тѣхъ сильныхъ чувствъ умиленія и благоговѣнія, которыя возбуждаемы были проспѣвомъ и ровнымъ пѣніемъ канониковъ. Этому роду музыки, совсѣмъ чуждой Капеллакамъ, введенъ былъ въ девятомъ столѣтіи епископомъ Лейдрадомъ, въ подраженіе хору придворной церкви Карла Великаго, и вѣроятно происходилъ отъ Греческаго демественнаго пѣнія. Извѣстно, что Карлъ Великій, домогаясь соединенія восточной имперіи съ западною, часто сносился съ Императрицею Евдоксіею. Послы его, подобно посламъ Владиміровымъ, вѣроятно восхитились Ангельскимъ сладкопѣніемъ клироса Константинпольскаго и, по возвращеніи въ отечество, можетъ быть, присовѣщивали своему монарху устроить, въ подраженіе этому клиросу, хоръ канониковъ. По крайней мѣрѣ такимъ образомъ можно объяснять его происхожденіе, которое до сихъ поръ оставалось загадкою для Французскихъ археологовъ.

Капитулъ церкви Іоанна Крестителя до начала революціи считался во Франціи

однимъ изъ самыхъ почешнѣйшихъ. Знаками опличія его канониковъ были золопой крестъ на красной леннѣ и шишулъ графа Ліонскаго. Чшобы приняшымъ быть въ число ихъ, надлежало доказашъ свое благородство геральдикомъ за чешыре спепени, какъ по опцовской, такъ и по машерней линіи. Сами Короли Французскіе принадлежали къ первымъ каноникамъ этой церкви; и когда, по прибышій въ Ліонъ, они желали посѣпшше ее,—капишулъ, выходя къ нимъ на вспрѣчу, облачалъ ихъ передъ монастырскими ворошамъ въ спихаръ и маншію каноническую. Дофины Вьенскіе, герцоги Бургонскіе и Савойскіе, герцогъ Беррійскій, сирь Туарскіе и Вилларскіе были также почешными канониками.

Нигдѣ богослуженіе не было совершаемо съ такою пышностію, какъ въ церкви Іоанна Крестпшеля. Священники облачались въ самыя богатыя ризы и надѣвали на голову миштру, вѣрояшно въ подражаніе Греческимъ епископамъ и архимандрипамъ. Архіепископъ иначе не служилъ обѣдни, какъ съ шешью священниками, кошорые, въ опношеніи къ нему, назывались шешью музами. Графы

канониками между прочимъ присвоили себѣ право, во время священнодѣйствія, преклоняяпъ одно только коленно; и это преимущество, по ихъ домогательствамъ, утверждено было въ 1555 году парламентомъ. Доспойно также замѣчанія, что въ силу своего устава, они никогда не выходили изъ монастыря пѣшіе, но всякой разъ должны были садиться на лошадь.

На площади, проспиральной передъ церковію Іоанна Крестителя, въ томъ самомъ домѣ, который занимаетъ теперь трибуналомъ первой инстанціи, а прежде принадлежалъ капитулу, во время извѣстнаго археолога Колоніи, находился на лѣспниці камень съ изображеніемъ извѣстнаго змія и слѣдующею надписью: „Deo invicto MITHR. Secundinus dat; богу непобѣдимому Митръ посвящаетъ Секундинъ.“ Это служило доказательствомъ, что поклоненіе Митръ или солнцу, перешедшее изъ Персіи въ Римъ, было въ употребленіи и въ Ліонѣ.

Л И О Н Ъ

Улица Св. Елены. Площадь Людовика Великаго. Боланища.
Публичная библиотека. Площади Целестинская, Яковинская
и Терро. Ратуша. Театръ. Навержная Сенклеръ. Мосты
Моранъ, Гильотерскій и Сен-Жанъ.

Улица Св. Елены, находящаяся въ недале-
немъ разстояніи отъ церкви Энэ, славилась
въ древности и въ средніе вѣки кельями
своихъ зашворниковъ. Каждая изъ нихъ имѣ-
ла десять фушовъ длины и сподожкоже ни-
рошы, одно небольшое опверстіе въ церковь
и одно такоеже на улицу для принятія ми-
лоспшныи. Каждая келья назначена была для
одного мушныи или для одной дѣвицы, ко-
торые заключали себя добровольно на всю
жизнь. Обрядъ заключенія совершался пор-
жеспвеннымъ образомъ. Епископъ, сопро-
вождаемый духовенствомъ, вводилъ зашвор-
ника въ назначенную ему келью, приказывалъ закладывавъ кирпичами дверь и клалъ

на нее свою печать. Учрежденіе заповорничества приписываютъ Св. Евхеру, епископу Ліонскому шестаго вѣка, и право на оное давалось только шѣмъ, копорые предвари-тельно выдержали чепырехлѣпный самый спростій искусь. Въ улицѣ Св. Елены и въ окрестностяхъ находились десятии келій для мужскаго и десятии для женскаго пола. Слѣды ихъ оставались до начала революціи: но самое заповорничество вышло изъ употребленія еще въ концѣ пятнадцатаго столѣтія.

Огромная площадь Людовика Великаго состоитъ изъ продолговаатаго чепвероугольника, имѣющаго 143 саж. и 2 аршина длины и 91 сажень ширины. Съ южной ея стороны проведена густая липовая аллея; съ сѣверной тянется рядъ каменныхъ домовъ; съ восточной и западной стоятъ два длинные дворца, построенные по одному плану. До начала революціи, среди площади находилась бронзовая конная статуя Людовика XIV съ двумя прекрасными водометами; но въ 1793 году статуя была разбита, водометы разрушены, дворцы обезображены. По возста-

повленіи порядка, обращено было вниманіе на воосстановленіе дворцевъ. Каждый изъ нихъ раздѣляется внутри на пять домовъ; середній домъ, выдаваясь нѣсколько впередъ, составляетъ лице всего корпуса. На площади въ непродолжительномъ времени будешь поставлена новая конная статуя Людовика XIV, копорая выливается изъ бронзы въ Парижъ (*).

Лионская больница, лежащая на правомъ берегу Роны, 'своею древностію превосходитъ всѣ подобныя заведенія, существующія во Франціи. Основаніе ей положено было еще въ шестомъ столѣтіи королею Хильбертомъ и его супругою королевою Ульпрогопою. Въ дѣяніяхъ Собора Орлеанскаго, бывшаго въ 549 году, упоминается, что Святые отцы утвердили сіе учрежденіе, какъ угодное Богу.

Больница имѣетъ нѣсколько отдѣленій и при главныхъ дворахъ: Св. Людовика, Св. Елисаветы и Св. Мартина. Внутренность перваго сослѣдуетъ изъ четырехъ простран-

(*) Она уже поставлена и открыта въ 1825 году.

ныхъ залъ, расположенныхъ крестомъ; посреди ихъ воздвигнутъ жертвенникъ. Главный корпусъ, просширающійся по набережной Роны, не что иное естъ, какъ длинный коридоръ, раздѣляемый круглымъ храмомъ и его куполомъ на двѣ равныя половины.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ внутреннее устройство больницы. Каждая зала имѣетъ при рядѣ кроватей; каждая кровать закрыта занавѣсомъ. Опрятность бѣлья, чистота комнатъ, умѣренный и благородный воздухъ, хорошая пища и дѣятельная прислуга, свидѣтельствуютъ о тщательномъ надзорѣ врачебной управы. Больные раздѣляются по роду болѣзней; число ихъ ежегодно восходитъ до девяти или одиннадцати тысячъ; а умирающихъ бываетъ одна двѣнадцатая часть. Знаменитая Римская больница, можетъ быть, превосходитъ своею огромностію; но въ ней имѣютъ убѣжище одни каполинни, а въ Ліонской принимаются больные всѣхъ странъ и исповѣданій. Врачи, принадлежащіе къ сему дому, имѣютъ обязанностію лѣ-

типъ безденежно всѣхъ бѣдныхъ гражданъ; равно какъ здѣшняя аптека обязана безденежно выдавать имъ лѣкарства.

Недалеко отъ больницы, въ домѣ, принадлежащемъ коллегіи, помѣщена *Публичная Библиотека*. Неопрятная лѣсчатка, узкой коридоръ и прослая дверь ведутъ въ огромную и великолѣпную залу. Мраморный полъ, богатые столы, бюсты, барельефы, сферы и глобусы, изъ коихъ два имѣютъ въ поперечникѣ около двухъ аршинъ съ половиною, служатъ доказательствомъ роскоши муз. Ліонскихъ. Зала сія назначена для чтенія и содержитъ въ себѣ до 70,000 томовъ. Съ правой стороны углубляется другая небольшая зала, наполненная книгами разнаго содержанія, пожертвованными отъ разныхъ особъ. Далѣе небольшая комната заключаетъ эстампы, археологическія книги и весьма любопытныя рукописи Халдейскія, Сирійскія, Еврейскія, Армянскія, Греческія, Арабскія, Персидскія, Тапарскія, Индейскія, Китайскія и прочія. Достопримѣчательнѣйшія изъ нихъ: 1) собраніе правилъ соборныхъ (*Collectio canonum Conciliorum*). пятого вѣка;

а) Кодексъ Юстиніановъ,—шестпато вѣка, по уѣренію смошришеля библіошеки; заглавія ихъ писаны киноварью. 3) Требникъ или обѣдня съ нотами, оспавшаяся опть IX вѣка. Каждая заглавная буква съ образомъ Спасишеля, Божіей Машери или Свяшыхъ. Особенное вниманіе обрацають образъ Саваоа во всю страницу и другой, соспоацій изъ нѣсколькихъ лжковъ Свяшыхъ. Краски и позолоша яркія; вкусъ Греческой; но рисовка довольно правильная и даже съ выраженіемъ. Естъ еще одна рукопись Кишайская, писанная кишію; и одна печатанная въ Пекинѣ книга, называемая Икинъ, въ 22 шомахъ, въ 4 долю лнша, о законахъ и богословіи Кишайцевъ. Между аспампами доспопримъ-чашельно собраніе небольшихъ каршинъ, опносающихся къ возрожденію живописи. Онѣ по большой часши аллегорическія, напр. повалившійся фонарь съ свѣчею, имѣющій надпись: „Inconstans vector; вращаюсь опть непостоянства.“ Библіошека Ліонская основалась въ шеспинадцатомъ сполѣтніи опть пожертвованій королевскихъ и частныхъ особъ. Людовикъ XIII и Людовикъ XIV обогатили ее

+

великолѣпными изданіями Луврскими. Библиотека Адамоли, подаренная Академіи наукъ, словесности и искусствъ, имѣющей свои засѣданія въ этой залѣ,—множество рѣдкихъ и дорогихъ книгъ, доставшихся отъ уничтоженныхъ монастырей, и наконецъ значительныя суммы денегъ, отпускаемыя городомъ ежегодно въ это книгохранилище, распространили его, привели въ цвѣтущее состояніе и поставили на ряду съ знаменитѣйшими библиотеками Европы.

Целестинская площадь посвящена Флорѣ. Въ воскресные и праздничные дни производится здѣсь торгъ цвѣтами и душистыми растеніями; пестроты и расположеніе ихъ составляютъ пріятное зрѣлище. Съ нѣкогдаго времени вкусъ къ цвѣтамъ сдѣлался въ Ліонѣ общимъ; но цѣна лилій, символа Бурбонскаго дома, также часто здѣсь измѣнялась, какъ курсъ на Лондонскихъ биржахъ. У Французовъ на все моды, на плащъ, на сочиненія, на правительствва и на самую вѣру.

Рядъ кофейныхъ домовъ, окружающихъ эту площадь, есть рядъ волшебныхъ замковъ. Огромныя залы, безчисленныя группы

мушницъ и женщинъ, зелень благоуханныхъ распушииъ, журчаніе водометовъ, повсюду развѣшанныя цѣпчочныя цѣпи и наконецъ тысячи люстръ, пылающихъ во время ночи, приводящъ въ изумленіе. Вы перемесили вдругъ въ жилище Фей; вы спониме въ садахъ Аримидиныхъ. Однимъ словомъ: зрѣніе ваше всѣмъ очаровано и всѣмъ обмануто. Тысячи предметовъ не что иное, какъ одни и тѣже предметы, повторяющіеся въ зеркальныхъ спѣнахъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ видахъ. Среди залы, на возвышеніи, какъ на проиѣ, окруженная букетами розъ, живая роза или помынь, Армида или играющая роль Аримиды, прелестная или безобразная, молодая или старая Француженка, беретъ су и франки за пуншъ, которыми грѣются мушницы, и за лимонадъ, которыми прохлаждаются женщины.

Площадь Якобинская находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ была церковь монашескаго ордена Якобинцевъ. Монастырской домъ ихъ, занимаемый теперь префектомъ Лионскимъ, былъ театромъ разныхъ достопримѣчательныхъ происшествій. Я упомяну только о важ-

иѣйшемъ изъ нихъ. Послѣ смерти Климентія V, престолю папскоѣ болѣ двухъ лѣтъ оставался празднымъ, по причинѣ несогласія кардиналовъ; въ то время Филиппъ, графъ Поатьерскій, по повелѣнію брата своего Людовика (le Hutin), заманилъ въ Лионъ, подъ разными предлогами, двадцать прехъ кардиналовъ и заперъ ихъ въ монастырь Якобинцевъ 28 Іюня 1318 года, объявивъ напередъ, что они до ихъ поръ изъ него не будутъ выпущены, пока не заберутъ первосвященника. Святые отцы долго упрямались, спорили и кричали; но, соскучивъ наконецъ започеніемъ и постомъ, 7 числа Августа нарекли папою кардинала Оссаша, извѣстнаго подъ именемъ Іоанна XXII. Эпоху конклава, кажется, можно считать первымъ, приведеннымъ въ дѣйство по прочной силѣ постановленія вполноту Лионскаго собора, бывшаго въ 1274 году подъ предсѣдательствомъ папы Григорія X. (*)

(*) Entre un grand nombre de Constitutions qu'on publia dans ce concile, il y en a une très-intéressante et ayant pour objet d'empêcher qu'après la mort d'un Pape, le saint siège ne demeure long temps vacant. C'est l'origine du

Площадь Терро рождаешь горькія воспоминанія въ друзьяхъ человѣческихъ. На помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ Римлянами проведенъ былъ каналъ для сообщенія Роны съ Саоною, лилась рѣвною кровью гражданъ 13 Апрѣля 1793 года. Въ общемъ совѣщѣ городской думы определено было воздвигнуть здѣсь мраморную стѣпую. Людовику XVI; для сооруженія этого памятника уже принесены были значительныя жертвованія; намъ вдругъ перемѣсилась сюда революція со всѣми своими ужасами; воздвигла здѣсь эшафотъ и на этомъ жертвенникѣ, достойномъ ея идола, безправсуднаго равенства, заклала 1500 жертвъ!...

Conclave qui a été en usage depuis Grégoire X pour l'élection des souverains pontifes et dont l'expression latine désigne un lieu où plusieurs personnes sont renfermées sous une seule et même clef. C'est dans un tel lieu que les Cardinaux se rendent pour procéder à l'élection. Selon cette constitution, si trois jours après leur clôture ils ne sont pas d'accord sur le choix d'un Pape, on ne leur servira les cinq jours suivans, qu'un seul à chacun de leurs repas: ce terme expiré, on ne leur donnera que du pain, du vin et de l'eau.

(Précis de l'histoire ecclésiastique par M..)

Городская Рапуша, стоящая на площади Терро, по красоте зодчества занимает, какъ утверждаютъ Французы, первое мѣсто послѣ рапуши Амстердамской. Она построена въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, по плану архитектора Симона Монна. Знакомъ удивляющагося силѣ своду сѣней, который проспирася въ видѣ распушенной дуги. Здѣсь стоятъ двѣ бронзовыя колоссальныя группы. Съ правой стороны группа Саона, лице аллегорическое, покоившаяся на львицу, съ опрокинутымъ рогомъ изобилія; съ лѣвой Рона (le Rhone), въ видѣ Нептуна, держитъ презубецъ и опирается на льва. Обѣ эти группы до начала революціи служили украшеніемъ пѣхъ двухъ водометовъ, среди которыхъ стояла конная статуя Людовика XIV. Вѣроятно, въ непродолжительномъ времени возвращать имъ прежнее ихъ назначеніе.

Рапуша раздѣляется на два двора. Пространству задняго, за небольшою площадкою, стоитъ домъ, обнесенный съ двухъ сторонъ галереями. Статуя Аполлона, группы музъ и другія подобныя принадлежности, кото-

рыми увѣчанъ фасадъ, показываютъ назначеніе зданія. Это *Театръ*.

Склонность Ліонцевъ къ зрѣлищамъ открылась съ давняго времени. Представленіе шамисувъ, вѣры и разныхъ происшествій, взятыхъ изъ священнаго писанія, было въ употребленіи въ Ліонѣ еще въ четырнадцатомъ столѣтіи. Около половины шестнадцатаго бѣмъ уже поспросятъ посполннѣй шеапръ, на кошоромъ играли плащадныя поведіи и нравственныя драмы. Верхняя часть шеапра, по свидѣтельству Колоніи, представляла рай со жѣмъ его радостями; нижняя часть представляла адъ, изъ кошорато раздавались стоны и рыданія: но сей домъ, послѣ смерти содержателя его, былъ проданъ; и во время пребыванія Генриха IV въ Ліонѣ, шруппа Ишадіанскихъ комедіаншовъ помѣщена была въ одной изъ залъ монастыря графовъ канониковъ. Это показывается, что духовенство католическое въ началѣ семнадцатаго столѣтія еще имѣло штеримоснъ и не ошлутало ошъ церкви апшеровъ. Одна также изъ залъ, подлѣ церкви Св. Павла, сдѣдалась въ Ліонѣ навѣсшиною

явны, что въ ней играли *Мольеръ* болшую часть лучшихъ своихъ пьесъ. Такихъ образомъ Мельпомена и Талия бродили изъ одной улицы въ другую до половины прошедшаго столѣтня, когда, по плану Суффлоа, построена была великолѣпная домъ на мѣстѣ, гдѣ прежде находился садъ городской ратуши.

Самыя лучшяе частныя дома находятся на набережной Роны, называемой Сен-ле-роизъ; эта часть города построилась только въ половинѣ прошедшаго столѣтня. Открытыя биржи и пристани, свѣжескъ воздуха и разнообразіе представляющихся описей видовъ привлекли сюда богатыхъ гражданъ. Во всѣхъ прочихъ частяхъ Ліона улицы неправильны; узки и нечисты; дома о пяти и шести жилыхъ; дворы скучны; воздухъ тяжелый и нездоровый. Почетный и обширный городъ Франціи,—городъ, который во время владычества Римскаго изобилевалъ великолѣпными водоемами и который до сихъ поръ еще гордится развалинами водопроводовъ, не имѣетъ нынѣ ни одного фонтана и ни одного колодезя, достопримѣчательнаго по

отношеніямъ къ искусству; но его набережныя по берегамъ Роны и Саоны, приспаны и мосты очень красивы.

Деревянный мостъ на Ронѣ, названный, по имени архитектора, *Моранолъ*, занимаетъ первое мѣсто во Франціи между строеніями этого рода. Онъ имѣетъ около 90 сажень длины и шестнадцать опверстій, сквозь которыя свободно плаваютъ барки.

Мостъ *Гильотерскій*, соединяющій предмѣстіе Гильотеръ съ городомъ и ведущій черезъ Рону въ южныя области Французскія, въ Савойю и Италію, простирается на 493 метра или на 237 сажень и состоитъ изъ семнадцати каменныхъ арокъ.

Изъ шести мостовъ, проведенныхъ чрезъ Саону, достопримѣчателенъ каменный съ пятью арками и съ пропурами. Въ 1808 году лѣтъ назвала его *Тильзидскимъ*; но съ того времени, какъ прошли по немъ войска союзныя, народъ съ гѣря и досады началъ называть его просто *Ивановскимъ мостомъ* (de St. Jean).

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ПОСТЕПЕННОЕ ВОЗВЫШЕНІЕ ЛІОНСКОЙ ТОРГОВЛИ. ПОСЛѢДНІЕ ИТАЛІЯНЦЕВЪ. Евреи. Ярмарки. Фабрики. Модные магазины. Лабораторія Г. Реймонда. Биржа. Депо иностранныхъ товаровъ. Матеріалы, получаемыя изъ соседнихъ департаментовъ. Число жителей.

Почетный и второй городъ Франціи, Ліонъ, обязанъ богатствомъ, силою и народонаселеніемъ обширной своей торговлѣ. Въ теченіи многихъ лѣтъ много разъ онъ былъ игрищемъ внутреннихъ мятежей, добычею варваровъ, жертвою голода, мора, наводненій, пожаровъ; и всякой разъ возрождался изъ своего пепла, подобно баснословному Фениксу. Войска Севера его разграбляли; Гунны, Вургунды и Мавры его опустошили; столѣтняя междоусобная война съ епископами и канониками его истощила; Пропетанты его разрушили; и Ліонъ пережилъ всѣ ужасы. Паденіе города неминуемо влекло за собою паденіе торговли; но съ ея воспа-

ніємъ восплавалъ и онъ изъ развалилъ. Чѣмъ могло бытъ ужаснѣе революціи, которая воздвигнула внутри его эшафоты и заклала на нихъ тысячи жертвъ? Чѣмъ могло бытъ вреднѣе и опаснѣе власполюбія Наполеонова, безъ жалости пожинавшаго, въ продолженіе тринадцати лѣтъ, лучшій цвѣтъ Ліонскаго юношества? Но Ліонъ снова начинаетъ дышать и наслаждаться плодами промышленности. Если миръ не могъ возвратити опцямъ ихъ подпоры и маперямъ единственной ихъ опрады; по крайней мѣрѣ онъ готовъ вознаградити городъ шѣмъ обиліемъ, съ коимъ рымъ явился на спогнахъ его.

Любопытно знать, чѣмъ давало, въ продолженіе столь многихъ вѣковъ, жизнь, движеніе и силу торговлѣ Ліона? Безъ сомнѣнія, выгодное его положеніе, дѣятельность гражданъ, ихъ стремленіе къ образованности, покровительствованіе королей и самыхъ обстоятельство политическія.

Ліонъ лежишь при впаденіи Саоны въ Рону, текущую въ Средиземное море. Въ Галліи, какъ и во всѣхъ земляхъ необразованныхъ, рѣки служили первымъ и един-

естественнымъ душемъ сообщенія для живущихъ; а потому и торговля явилась въ Ліонѣ вскоре послѣ его основанія. Шестидесятъ народовъ, соорудившихъ храмъ Августу въ Люгдунѣ (древнемъ Ліонѣ), нисходя и восходя по теченію рѣкъ, несли въ новопоспроенный городъ свои избытки и искали на его торжищахъ всего, что могло удовлетворять ихъ нуждамъ. По открытіи военныхъ дорогъ въ Галліи и по учрежденіи ярмарокъ въ Ліонѣ, торговля его распространила свои сношенія съ землями сосѣдственными; и наконецъ чрезъ Средиземное море не замедлила проникнуть въ отдаленныя страны Азіи. Въ Греціи Ліонцы озарились первымъ свѣтомъ Евангелія; и во второмъ столѣтіи, когда Римъ и Италія еще понули во мракѣ язычества, Православная вѣра пришла съ востока на западъ и водрузила знаменіе креста на горахъ Ліонскихъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Римской имперіи палъ и великолѣпный Ліонъ. Самое богатство и изобиліе его послужили ему источникомъ золь и ужасовъ; потому что онъ заключалъ въ сѣняхъ своихъ все, что могло

только льстивыя амшосны хищныхъ варваровъ. Хотя въ послѣдствіи времени, подѣ правленіемъ королей Бургундскихъ и герцоговъ Савойскихъ, примѣнно приходилъ онъ въ силу и крѣпость; однако его благоденствіе утвердилось на прочномъ основаніи только въ четырнадцатомъ столѣтіи, подѣ покровительствомъ королей Французскихъ. Кроткое и мудрое правленіе уврачевало раны, причиненныя внутренними раздорами; щедрость, имѣвшая на гражданъ, пробудили въ нихъ дѣятельность; права, данныя купечеству, привели къ движению равнымъ образомъ промышленности.

Почти въ тоже самое время одинъ неожиданный случай далъ торговлѣ Ліонской ходъ новый и блистательный. Въ концѣ тринадцатаго столѣтія многіе изъ богатыхъ Италіянцевъ, принужденные оставивъ опечесиво по причинѣ внутреннихъ мятежей, принесли съ собою въ Ліонъ глубокія свѣденія и опытность въ дѣлахъ торговыхъ. Чтобы не лишиться навсегда сокровищъ, ославленныхъ ими въ Италіи, они привели въ употребленіе вексели, изобрѣтенные не-

задолго передъ шѣмъ временемъ и при такихъ же обстоятельствеахъ заживотными Евреями. Въ слѣдъ за симъ они открыли банки, учредили конторы, построили для складки товаровъ магазины, завели многія фабрики; и такимъ образомъ доспавили Лиону и средства и способы вступити въ сношеніе со всѣми городами извѣснаго въ то время міра.

Гонимые изъ одной страны въ другую, Евреи также находили пристраище съ давнихъ временъ въ Лионѣ. Еще въ девятомъ столѣтіи они имѣли здѣсь свою синагогу и особенную улицу, называемую до сихъ поръ Іудейскою, состоя подъ вѣденіемъ особаго министра (Maitre des Juifs), который былъ ихъ ходатаемъ и покровителемъ при дворѣ короля Людовика Кропкаго. Они занимались преимущественно торговлею и пользовались такимъ довѣріемъ и благоволеніемъ, что торговый день, бывшій въ субботу, посвященную ими Богослуженію и покою, былъ замѣненъ въ послѣдствіи другимъ днемъ.

Яриарки, открытыя Карломъ VII въ 1420 году и приведенныя въ цвѣщее состояніе

Людовикомъ XI, также весьма много способствовали къ распространенію торговли Лионской. Давши купечеству преимуществва привлекли на берега Роны толпы иностран-ныхъ промышленниковъ, которые нашли здѣсь и возмездіе за свою дѣятельность и новое для себя отечество. Со времени революціи эти ярмарки совсѣмъ уничтожились; но паденіе ихъ не могло произве-сти никакого значительнаго ущерба въ торговлѣ: опытъ того что фабрики Лионскія доведены уже до высшей степени устрой-ства и не имѣютъ ни малой нужды въ постороннихъ пособіяхъ.

Земледѣліе и торговля суть главные ис-точники народнаго благосостоянія. Онѣ пи-таютъ силы государственный и даютъ обиліе всѣмъ сословіямъ. Короли Французскіе убѣждены были въ этомъ, и во многихъ слу-чаяхъ спарались оказывать оплотивное покро-вительство Лионцамъ. Подданные равнымъ образомъ умѣли дѣлать вниманіе своихъ монарховъ, и когда преобладали государствен-ныя нужды, открывали имъ свои сокрови-ща. Генрихъ IV, пронувшій усердными

пожертвованіями гражданъ Ліонскихъ для уплаты жалованья Швейцарскому войску, сказалъ въ одномъ изъ своихъ манифестовъ: „да будутъ чужды мнѣ подозрѣнія и недовѣрчивость къ Ліонцамъ! Никогда не буду я строить крѣпостей въ ихъ городѣ; я построю крѣпости въ ихъ сердцахъ.“

Ліонъ особенно достопримѣчателенъ количествомъ и качествомъ своихъ фабрикъ, составляющихъ основаніе и опору его торговли. Суконныя и шляпныя фабрики процвѣтали здѣсь еще въ четырнадцатомъ столѣтіи; книгопечатаніе, кожевенные заводы и канашныя фабрики въ пятнадцатомъ, бумазейныя въ шестнадцатомъ. Но особеннаго вниманія достойны фабрики шелковыя, которымъ Ліонъ обязанъ своею извѣстностію, а большая часть жителей его своимъ благосостояніемъ. Онѣ основаны были въ 1536 году при Францискѣ I, и достигли теперь до такого совершенства, что не боятся уже никакого соперничества. Прочность красокъ, изящество и разнообразіе узоровъ, яркость цвѣтовъ и тщательнѣйшая отделка даютъ преимущество ихъ издѣліямъ предъ

всѣми прочими, вырабатываемыми въ Европѣ и въ Америкѣ. Вкусъ къ ихъ парчамъ, бархатамъ и шалямъ распространился равнымъ образомъ во всѣхъ частяхъ міра. Пышные и великолѣпные ихъ обои употребляютъ для украшенія дворцовъ и большей части храмовъ католическихъ. Въ публичной городской библіотекѣ сохраняется одна аллегорическая картина, работанная на фабрикѣ Сегеня и Іеминца по рисунку Ревуала; она представляетъ Французскій гербъ, прирванный до половины щитами Русскимъ, Прускимъ и Австрійскимъ; и по согласію цвѣтовъ, по тонкости позолоты и игрѣ тѣней, можетъ служить образцемъ въ изящныхъ издѣліяхъ этого рода. Златошвейная фабрика рисовщика Бони славящаяся также изящностію шпильныхъ картинъ.

Модные здѣшніе *магазены* по справедливости могутъ называться храмами вкуса и роскоши. Богатство матерій, обиліе цвѣтовъ и блестящіе узоры ослѣпляютъ взоръ и удовлетворяютъ въ полной мѣрѣ прихоти любопытства. Каждый цвѣтъ посвященъ памяти какого нибудь баснословнаго

*

лица или историческаго предмета; одинъ называется прахомъ Троянскимъ, другой шлемомъ Ахиллесовымъ, претій румянцемъ Венеры и такъ далѣе.

Съ нѣкотораго времени цѣна всѣхъ вообще издѣлій и въ особенности шелковыхъ получили большее преимущество предъ прежними въ блескъ и прочности. Къ усовершенствованію ихъ много способствовалъ профессоръ химіи *Реймондъ*, котораго уроки главною цѣлю имѣють распространеніе искусства составленія красокъ. Лабораторія его всегда бываетъ полна слушателей. Рисованье также есть одинъ изъ главныхъ предметовъ, которыми занимаются фабриканты, ихъ работники и ученики. Польза этого искусства очевидна; оно положило печать вкуса на всѣхъ узорчатыхъ матеріяхъ. Вообще Ліонцы не пренебрегаютъ никакихъ свѣденій, могущихъ улучшить ихъ издѣлія. Награды, раздаваемые ежегодно обществомъ поощренія за лучшіе представленные образчики, такъ какъ и соединенныя съ ними преимущества и права, рождаютъ въ промышленникахъ соревнованіе; а соревно-

ваніе ведешъ ихъ къ новымъ полезнымъ изобрѣшеніямъ.

Ліонская биржа помѣщается въ одной изъ залъ музея, подлѣ классовъ химическаго и рисовальнаго. Такое сближеніе учрежденій, повидимому разнородныхъ, покажется для многихъ страннымъ; но оно служишь доказательствомъ, въ какомъ отношеніи у Ліонцевъ промышленность и торговля съ искусствами и науками. Имъ извѣстно, что и первыя, безъ пособія послѣднихъ, не имѣютъ жизни, и послѣднія, безъ поощренія первыхъ, лишены движенія.

Въ Ліонѣ есть также депо для складки иноспиранныхъ незапрещенныхъ товаровъ и товаровъ колоніальныхъ, выгружаемыхъ въ Марсель; и тѣ и другіе получаютъ свободный ходъ только во мѣрѣ пребыванія или въ такомъ только случаѣ, когда уже пребыли одинъ годъ въ депо.

Ліонъ стоитъ на такомъ мѣстѣ, которое назначено самою природою для складки товаровъ и для мѣны произведеній сѣверныхъ на южныя. Саона, имѣющая сообщеніе съ Лоарою посредствомъ Бургундскаго канала,

и съ Рейномъ посредствомъ другаго вновь
устроеннаго, открываетъ Лиону пути
въ Парижъ, въ земли Рейнскія, въ Гер-
манию и чрезъ Океанъ въ Америку; посред-
ствомъ Роны, впадающей въ Средиземное
море, онъ имѣетъ сообщенія съ южною Фран-
ціею, съ Италіею, Испаніею и Левантомъ.
Матеріалы для своихъ фабрикъ и прочія по-
требности, необходимыя для жителей, по-
лучаетъ онъ изъ окрестныхъ департамен-
товъ. Конд'оръ, Эль и Изера доставляютъ
ему хлѣбъ, спроекъ лѣсъ и дрова; Аруень,
Гардъ и Дрома снабжаютъ его самымъ луч-
шимъ шелкомъ, а Лоара каменнымъ углемъ;
Ніевра и Пуи-де-Домъ окриваютъ на его
рынки рогатый скотъ. Собственный его де-
партаментъ производитъ прекрасныя вина
Комдріе, Кош-Ропи, Семп-Фуа и другія. Ру-
ды мѣдныя, свинцовыя, и превосходныя каме-
ноломни находятся почти при впахахъ его.
Ко всемъ этимъ пособіямъ прибавимъ удоб-
ность дорогъ, исправность дилижансовъ,
устройство пароходовъ; и мы получимъ полное
понятіе о средствахъ, способствующихъ
распространенію Лионской торговли.

За нѣсколько времени передъ ошкрытіемъ революціи число жителей въ Ліонѣ проспиралось до 150,000; но послѣ осады и по разрушеніи города оставалось въ немъ только 98,000. Нынѣ (въ 1823 году) считаютъ около 130,000; изъ нихъ до 50,000 занимаются работами на фабрикахъ. Если во время правленія Наполеонова безпрестанные рекрутскіе наборы, похищая у родителей дѣтей, у женъ ихъ супруговъ, неминуемо должны были разорять и опустошать цѣлыя семьи; но крайней мѣрѣ, при крепкомъ нынѣшнемъ правленіи, подѣ сѣнію мира и тишины, можно ожидать быстраго приращенія жителей. Миръ раждаетъ промышленность и торговлю; а торговля въ городахъ, какъ и земледѣліе въ деревняхъ, всегда способствовало умноженію народонаселенія.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЯ МѢСТА и ЗРѢЛИЩА.

Городской садъ. Воздухоплавательница г-жа ГАРНИЕРЕНЪ. Бульваръ. Русскія горы. Театры.

Шестъ дней Лионцы работаютъ на фабрикахъ и шоргуютъ, седьмой посвящаютъ отдыху и прогулкамъ. Въ воскресенье и въ праздники волны народа спремются въ городской садъ, на бульвары, въ предмѣстїя, въ пшантры.

Передъ воротами сада стоитъ мраморный бюстъ Аббата Розьера, памятникъ признательности гражданъ къ заслугамъ его въ еспешливенной испорїи. Богатое собраніе правъ, цвѣшовъ и деревьевъ, опмѣнное мѣстоположеніе и прекрасные виды, заманиваютъ въ садъ невольно. Тѣнисная аллея, поднимаясь и опускаясь по скамамъ пригорка, составляетъ обширный кругъ. Въ средоточїи его находишся ша ровная площадь,

копоруу анпикварім обыкновенно называють Римскимъ амфишеспромъ или навмахіею. Сколько ни были хипры древніе въ изобрѣшеніяхъ, однако, надобно признашья, новѣйшіе много превзошли ихъ силою духа. Первые плавали только по сушѣ, а послѣдніе нашли средство путешествовать по воздуху.

30 Сентября въ 5 часовъ по полудни мадамъ *Гарнеренъ*, сѣвши въ лодочку, привязанную къ аеросташу, схвативъ въ одну руку флагъ и разсыпая другою цвѣты на изумленныхъ зришелей, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ и восклицаніяхъ, улетѣла къ облакамъ, подобно быстрой и огромной пшпцѣ. Около шрѣхъ минулъ шаръ неся по направленію сѣвернаго вѣтра; вдругъ обратился въ противоположную сторону. Сто тысячъ зришелей не спускали съ него глазъ и показывали его другъ другу даже и въ то время, когда онъ терялся въ туманѣ. Вдругъ лодочка ошорвалась; женщины и дѣши ахнули; воздухоплавапельница падаетъ спремглавъ; и не прежде, какъ по раскрытіи парашута, спала тихо и плавно спускашья на землю,

въ 7 верстахъ (около двухъ лье) отъ города. Г-жа Гарнеренъ не издавала ни журнала, ни писемъ о своемъ путешествіи; но объявлено только было на другой день въ афишкахъ, что любопытные, плаща по одному франку, могутъ слышать всѣ подробности изъ устъ самой путешественницы.

Лучшій бульваръ Ліонской есть аллея, идущая, вдоль праваго берега Роны, по набережной и по плашинѣ Паррашѣвой. Она простирается верстѣ на пять и оканчивается при соединеніи Роны съ Саоною. При началѣ этой аллеи, со стороны Швейцаріи, стоитъ огромный кофейный домъ. Богато убранная зала его содержитъ пристра споловъ, за которыми можетъ помѣститься до тысячи человекъ.

За Роною, въ предмѣстіи Гильошерь, построены *Русскія горы*. Хотя надпись надъ воротами переименована и Русскія горы превращены въ Элисейскія поля города Ліона, *Elysée Lyonnais*; однако народъ зоветь ихъ первоначальнымъ и собственнымъ именемъ. Посреди сада, прямо противъ горы, стоитъ открытый кофейный домъ. Съ правой его

споромы, напились колясочки вокруг амфитеатра, занимаемого комедиантами; съ лѣвой находились небольшой театр и бульваръ украшенный спашуами, представляющими игроковъ на флейшъ. Колясочки всѣ двухъспинныя съ суконными или бархатными подушками. Пробѣжавъ съ неизвѣстной быстротою большой кругъ, онѣ возвращаются къ самому подножію горы и поднимаются по шомъ на верхъ посредствомъ колеса, обрабатываемаго лошадыю.

Недалеко отъ Русскихъ горъ стоитъ пирамида съ храмомъ, посвященная памяти 300 гражданъ, убитыхъ на эпомъ иѣспѣ во время революціи.

Въ Ліонѣ два театра и нѣтъ ни одного истиннаго актера. Въ большомъ театрѣ играютъ драмы, комедіи, оперы и балеты. Танцовщицы и танцовщики сносны; въ оперѣ одинъ порядочный пѣвецъ; комедіи жалки, драмы скучны. Очень хорошо, что не посягаютъ на трагедію. Я видѣлъ балетъ Амура и Психею. Сорококошій актуръ сдѣлалъ по театру нѣсколько скачковъ и потчасъ взялъ отставку. Во второмъ и третьемъ

дѣйствию роль его играла одна танцовщица. Новый амуръ покидаетъ Психею, садится съ нею на облако, но облако не пошло съ нѣша. Амуръ оставляетъ прелесное свое положеніе, сердится; движетъ руками и ногами облако; но облако не слушается; и наконецъ опустился занавѣсъ при всеобщемъ смѣхѣ и рукоплесканіяхъ.

Въ маломъ театръ *des Celestins* играютъ легкія комедіи и водевили. Спранно, что во второмъ городѣ Франціи нѣтъ ни одного хорошаго актера даже и для водевилей. Худая игра, худыя піесы, прописыныя правиламъ искусства и нравственности, буйство публики, копорую составляетъ здѣсь всякая сволочь, — вошъ оплечивельныя черпы театра.

На большомъ театръ я слышалъ концерты и варіаціи перваго королевскаго флейшмейстера, знаменишаго *Друе*, извѣстнаго уже и нашей Московской публикѣ. Быспроша, легкость и нѣжность оплечиваютъ его флейшу; но любители музыки болѣе всего удивляющагося его акордамъ и акомпанимантамъ. Въ одно и тоже время онъ играетъ

на флейшъ и сопровождаешъ ее, такъ ска-
зашъ, фагопомъ, а иногда какъ бы и двумя
фагошами. Друе играешъ и никшо не смѣешъ
двигашься и дышашъ; все пыхо, все очаро-
вано! Онъ опускаешъ флейшу—и все шумипгъ
опгъ избытка чувствъ; рукоплесканія и вос-
клицанія потрясають театръ.

СТАРИННЫЕ ПРАЗДНИКИ ВЪ ЛЮНѢ.

Пятидесятница; Св. Дюнсия; крестный ходъ на гѣкъ Саонгъ;
поездъ вумажной лошади. Гимнастика и играца на островѣ
Ильбаръ.

Ильбарбъ, красивый островокъ, омывае-
мый Саоною, два раза въ годъ бываешъ са-
мымъ веселымъ и шумнымъ гульбищемъ. Во
время Пасхи и Пятидесятницы раскиды-
ваются здѣсь, подъ шѣною деревьевъ, палат-
ки, гремипгъ музыка, скачупгъ скоморохи,

прыгаюць на канатахъ танцовшчыкі і танцовшчыцы. Групы народа, движучыяся по скалахъ окрестныхъ холмовъ,—коляска, плянучыяся по дарогамъ,—лодкі і шлюпки, напываючыяся ў верхъ і ніжэй по спруамъ Саоны,—всё гэта, по словамъ Ліонцевъ, складае самую прыяную і разнаобразную карціну.

Обрядъ ў дзень *Пяцідзесятніцы* ў Ліоні ёсць оспашокъ аднаго дрэвняга, вельмі дастойнага прадніка, атрымаўшага пачало сваё ў прынадцамомъ спольмі, вкортъ по мнмомъ сядіненіі Греческай царквы сь Лашынскаю на Вселенскомъ Ліонскомъ саборі. Нышто Жанъ-ле-Грасъ, священнікъ манастыря Св. Петра, ў ознаменаваніе сваяго восторга, по случаю гэтаго пражшештвіа, учредіў два крэпныхъ хода. Одынъ ізъ ныхъ ежэгодна во время Пяцідзесятніцы опправляеся ў аббатство Бенедыктынскае, аснованое на оспрові Ільбарбъ ещэ ў первыя вѣкі Хрысціанскай вѣры; і кождый разъ супроводжаеъ быў всеобщемо пляскою, которая опкрывалася танцамъ священніка сь святою сеспрою

или матерью, игуменьей Пепровскаго монастыря.

Ліонъ имѣлъ очень много другихъ праздни-
ковъ, ознаменованныхъ подобными спранно-
стями. Напр. въ день *Св. Діонисія*, верспахъ
въ пѣши опъ города по дорогъ Ліонской,
бывало. самое шумное собраніе народа, похо-
жее на всеобщій маскерадъ. Здѣсь всѣ вообще
посѣщители, и бѣдные и богатые, имѣли
право другъ надъ другомъ сифяшся и другъ
друга оскорблять съ какою-шо должною бла-
гоприспойностію. Маскерадъ сей, безъ со-
мнѣнія, естъ остатокъ древнихъ Бахусовыхъ
празднествъ. Христіане западной церкви въ
первые вѣки, не хощя разстаться съ язы-
ческими обрядами и игрищами, вѣроупно
перемѣнили одного шолько ихъ патрона
и вмѣсто Бахуса, который назывался у
Грековъ Діонисіемъ, избрали соименнаго
ему Св. Діонисія. Въ 1711 году 11 Октябрия
вышло изъ города на эшопъ праздникъ
около 30,000 человекъ. Зорю ударили на.
укрѣпленіяхъ ранѣе обыкновеннаго; часо-
вые хощли считашъ всѣхъ гражданъ, ко-
торые должны были входить въ городъ по

Гильошерскому мосту. Вскорѣ опть тѣсно-
ты и опть опрокинутыхъ колясокъ произо-
шло ужасное смятеніе; шакъ что, не смодира
на всѣ мѣры, принятыя полицією, задавлено
и ушонуло въ Ронѣ въ шо время 238 чело-
вѣкъ. Нѣсколько дней спустя, народъ, подоб-
но Вакханкамъ, схватилъ сержанша Белера,
котораго онъ почишалъ виновникомъ смяте-
нія, и расперзалъ его на часши.

Къ самымъ пышнымъ праздникамъ Ліон-
скимъ принадлежалъ *крестный ходъ на водѣ*,
кошорый успановленъ былъ еще въ первые
вѣки Христіанской вѣры, въ воспоминаніе
какого-шо величайшаго чуда, забышаго са-
мыми Ліонцами. Священный флотъ отпра-
влялся обыкновенно изъ предмѣстія Ваизы
и спускался по Саонѣ до церкви Энэ. На су-
дахъ, убранныхъ цвѣшамъ и древесными
листьями, гремѣла музыка и пѣпы были
молебны и антифоны. Духовенство и многіе
изъ мірянъ наряжались въ какіе-шо символы,
имѣвшіе опношеніе къ шому происшествію,
кошорое они представляли. Въ шу самую
минушу, какъ флотъ приближался къ Саон-
скому мосту, съ верху одной арки, называе-

мой чудесною, бросали въ рѣку воловъ, которыхъ послѣ того ловили, убивали, жарили и ѣли за общимъ споломъ, по окончаніи хода.

Въ 1400 году произошелъ въ Ліонѣ бунтъ, по случаю возвышенія цѣны на съѣстные припасы; и мяшежники дошли до такой спешени неистовства, что перемѣнили даже самый образъ городского правленія. По возстановленіи тишины и порядка, граждане, не принимавшіе участія въ мяшежѣ, вздумали предать памяти сей безразсудный поступокъ учрежденіемъ *побѣда слупой или безмозгой лошади* (*fête du cheval fou*). Во время этого сапирического праздника одинъ изъ весельчаковъ, съ вѣнцемъ на головѣ и съ скипетромъ въ рукѣ, садился верхомъ на бумажнаго коня и бѣгалъ изъ улицы въ улицу. Впереди его шло множество музыкантовъ; за нимъ слѣдовала вся чернь, которая плясала и скакала по лошадиному.

На островъ *Ильбарбб* собирались также до пяти разъ ежегодно шолпы масперовыхъ, для гимнастическихъ упражненій. Вооруженные пиццальми, мечами, дропиками и копьями,

они шли съ распущенными знаменами, при звукѣ лимпановъ. Сверхъ того, почти каждый праздникъ приходили сюда поселяне изъ окрестныхъ деревень и граждане изъ Ліона и сосѣдственныхъ городовъ, съ женами, дѣтьми и семействами, для игрищъ и пляски. Мужчины и женщины плясали сперва подлѣ монастыря; потомъ въ монастырь и даже въ кельяхъ съ аббатами. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія одинъ изъ настоятелей пустыни, для прекращенія соблазновъ, приказалъ затворить ворота монастырскія. Чшожь послѣдовало? Разъяренный народъ разломалъ стѣны и вошелъ силою. Таковъ духъ предковъ Ліонскихъ! Онъ живенъ и въ потомкахъ. Во время безначалія, изувѣріе расхищало всѣ драгоцѣнные вклады, принесенные королями въ даръ аббатству, и срыло самыя основанія монастыря. Здѣсь хранилась одна изъ древнѣйшихъ Французскихъ библиотекъ, собранная епископомъ Лейдромъ для Карла Великаго; она испреблена была протестантами еще въ шестнадцатомъ столѣтіи.

ЛІОНСКІЙ МУЗЕЙ.

ПАМЯТНИКИ РИМСКІЕ И СРЕДНІХЪ ВѢКОВЪ. КАРТИНЫ МЕРТВОЙ ПРИРО-
ДЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ. ЛІОНСКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ И ВАЯНІЯ.

Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ чинишь рос-
казни словоохотливыхъ и хвастливыхъ Фран-
цузовъ, когда дѣло идетъ о произведеніяхъ
ихъ водчепива. Самый обыкновенный бал-
конъ и столбикъ даютъ уже имъ поводъ
къ восторгу; а въ восторгъ они не щадятъ
никакихъ украшеній. Напримѣръ, чего не
прибавило прихотливое ихъ воображеніе къ
описанію наружности эшаго музея? „Какой
величественный фасадъ! Какія колонны, пе-
риспиды, бельведеры! однимъ словомъ: эшо
дворецъ!“

*

Вошъ что называется изъ мухи дѣлать слона. Нѣшъ; это не дворецъ, а простой квадратный домъ самой обыкновенной архитектуры; домъ, ничего не имѣющій особеннаго, кромѣ не ксшаши нагороженныхъ анпресолей и слуховыхъ оконъ, разрушающихъ правильность зданія.

Но чѣмъ менѣе общается его наружность, тѣмъ болѣе удовлетворяетъ внутренность. Большой квадратной дворъ имѣетъ со всѣхъ четырехъ сторонъ портики; надъ ними проведена открытая терраса съ желѣзною рѣшеткою. Посреди площади стоитъ новая мраморная статуя Аполлона на древнемъ жертвенникѣ, посвященномъ сему божеству, названному въ надписи *Святыйиѡ*. Жалко, что это миниатюрное произведеніе рѣзца среди обширнаго двора совсѣмъ теряется изъ виду. Въ самыхъ портикахъ разставлены повсюду древнія гробницы, урны, маски, амфоры, надписи, ошломки статуй и многіе другіе памятники Римскіе, вырытые изъ земли или найденные въ городѣ и его окрестностяхъ. Начало сему собранію положено было вскорѣ послѣ

революціи, когда Ліонъ еще лежалъ въ развалинахъ. Лишь только вышелъ чадъ мнѣжнаго духа изъ головы Французовъ; они опомнились и подъ грудами новыхъ камней спали исканья старыхъ. Для Ліонянъ, безъ сомнѣнія, всѣ эти остатки древностей должны быть дороги по тому, что ими открываются неизвѣстные и объясняющія темныя черпы ихъ исторіи: но вообще для любопытныхъ, достойны вниманія одинъ дискъ одинъ павробалтескій жертвенникъ, одинъ саркофагъ и три или четыре надгробныхъ камня.

Важные Римляне иногда любили шутить и шамъ, гдѣ надобно было лишь слезы. Вотъ нѣсколько надгробныхъ надписей, копоры могутъ дать объ этомъ понятіе. „Суція Анеида, сказано въ одной изъ нихъ, сдѣлалась нечестивою отъ того, что была слишкомъ благочестивою.“ Бланинія была женщина самая скромная и невинная; мужъ, по смерти ея, вырѣзалъ на гробѣ слѣдующія слова: „чипашель! иди въ бани Аполлоновы и купайся, какъ я съ моею женою купался; еслибы можно было, я и еще тоже бы сдѣлалъ.“

Добродѣтельная Сепшиція Геминна даетъ изъ гроба своему супругу слѣдующее насшавленіе: „Другъ мой! играй, веселись и приходи ко миѣ.“ Но что можетъ быть лучше этой тонкой и сильной похвалы, написанной въ честь молодой и безъ сомнѣнія прекрасной дѣвушки, Камиллы Августиллы? „Она ни чѣмъ не огорчала своихъ родителей, и огорчила одною только смертію.“

Изъ памятникѣвъ среднихъ временъ достоинъ примѣчанія одинъ барельефъ, принадлежащій девятому вѣку. Онъ предшавляетъ графа Ричарда, стоящаго на колѣнахъ и молящагося Спасителю симъ стихомъ: „Христѣ, врачу грѣшниковъ! Помилуй меня грѣшнаго; *Christe, rei miserere mei, medicina georum.*“ Павелъ Апостолъ, предшавляя его Христу, говоритъ: „Я Павелъ прошу ему даровъ Божіихъ и упокоенія небснаго; *Paulus ei peto dona Dei requiemque caelorum.*“ Спаситель, изображенный въ верхней части барельефа, держитъ въ лѣвой рукѣ книгу, благословляетъ графа правою и произноситъ слѣдующія утѣшительныя слова: „засшупленіемъ Павла и за добрыя дѣла твои

Я возношу тебя въ горнія селенія: Pro Paulo, pro te, tecum super astra fero te.“

Широкая лѣстница ведетъ въ огромную залу музея, раздѣленную на три части двумя арками и чешырьмя колоннами. Полъ въ ней мраморный; пошолокъ украшенъ живописью и медальономъ, представляющимъ городъ Ліонъ; въ основаніи залы споймъ на подножіи гипсовал, колоссальная сшашул Паллады. Первое отдѣленіе галлерей посвящено мершвой природѣ; а первое мѣсто между эшими карпинами занимаетъ *Ваза Іоганна Фан-Гюйза* съ розами, піюльпанами, маками. Знашюки удивляющся какъ живописи цвѣтовъ, такъ и щщашельнѣйшей отдѣлкѣ пишчяго гнѣзда съ лйцами, лежащаго подлѣ вазы. Горшокъ изъ красновашой глины, поставленный на мраморномъ спюликѣ и на-полвенный розами, медвѣжьими ушками и маргарипками есшъ произведеніе легкой и нѣжной кисти г-жи *Брюерѣ*, опличавшейся во многихъ родахъ живописи. Какъ эти, такъ и большая часть другихъ подобныхъ картинъ, безъ сомнѣнія, превосходны; въ нихъ найдете и правильность рисовки и

точность колорита и гармонію въ цѣломъ; совсѣмъ тѣмъ онѣ нимало не занимають воображенія. Опъ чего жъ это происходитъ? Опъ того, что всѣ онѣ представляютъ природу мертвую, имѣющую къ намъ весьма малое отношеніе; и не только мертвую, но еще высканную и, такъ сказать, не естественную. Мы любимъ видѣть овощи на грядкахъ, цвѣты въ полѣ, плоды на деревьяхъ; но подобныя изображенія въ картинахъ, отклоняясь отъ простоты природы, выказываютъ только изысканность человеческого искусства. Это почти тоже въ живописи, что въ краснорѣчіи не ксаша и чрезъ мѣру наизнанные ораторскія прикрасы. „А *картушъ Геелы*, скажутъ мнѣ; развѣ это не превосходная картина?“ Картушъ (*), обвѣнчанный цвѣтами и плодами, лежашъ на двухъ орлахъ и двухъ рогахъ изобилія; посреди его порпшетъ одного молодого Шпашгалштера изъ дому Оранскаго; внизу левъ держашъ померанецъ; однимъ словомъ: это гербъ. Но

(*) Завитокъ, украшеніе капителя; — слово, употребляемое собственно въ зодечествѣ.

могутъ ли быть предметомъ живописи гербы, которые почти всѣ состоятъ изъ химеръ, не существующихъ въ природѣ? Кромѣ того художникъ писалъ эпосъ поршреть не съ поршрета и не съ медальона; но представилъ намъ самаго Шшашгальшера сидящимъ на щиту герба своего и выглядывающимъ изъ за куста розъ и изъ за деревьевъ. Какая странная смѣсь природы съ геральдикою! „А павлинь Депорта? А кошка Миньона? Гордый павлинь съ распущеннымъ, блестящимъ яркими красками, хвостомъ, на садовой шеррасѣ, передъ корзинкою винограда, за копорымъ плянется снизу обезьяна. Сѣрая кошка въ то самое мгновеніе, какъ хотѣла броситься за мышью, бѣгущею изъ западни, повалила вазу съ цвѣтами. Здѣсь оживлена природа и по крайней мѣрѣ есть уже какая нибудь мысль; однако шѣже самыя живописныя, копорыя столько занимающъ насъ въ басняхъ, мало занимательны въ карпинахъ: пошому что въ поэзіи они имѣютъ опредѣленные характеры, и облагораживаются иносказаніемъ, а въ живописи они теряющъ это преимущество.

Средняя зала посвящена *картинамъ историческимъ и портретамиъ*. Число ихъ простирается до 100; я упомяну здѣсь только о тѣхъ, которыя достойны особеннаго вниманія.

Священное писаніе всегда было самымъ обильнымъ и неисчерпаемымъ источникомъ для живописи. Набожность Христіанъ, духъ времени, особенное назначеніе картинъ, для которыхъ церкви въ прошедшіе три вѣка были почти единственными музеями, и наконецъ самый вкусъ папъ и прочихъ покровителей художествъ заставляли всегда живописцевъ искать и предметовъ и вдохновенія въ прогашельныхъ и высокихъ чертахъ Евангелія. Такимъ образомъ составилась, такъ сказать, особенная школа живописи, *Христіанская*.

Поклоненіе волхвовъ есть поэма Христіанской живописи. Рожденіе младенца прежде вѣкъ рожденнаго, торжество неба и земли, изумленіе Ангеловъ и человѣковъ суть такіе предметы, которые всегда одушевляли художниковъ священнымъ воспоргомъ. Каждый изъ нихъ старался дать сему великому

дѣйствию новый ходъ, новыя лица и новое выраженіе. Въ здѣшнемъ музеѣ есць при превосходныхъ карпины, представляющія поклоненіе волхвовъ; онѣ принадлежатъ Рубенсу, послѣдователю его школы Жаку Жордену и уроженцу Ліонскому Жаку Стеллѣ, жившему въ XVII вѣкѣ.

Обрѣзаніе Спасителя есць одно изъ лучшихъ произведеній Гвертино, живописца Болоньской школы. Обрядъ совершается въ присушствіи Святой Дѣвы и Святаго Іосифа. Не смотря на доспомышва этой карпины, ниѣ кажется, главное дѣйствіе ея выходишь изъ предѣловъ живописи. Нишпо изъ художниковъ не долженъ имѣшь сполько оспорожности въ выборѣ предмета, какъ живописецъ и ваятель; они изъ цѣлаго дѣйствія ловяшь одно шолько мгновеніе, останавливаютъ его на вѣки; и представляють его не другому чувству, какъ зрѣнію, кошорое всегда было самымъ спрогимъ судьею.

Вознесеніе Христа есць подлинникъ учителя Рафаелева. Іисусъ оставилъ землю и восходишь на небо; Свяшная Дѣва Марія и

Апостолы подъемятъ очи горѣ. Одинъ изъ Апостоловъ, который смошришь прямо на зрштеля, по мнѣнію нѣкоторыхъ, естъ самъ *Перуджино*. Эта карпина подарена была папою Піемъ VII, въ знакъ памяти и благо-склонности его къ городу Ліону. Она еще носишь на себѣ печать Греческаго вкуса. Греки среднихъ временъ давали шѣлу положеніе искривленное, когда хотѣли предспа-вишь легкость; въ такомъ же видѣ и Перуджино изобразилъ Спасителя. Греки обво-дили головы Святыхъ золотыми кругами или окладами; тоже самое сдѣлалъ и Перуджино. Греки не вещеспивенному давали обра-зъ вещеспивенный; также поступилъ и Перуджино, изобразивъ благодать Божію надъ каждымъ Апостоломъ въ видѣ багро-ваго пламени.

Огромная рамка, имѣющая 17 футовъ вышины и 11 длины, оспанавливаесть не-вольно зорѣ; новое и необыкновенное дѣйствіе раждаесть въ насъ любопыш-ство. Св. Францискъ и Свяшій Доминикъ со многими другими Святими молящъ Хри-ста удержашъ молніи, готовыя разрушшть

вселенную. Возлежащій на облакѣ, Сынъ Божій держитъ огненные перуны. Мысль странная и, можетъ быть, основанная на легендахъ западной церкви; но расположеніе группъ, пламенное моленіе, выраженное на лицахъ, яркость и сгибы богатыхъ одѣяній, и наконецъ имя *Рубенса* защищаютъ сочиненіе и содержаніе картины отъ суроваго суда.

Възніаніе Максимилиана и его супруги драгоцѣнно для любителей художества, какъ одинъ изъ первыхъ памятниковъ возрождавшейся живописи. Младенецъ Иисусъ смотритъ на Императрицу, Божія Матерь на Императора; чины Ангеловъ держатъ вѣнки надъ головами помазанниковъ, покорныхъ Божеству и судьбамъ его; сановники двора и народъ окружаютъ ихъ съ благоговѣніемъ. Эта картина есть твореніе начальника Нѣмецкой школы *Алберта Дурера*, современника Рафаэлева. Во второмъ планѣ онъ изобразилъ самого себя смотрящимъ прямо на зрителя и держащимъ картину съ надписью: „*Albertus Durer pictor.*“ — Краски

темныя; но правильность рисовки, характеры лицъ, разнообразіе и единство дѣйствія удовлетворяющъ въ полной мѣрѣ любопытству знатоковъ.

Католическая легенда рассказываетъ чудо о Святомъ Францискѣ. Мощи сего праведника, обрѣщенные неплѣнными, долго лежали въ пещерѣ подъ главнымъ олтаремъ церкви, посвященной ему папою Григоріемъ IX. Богъ хотѣлъ явить на немъ новую благодать—и онъ вспалъ изъ гроба, и долгое время оспавался на ногахъ съ обращенными къ небу очами. *Иосифъ Рибера*, живописецъ Испанской школы, прозванный *Эспаньолетомъ*3, представилъ его въ этомъ спрашномъ положеніи. Лице — образъ мертвеца; глаза открытые и поднятые; уста полуотверстыя; ряса черная и опоясанная; руки сложены; въ плѣхъ недвижимоспъ; однимъ словомъ, это мертвая приroda, поражающая зрителя ужасомъ.

„Уже въ спѣнахъ древней Капитоліи все было приготоовлено для вѣнчанія Тасса, какъ вдругъ шумная молва пронеслась по спогнамъ Рима съ печальною вѣспію о его смерти. Друзья его, родные и чпители текутъ пол-

нами въ монастырь Св. Онуфрія, гдѣ лежали смертные оспашки пѣвца Іерусалима; спавшій шѣло его на одрѣ погребальный и кардиналъ Цинпіо кладетъ на голову своего друга вѣнецъ торжественный.“ Въспѣваніе прекрасной картины живописца Парижскаго *Дюссиса*. Пѣснопѣвецъ проспертый на одрѣ—блѣденъ и бездыханенъ; вокругъ его пылають свѣчи; плачущій Цинпіо вѣнчаетъ чело его лавровымъ вѣнкомъ; народъ погруженъ въ глубокую печаль. Дѣйствіе свѣта и блескъ красокъ очаровываютъ взоръ; всаприваешься и, кажешься, видишь колеблемые движеніемъ воздуха, багровые огни и черный курящійся дымъ.

На чемъ еще остановишь намъ неперпѣливой взоръ, увлекаемый безпрестанно любопытствомъ? Въспѣваніе *Даная Тинтореттова*, образъ нагой красавицы, услада очей. Она приподняла голову и, опираясь на правую руку, смотритъ на золотой дождь, ее орошающій. Въ голубыхъ глазахъ ея изумленіе и сладострастіе, въ нѣжномъ шѣлѣ томленіе, въ круглыхъ грудяхъ дыханіе.

Вопъ двѣ головы, изображенныя на одной доскѣ. Рѣдкіе сѣдые волосы кажутся заломъ мудросши; взоръ попухающій, но проницабельный; лице и чело покрыты морщинами, но не глубокими. Переходъ отъ силы къ дряхлосши, соединеніе просмоты съ благородствомъ, сліяніе искусства съ природою — отличаютъ это произведеніе *Вандика*, представляющее, вѣроятно, Апостоловъ Петра и Павла. — Вопъ и воины *Теньера*, ученика Рубенсова, — въ темной спорожкѣ замка, за большимъ споломъ, въ разныхъ положеніяхъ, съ разными чувствами. Въ картинѣ *Вандиковой* я воображаю дѣйствіе, здѣсь вижу его передъ собою; изображенія Апостоловъ одушевлены мыслями, — воины *Теньеровы* движутся, смотрятъ и все видятъ, кромѣ Ангела, за желѣзною рѣшеткою снимающаго оковы съ Петра. Первые только чпо не говорятъ: смотря на послѣднихъ, вы, кажется, слышите ихъ шумъ и хохотъ, раждаемые необузданнымъ веселіемъ. Перспектива полей, открывающихся сквозь окно, весьма правильна; красота ландшафта и темная внутренность спорожки, — Ангелъ, ведущій

Апостола изъ темницы, и войны, занятыя азаршною игрою въ кости, составляютъ разительную противоположность. Характеристики игроковъ, выраженія лицъ, чершежи' пуловищъ и самыя движенія ихъ все' превосходно.

Оспавляя сіи классическія пворенія, перейдемъ къ новой, такъ называемой, *Ліонской школѣ*. Живопись, подобно всѣмъ другимъ искусствамъ, есть вѣрное зеркало образованности того народа, которому она принадлежитъ; памятникъ его прошедшихъ усилій, свидѣтельство настоящихъ успѣховъ и залогъ будущихъ средствъ и способовъ. Въ этомъ отношеніи и нѣкоторыя изъ произведеній Ліонской школы достойны особеннаго вниманія.

Я видѣлъ дворецъ Фоншенбло въ напурѣ и удивлялся ему въ каршинѣ *Бугота*. Здѣсь искусство подражаетъ искусству и живопись торжествуетъ надъ зодчествомъ. Какое разительное дѣйствіе перспективны! Смотри нѣсколько секундъ на эту каршину, вы увидите и колонны и галерею и самую

площадь совершенно опдѣленными отъ дворца.

Флери Ришаръ представлялъ свиданіе Моншаня съ Тассомъ. Въ 1579 году послѣдній, по повелѣнію Герцога Альфонса заключенъ былъ, въ Феррарѣ, въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ и былъ долгое время предметомъ празднаго любопытства путешественниковъ. Волосы его всключены; передъ нимъ на столѣ и на полу разбросаны бумаги; онъ обращаетъ взоръ на Моншаня, пришедшаго поспѣшить его. Моншанъ всматривается въ Тасса и какъ бы испытываетъ, въ самомъ ли дѣлѣ великій поэтъ лишился разсудка. „Я, говоритъ Моншанъ въ письмахъ своихъ, почувствовалъ еще болѣе негодованія, нежели состраданія, когда увидѣлъ его въ Феррарѣ въ столь жалкомъ положеніи, переживающимъ самого себя и презирающимъ свой геній и свои творенія.“ Изъ шемницы ведетъ въ верхъ лѣстница, черезъ которую виденъ въ дали ландшафтъ; перспектива очень правильная.

Картина *Резуалы*, профессора Ліонскаго, представляющая рыцарскія игры, есть одна

изъ самыхъ сбивчивыхъ и многосложныхъ. Для входа въ эшотъ лабиринтъ, шакъ какъ и для выхода, необходима нишь испорическихъ объясненій. Дворянство Брешанское, собравшееся въ Рень (Reppes), подъ предводительствомъ Сира Рено и владѣтеля Ліонскаго, вступаютъ въ ручной бой и расходился. Началось метаніе копій. Въ это время является на поприщѣ юноша, вызываетъ противниковъ и одерживаетъ верхъ надъ четырнадцатью рыцарями. Рено горитъ желаніемъ испытать свои силы—и преклоняетъ копье предъ юнымъ незнакомцемъ. Наконецъ выходитъ противъ него одинъ Нормандскій рыцарь, славившійся искусствомъ сбрасывать шлемы. Послѣ щепныхъ усилій онъ падаетъ на землю; но не теряя присущаго духа, ударяетъ еще разъ въ чело побѣдителя и схватывается съ него забрало. Герольдъ Реновъ, прибѣжавшій на помощь побѣжденному, съ изумленіемъ оспанавливается, поднимаетъ руку и произноситъ имя героя. Это былъ сынъ Рено, Бернранъ дю Гескленъ. Герольдъ Ліонскій играетъ на трубѣ, между тѣмъ какъ опецъ Рено, стоя на под-

*

мосткахъ, изъясляесть удивленіе и радость. Посреди этого зрѣлища сидятъ въ ложѣ чешыре судьи, изъ коихъ одинъ поднимаетъ серебрянаго лебедя, назначеннаго въ награду побѣдшелею. Съ правой и лѣвой стороны птанутся ложи дамъ, украшенныя щипами рыцарей. На первомъ планѣ, при врапахъ поприща, спомнѣтъ воинъ; на сполбахъ видна слѣдующая спаринная надпись: „а biaux faicts, biaux loz; мзящнымъ доблестямъ, мзящная хвала.“

Надобно имѣть великій шаланшъ, чшобъ дать такому огромному шворенію единшво, многосложности простоту и ясность, дѣйствію занимательность, лицамъ постороннимъ приличное учашіе, лицамъ дѣйствующимъ характеры, характерамъ разнообразіе и пропшвоположность. Французы вообще имѣютъ спрасъ къ поэмамъ; хотя до сихъ поръ ни ихъ поэзія, ни живопись, ни музыка ничего не могли промзвесш опличнаго въ этомъ родѣ. Гескленіада Ревуалева покрайней мѣрѣ по имѣетъ достошншво, чшо въ ней изображены вѣрно одежда, доспѣхи, оружія, игры и обычаи чешырнадашнаго спо-

лѣшія;—доказательство несомнѣнное основательныхъ свѣдѣній сочинителя въ рыцарскихъ древностяхъ.

Между всѣми произведеніями Ліонской школы, можетъ быть, первое мѣсто занимаютъ виды г. *Гробона*, представляющіе соборную церковь Св. Іоанна и развалины Римскихъ водопроводовъ; виды, для которыхъ Французскіе газетны и журналы испостижили все свое краснорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться ихъ перспективѣ и дѣйствию свѣта. Чистыя струи Саоны, смѣющіеся берега ея,—знойный паръ, носящійся надъ фабриками,—холмы, усыпанные лучами солнца,—прозрачныя тѣни, отбрасываемыя горами,—все это въ картинѣ, какъ въ природѣ. Каждая черта есть дѣло времени, перпѣнія и усилій, но усилій такихъ, которыхъ вы не примѣчаете. Волшебная кисть художника, ничего не перемѣняя и не прибавляя, изобразила здѣсь природу очаровательную, и, что всего удивительнѣе, разлила на предметы такой опблескъ свѣта, котораго нельзя объяснить словами.

Таковы пруды и успѣхи Ліонскихъ художниковъ. Любили и знайоки живописи, отдавая имъ справедливосшь, безъ сомнѣнія пожелаюшъ теперь знать, въ чемъ состоиптъ ихъ школа. Не знаю. Какіе ея характеры? Не знаю. Чшоже значиптъ это громкое и почешное ея названіе? И на шо опивѣчатъ рѣшительпо не умѣю. Можетъ бытъ кришки опдѣлили ее опъ Французской школы по шому шолько, чшо г. Гробонъ и нѣкоторые другіе профессоры распростирили между Ліонцами вкусъ къ живописи ландшафтной и перспективной; сверхъ шого надобно еще замѣпипшь, чшо Французы имѣюшъ спрасшь изобрѣпатъ имена общеспвамъ, вещамъ и самымъ дѣпямъ прежде, нежели они получаптъ быпіе свое. Школа живописи, въ общеприняпомъ смыслѣ разсмаприваемая, оппичается или родомъ предметовъ, копорыми она занимается, или средспвами и способами, ею упопребляемыми, или наконецъ оригинальностію ея основателя. Ліонскіе художники не имѣюшъ ничего собспвеннаго, не были изобрѣпателами ничего новаго, слѣдовали всегда и всему чужому; слѣдовательно

и для школы ихъ, если она существуешь, итъи другаго характера, кромѣ *слиби*.

Впрочемъ идши по слѣдамъ, проложеннымъ великими геніями, умѣшь пользоваться ихъ изобрѣшеніемъ и приближаешься къ ихъ образцамъ, значитъ уже приближаешься къ совершенству; а Ліонцы, въ этомъ отношеніи, успѣли не только въ живописи, но и въ другихъ изящныхъ искусствахъ. Доказательствомъ служатъ слѣдующія при спашумъ, находящіяся въ музеѣ.

Рѣзецъ *Кортота* изваялъ изъ бѣлаго мрамора *Пандору*. Прозрачная мантія обви-
вается вокругъ ея легкаго и прекраснаго плѣа. Хорошая и простодушная дѣвушка, кажется, и сама не знаетъ, что въ этой ея коробкѣ скрывается зло для всего рода человѣческаго. — Юная *Евридика* только сей часъ купалась въ струяхъ свѣтлаго Пенел; но, выходя на берегъ, покрытыйправою, вдругъ почувствовала боль въ лѣвой ногѣ, кладетъ ее на правую ногу, смотришь на пята и не видишь зми, отъ нее убѣгающей. Молодой художникъ *Лежандръ Гераль* избралъ это мгновеніе для того, чтобы открышь

всѣ прелести Евридики; — шло мягкое и
нѣжное, перси круглыя и полныя, проспо-
душіе въ чертахъ лица дѣшское, положеніе
гибкое, легкое! Это грація въ покой!

„Спавыше себя на мѣсто того лица, ко-
торое хопише изобразишь:“ говорятъ зако-
нодателямъ вкуса; а Ліонянка *Сермези* сдѣлала
болѣе; она, кажется, поспавила свою Пси-
хею на мѣсто самой себя. Непостоянный и
вътренный амуръ забылъ свои кляпвы,
вспорхнулъ и скрылся. Осиропѣвшая Пси-
хея, сидя на камнѣ, погрузилась въ глубокую
меланхолію. Глаза ея, вперенные въ землю,
ничего не видятъ; она думаетъ, ни о чемъ
не думая; уша ея полуопверсны, но не
слышно ропота; соперница Венеры еще лю-
битъ бѣглеца своего. Нѣтъ; недовольно од-
ного вдохновенія, чтобы дать грубому кам-
ню такую нѣжную душу; надобно было са-
мой художницѣ испытать всѣ движенія
юнаго сердца, убишаго внезапною измѣною.
Это не легкомысленная Француженка, мгно-
венно забывающая горести; но вѣрная и
чувствительная Гречанка, вкусившая пер-
вые воспорги любви и вдругъ потерявшая

счастіе и проспившаяся со всѣми радостями жизни.

Я унижилъ бы талантъ художницы, если бы назвалъ ее членомъ Ліонской Академіи; она не членъ, а душа Академіи, украшеніе своего пола, честь роднаго города и опечеслива.

КАБИНЕТЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

Различіе между трудами педантовъ и вѣрно ученыхъ мужей. Египетскіе памятники. Вліяніе иносказательной, герооглифической религіи на порчу вкуса въ художественныхъ произведеніяхъ. Памятники Греческіе и Римскіе; Гальскіе и Сѣверныхъ народовъ. Достопримѣчательности: бронзовый Индійскій храмъ; Сенегальскій фетишъ; Египетская мумія; барельефъ Suovetaurilia; мозаики. Собраніе медалей. Две медныя доски съ вырезанного на нихъ рѣчью Императора Клавдія.

Въ Парижѣ есть очень забавная каррикатура, представляющая группу сѣдыхъ

аншикваріевъ. Спаршій изъ нихъ держипъ крѣпко и обѣими руками опломокъ какой-то монеты или медали; всѣ прочіе плянунся съ шакою на лицѣ судорогою, что, кажется, сейчасъ душа разспанется съ шѣломъ и выпрыгнетъ черезъ очки, которыми вооружены длинные носы ихъ.

О сколько есть въ природѣ такихъ людей, бѣснуемыхъ духомъ древности! Сколько потеряно трудовъ и создано масла (oleum perdididerunt), для объясненія памятник-ковъ, неважныхъ ни для исторіи, ни для словесности? Греки и Римляне пили и ѣли, можете быть, нисколько не заботясь о потомствѣ; а бѣдные потомки, лишая себя часто и пищи и питья, убиваютъ дни и кряхтящъ цѣлыя ночи за рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ: Какъ они пили и ѣли? Какія у нихъ были вина? Сколь велики ихъ кувшины, стаканы и рюмки? — Поставимъ себѣ на мѣсто Грековъ и Римлянъ и вообразимъ, что эти вещи, теперь насъ окружающія, черезъ двѣ тысячи лѣтъ будутъ предметомъ ученыхъ изслѣдованій и споровъ первыхъ мудрецовъ какого нибудь грядущаго поколѣ-

нія; что эту бушылку съ виномъ назовутъ чернильницею приказныхъ служителей, эту лодеколонную скляночку слезохранилищемъ молодыхъ вдовъ, а эти очки знакомъ опличія молодыхъ литераторовъ, для ношенія на носу по установленному порядку. Не поже ли дѣлають и теперь большая часпъ нашихъ аншикваріевъ? Не оскорбляють ли они великихъ пѣней Сципіона и Аннибала, называя ихъ серебряные щипы соусными блюдами? И не дѣлають ли излишней чеспи знаменитымъ древнимъ гаспрономамъ, называя соусныя ихъ блюда щипами Аннибала и Сципіона? Надобно признаься, что подобные споры очень не рѣдки вообще между людьми, имѣющими припязаніе на ученость. Тамъ, гдѣ еспъ пища ихъ самолюбію и тщеславію, — гдѣ надобно искашь испину въ поппахъ и можно блеснушь оспрошою ума, — болѣе или менѣе они всегда готовы обѣлишь черное и очернишь бѣлое, — изъ мухи сдѣлашь слона и изъ слона муху.

Вирочемъ мы были бы очень несправедливы, если бы, порицая или осмѣивая хвасповспво и педанспво, въ поже время не умѣли достойно

оплачивать таких благонамѣренныхъ и полезныхъ пружениковъ, какъ Монфоконъ, Винкельманъ, Кель и другіе имъ подобные мужи. Не они ли первые распоргли завѣсу невѣжества, висѣвшую надъ Европою? Не они ли возспавили умы отъ долговременной дремоты и оцѣпенѣнія? Не имъ ли обязаны мы любовью къ искуссвамъ и образованіемъ нашего вкуса? Истинныя заслуги ученыхъ, также какъ гражданскія и нравственныя доблести, по большой части, остаются непримѣнными для публики; но пѣть не мнѣ оны достойны вниманія и уваженія истинныхъ любителей просвѣщенія.

Стою среди памятниковъ глубокой древности, волнуемый новымъ и непонятнымъ чувствомъ, которое увлекаетъ меня изъ настоящаго міра въ прошедшій и сосредоточиваетъ все прошедшее въ настоящемъ. Надо мною носятся, останавливаются и исчезаютъ цѣлые ряды вѣковъ, какъ одно мгновеніе; передо мною возстаютъ, проходя и скрываются цѣлые народы, какъ призраки, какъ мечты воображенія. Гдѣ же слѣды ихъ существованія? Здѣсь, на этихъ

опломкахъ, напечатлѣнные глубоко и неизгладимо. Здѣсь отражаются ихъ дѣшество и мужество, нравы и обычаи, заблужденія, суевѣріе и образованность; однимъ словомъ, вся исторія ума человѣческаго. Начнемъ съ Египта. Вотъ цѣлые ряды Изидъ, Озиридовъ, Гарпократовъ, Горовъ, воловъ Аписовъ, собакъ Анубисовъ, богинь кошекъ и другихъ Египетскихъ идоловъ съ обыкновенными ихъ принадлежностями.

Вотъ *Горъ* или геній солнца съ распростертыми руками; въ одной держишь двѣ змѣи, въ другой скорпіона. По сторонамъ его знаки зодіака: левъ и овенъ; лицо его покрыто маскою пана; на головѣ митра съ перьями и колосьями; подножіемъ ему служилъ крокодилъ. Полагаютъ, что это барельефъ, изваянный изъ черноватаго серпентины, не что иное былъ, какъ родъ талсмана. Онъ весь покрытъ іероглифами, изъ коихъ восемь рядовъ перпендикулярныхъ спереди, двадцать чешыре горизонтальныхъ съ задней части, чешыре въ окружности, шесть внизу, два на основаніи.

Одна изъ вазъ, называемыхъ *канотами*, имѣетъ на ручкѣ два ряда гіероглифовъ. Крышка представляетъ голову Изиды, перевязанную покрываломъ; а во внутренности находится черепъ младенца, обвернутый пеленою и намазанный горной смолой. Вообще этого рода вазы назначены были, кажется, для храненія набальзамированныхъ членовъ усопшей особы.

Изида, сдѣланная изъ сикомора въ видѣ домовища или фушляра муміи, вся покрыта живописью. Шапка и борода расписаны синей финифтью; лицо и уши вызолочены; глаза, брови, губы, ноздри и черепъ лица означены черными линіями; на груди въ девяти полуциркулахъ представлены цвѣты, лопось, пріугольники и жемчужныя зерны, красныя, синія, зеленыя, бѣлыя, черныя. Внизу Озиридъ, сидящій между жрецомъ и жрицею, которые одѣты въ синее плащье; подъ ними рядъ гіероглифовъ (вышины 1 футъ 5 дюймовъ).

Большая часть Изидъ и другихъ мелкихъ идоловъ не что иное, какъ родъ Ларовъ, которыхъ Египтяне ставили повсюду для

предохраненія себя отъ злыхъ геніевъ. Одна изъ этихъ Изидъ держишь приугольникъ, похожій на букву А, означающую, по шлокованію Кирхера, Агашодемона или добраго генія.

Спрашивается: отъ чего искусства въ Египтѣ никогда не могли возвыситься до образцовъ извѣстной природы? — Обыкновенно говорятъ: отъ образа правленія, отъ рабства и характера народнаго, отъ климата, отъ образа жизни, отъ недосыпнаго сношеній съ сосѣдственными народами и наконецъ отъ недосыпнаго красивыхъ лицъ въ женскомъ полѣ. По моему мнѣнію, можно отвѣчать однимъ словомъ: отъ суевѣрія. Египтяне, подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, имѣли особенную склонность къ мифическимъ сказаніямъ. Вѣра ихъ въ началѣ своемъ была естественною; они хотѣли дать ей видъ таинственный; облекли ее въ покрывала и превратили въ аллегорическую. Аллегоріи, сколько бы правильны и хороши ни были, не могутъ никогда являться съ блескомъ въ искусствахъ; но аллегоріи, ошснующія отъ законовъ ума, предписываемыхъ приро-

дою, становящся одними химерами. Вопъ что и случилось съ Египтянами. Къ сожалѣнію, художники ихъ должны были работать почти исключительно для религіи; слѣдовательно занимались такими предметами, коихъ они сами не понимали. Таинственность и непроницаемость изображенныхъ суевѣріемъ басенъ не представляли ихъ воображенію никакихъ цѣлостей; несообразность и нелѣпость иносказаній не могли воодушевить ихъ никакими благородными чувствами. Они не смѣли руководствоваться образцами природы; попому что боялись нарушить святыню. Законы жрецовъ были для нихъ органомъ воли боговъ; а жрецы, вѣспо сверхъестественныхъ предметовъ, предписывали имъ прописуемые. Такимъ образомъ вкусъ и воображеніе, окованные узами суевѣрія, ничего не могли произвестъ, кромѣ химеръ; все, что ими произведено было, носило на себѣ печать шестости, недвижимости и оцѣненія.

Изъ Греческихъ и Римскихъ памятниковъ
достопримѣчательны: Юпитеръ, вооруженный

перунами, — Діана, вынимающая стрѣлу изъ колчана, — Геркулесь, опершійся на булаву и нѣсколько маленькихъ эроповъ; одинъ выходитъ изъ акантовыхъ листьевъ, другой гошовъ сейчасъ вспорхнувъ на воздухъ, претій плывесть по морю на челнокѣ. Далѣе видите другаго Юпитера, раздраженнаго и мещущаго перуны, или крылатую побѣду, держащую вѣнецъ и пальмовую вѣшь. Здѣсь женщина выходитъ изъ бани и выжимаетъ волосы; тамъ группа амуровъ сидятъ подлѣ Венеры и держатъ въ рукахъ стрѣлы и виноградныя листья. Всѣ эти спатуйки, величиною въ чепыре или два дюйма, ничего же имѣютъ опличнаго; но положенія вообще легкія, лица правильныя и красивыя, выраженіе приличное; вездѣ и во всемъ видите слѣды образованнаго и изящнаго вкуса.

Между Гальскими памяшниками достойны примѣчанія нѣсколько жертвенниковъ, копорые, вѣроятно, были дѣланы Римскими художниками. На однихъ съ передней стороны предсшавлена булава, принадлежность Геркулеса; на иныхъ самъ Гекулесь, одѣтый

въ Римскую военную одежду сагу (sagum), съ булавою въ одной рукѣ и съ шаромъ въ другой; при ногахъ его собака. Всѣ эти жершвенники изъ камня и величиною въ 9 или 10 дюймовъ; они, кажется, ставились въ домашнихъ божницахъ передъ ларями и пенапани; или сооружаемы были вмѣсто большихъ по объѣму; такъ какъ у Римлянъ, за неимѣніемъ воловъ и овецъ, было обыкновеніе приносить на жершву даже восковыхъ ихъ фигуры.

Къ памятникамъ *Сѣверныхъ народовъ* принадлежатъ идолъ съ тремя головами, идолъ съ головою коня и нѣсколько идоловъ Вандальскихъ съ надписями, состоящими изъ буквъ Латинскихъ и Греческихъ или Славянскихъ. На одномъ, который держитъ воловью голову, написано: CCSTOS; другой имѣетъ руки сложенные крестомъ, а за плечами полукругіе съ многосложнымъ словомъ: ALAOUVNVIΓPΠO; у шрепъята на плечахъ: ΓOVIΠAHT; у четверного, вѣющаго голову барана и ноги сапира или козы, на спинѣ слѣдующія буквы: hAVmCLVI, а на поясѣ: SMVVLA. Соответствующіе имъ Славянскіе

идомы суть: *Триглавъ*, *Святовидъ* съ четырьмя головами, *Радегастъ* въ городъ Ресрѣ съ головою львиною и съ головою буйвола на груди, *Числовоедъ* въ видѣ женщины съ луною,— *Ипабосъ*, покровишель звѣриной ловли.

Въ числѣ рѣдкостей находящся *бронзовый храниль* съ сполбами и воробами, вышиною около 10 дюймовъ, и очень любопытная бронзовая группа двухъ *Индѣйскихъ идоловъ*, на слонѣ, изъ копорыхъ одинъ держитъ въ рукѣ бичъ. Деревянный *Сенегальскій фетишъ* доспоемъ также примѣчанія: волосы его завязаны на задней часпи головы; глаза расписанные и стеклянныя, лобъ возвышенный, носъ широкой; руки лежатъ на груди; шея украшена жемчужнымъ ожерельемъ. На пѣдѣ слѣдующій барельефъ: два жреца держатъ руки надъ головою одного божества, въ такомъ положеніи, какъ бы хотѣли вѣнчать его; съ правой спороны ключъ, съ лѣвой морская пшпца; подлѣ нихъ стоятъ еще два жреца. Эпонтъ фетишъ, опшпчающійся чпспотпоу раболпы, вышиною въ 1 футъ, 2 дюйма, 6 линій.

*

Ліонскій музей въ числѣ рѣдкостей своихъ имѣетъ очень хорошо сбереженную *Египетскую мумію*. Г. Трольеръ, профессоръ анатоміи школы изящныхъ искусствъ, снялъ съ нея пелены и раасмашивалъ всѣ члены. По его наблюденіямъ оказалось, что шрупъ сей, пощаженный двумя или тремя тысячами лѣтъ, принадлежащій женщинѣ; что аша женщина Эііопскаго племени и скончалась на тридцатомъ году своей жизни. Такія заключенія не похожи ли на бредни о соусныхъ блюдахъ, называемыхъ щинами Сципіона и Аннибала? Нѣтъ; избави насъ Богъ такъ думать объ анатомикѣ ашикваріѣ, котораго острый взоръ, чудное осязаніе и дальновидная ученость проспираюшся за три тысячи лѣтъ назадъ.

На крышкѣ ящика или домовища изображенъ судъ, производимый въ царствѣ птѣней надъ усопшею. Въ самомъ низу, при ногахъ ея образа, сидятъ анубисъ или песъ, справа мертвыхъ. Нѣсколько выше, она простерта на одрѣ смершномъ; а душа ея улетаешь въ видѣ птицы. На срединѣ крышки сидитъ увѣнчанный соколъ или копчикъ, символъ

солнца, оживотворяющаго природу. Потомъ слѣдуетъ самый судъ и приговоръ. Таупъ, Египетскій Меркурій, имѣющій голову ибиса, держитъ въ одной рукѣ своей скипетръ, другою представляетъ усопшую державному судіи ада, Озирису. Для укрощенія сего страшнаго божества, лежатъ передъ нимъ на жертвенникѣ два хлѣба и цвѣтъ лотосъ. Семь другихъ адскихъ идоловъ, кажется, слушаютъ приговоръ Озириса и готовы съ радостію принять душу въ жилище блаженныхъ. Въ верхней части, надъ чертогомъ вѣчности, паритъ геній безсмертія съ распростертыми крыльями и руками.

На груди муміи найдены фарфоровыя съпочка и скарабей, символъ возрожденія. Пелены, кошерыми она обвита, сохранились въ цѣлости. Двѣ Греческія ламбды ΛΛ, вышитыя синею хлопчатною бумагою на двухъ лоскуткахъ, украшенныхъ бахромою, даютъ антикваріямъ поводъ думать, что эта мумія принадлежитъ времени Птоломеевъ. Голова, вырѣзанная на верхней крышкѣ, состоящая изъ линій прямыхъ и проспыхъ, доказываетъ также смѣсъ вкуса Греческаго съ Египет-

скимъ. Ученые изслѣдователи древности почтипаюшъ обыкновенно такого рода изображенія порпрешами самыхъ мумій; но огромность и однообразіе ихъ лицъ совершенно опровергаюшъ это предположеніе. Вѣроятно они означаютъ Изиду или маперъ земли, приѣмлющую въ лоно свое усопшихъ; по крайней мѣрѣ есть множество бронзовыхъ и каменныхъ статуи этого божества, имѣющихъ чертежъ и видъ домовища мумій.

Мраморный барельефъ, представляющій *жертвоприношеніе свиньи, овцы и вола* (Suovetaurilia), можетъ служить самымъ вѣрнымъ объясненіемъ этого Римскаго обряда. Съ одной стороны храмовые служители ведутъ живошныхъ къ жертвеннику; съ другой ожидаюшъ ихъ жрецы и одинъ изъ опроковъ съ сосудомъ и съ лопаткою trulla, которая употреблена была для варенія священнаго мяса. Главный жрецъ, завѣшенный покрываломъ, стоить передъ жертвенникомъ; подлѣ него игрокъ на флейтѣ, ликторъ и первосвященникъ. Послѣдній, какъ наставлятель и чиноволожникъ совершаемаго обряда, сидитъ на возвышенномъ сѣдалищѣ.

Ноги коня, опломовъ опъ бронзовой конной спашуи, найденный въ 1766 году въ рѣкѣ Саонѣ, прошивъ церкви Энэ, вопреки мнѣнію археологовъ, доказывающихъ, что Римскіе ваятели умѣли давать и конямъ большую красоту, движеніе и легкость. Жалко, что до сихъ поръ всѣ старанія опыскашъ самую спашую оспались щещными.

Римская мозаическая картина, представляющая надежду, находится также въ здѣшнемъ кабинетѣ. Рисунокъ ея видѣть можно въ сочиненіяхъ Келя, которому она принадлежала. Въ полу карпинной залы вдѣланы два Римскихъ мозаика, найденные въ семнадцатомъ столѣтіи въ саду Ліонскаго аптекаря Випалля. Какъ на одномъ, такъ и на другомъ изображено сраженіе амура съ Паномъ. Божокъ любви, играющій здѣсь ролю гимназіарха (*), въ одной рукѣ держитъ пальмовую

(*) Главный начальникъ школы, въ которой обучались гимнастики, т. е. упражненіямъ тѣлеснымъ. Ему подчинены были два другія должностныя лица: *хестархъ*, смотритель атлетовъ и *гимнастъ*, распорядитель всѣхъ прочихъ тѣлесныхъ упражненій.

жѣшью, назначенную побѣдителю, другою показываешь плоды.

Но самый любопытный и драгоценный въ семь родѣ памятникъ есть большой *квадратный мозаикѣ*, представляющій конное ристалище Римское. Длинная перегородка, украшенная рядами дельфиновъ, раздѣляетъ поприще на двѣ части. На каждой сторонѣ по двѣ колесницы; каждая колесница влечется чепырьмя конями; каждый возница оплчается цвѣтомъ одежды, краснымъ, зеленымъ или синимъ. Подлѣ главной мѣшпы, состоящей изъ трехъ пирамидъ лежатъ разбиыя въ дребезги колеса. На спѣнѣ видна преторская ложа, изъ которой спарѣйшины или судьи наблюдали движенія рашующихъ и раздавали вѣнцы побѣдителямъ. Богатая подробностями картина эта въ одно и тоже время даетъ намъ понятіе о строеніи древнихъ амфитеатровъ, о обычаяхъ ристалищъ, о пышности Люгдунскихъ гражданъ и о цвѣшущемъ состояніи художествъ того времени, которому она принадлежала. Фигуры ея довольно правильны; каймы оплчаются выборомъ узоровъ; въ рас-

положеніи цѣпныхъ камней соблюдена постепенность шѣней.

Собраніе древнихъ медалей Греческихъ, Азійскихъ, Египетскихъ и Римскихъ, состоятъ изъ 9,560 бронзовыхъ и серебряныхъ; въ числѣ ихъ находились около спа *Лиседунскихъ* съ изображеніемъ Августова храма. Что касается до золотыхъ медалей и многихъ серебряныхъ хорошей пробы, онѣ всѣ похищены и переплавлены были въ слитки во время революціи.

Между шѣмъ какъ алчность и невѣжество проспирали свои святошапспивенныя руки на дорогіе мешаллы; прощая мѣдъ, ничтожная въ глазахъ корыстолюбцевъ, но драгоценная для людей просвѣщенныхъ, пережила и всепожирающее время и неукротимыхъ варваровъ. Я говорю о *двухъ лѣдныхъ доскахъ*, на которыхъ вырѣзана рѣчь Императора Клавдія. Онѣ найдены были въ 1528 году на холму Св. Севастіана и, какъ примѣрно, составляли одну доску, раздѣленную на два столбца, въ 4 фула 2 дюйма вышины, въ 6 фуловъ широты. Царственный вишія, бывъ уроженцемъ Люгдуна, имѣлъ

благородную цѣль ввѣстивъ въ сословіе сенаторовъ нѣсколько достопочтенныхъ особъ Галліи, такъ называемой, Космашой или Люгдунской, и доставивъ имъ всѣ имъ права и преимущества, которыми уже пользовались Нарбонна, Вьенна и самый Люгдунъ. Ліонцы гордятся этимъ памятникомъ, какъ залогомъ любви Клавдія къ родинѣ, и вѣстѣ, какъ граматою и дипломомъ древняго ихъ благородства. Эта же самая рѣчь, какъ мавѣстно, находилась и у Тацита въ XI книгѣ его лѣтописей. Прилагаю здѣсь переводъ съ подлинника, предоставляя самымъ любителямъ древностей сравнить его съ копіею Тацита. Одно только подобное сравненіе можете дать намъ нѣкоторое понятіе о степеняхъ достоверности и прочихъ прекрасныхъ рѣчей, столь часто влагаемыхъ древними историками въ уста вождей, градоначальниковъ и императоровъ.

Верхняя часть мѣдной доски пошеряна; а попому и въ прилагаемой здѣсь рѣчи, какъ можно замѣтитъ, не доспаетъ приспуна.

„Не обинуясь скажу вамъ, что образъ вашихъ мыслей имъ уже напередъ извѣстенъ.

Но не смущайшесь и не принимайше моего предложенія за новостъ, прошивную древнимъ обычаямъ Рима. Помыслише лучше о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ нашемъ городѣ со времени его основанія, и исчислише всѣ виды его правленія и всѣ роды его учрежденій, которыхъ споль многократно смѣнялись одни другими.“

„Въ началѣ Римъ управляемъ былъ царями; но санъ царскій, не бывъ наслѣдственнымъ досполюніемъ ихъ домовъ, переходилъ въ роды чуждые и часто иноплеменные. Нума, преемникъ Ромула, вышелъ изъ земли Сабинянъ, бывшихъ въ то время нашими сосѣдами, но не соотечественниками. Древній Тарквиній, царствовавшій послѣ Анка Марція, также былъ иноземецъ. Родясь опть изъ племени благородной, но бѣдной, которую нужда заставила вступишь въ бракъ съ Коринтеяниномъ Демарашомъ, Тарквиній, какъ сынъ чужестранца, лишенный права искасть почестей въ отечествѣ, переселился въ Римъ, гдѣ и былъ возведенъ на степень царя. Преемникомъ Тарквинія древняго и предшественникомъ его сына и внука (ибо

писатели въ томъ несогласны между собою) былъ Сервій Туллій, котораго наши историки называютъ сыномъ рабыни Окрезіи, а лѣтописцы Тосканскіе именуютъ поварищемъ Целія Вивенны и вѣрнымъ его спутникомъ въ счастіи и въ несчастіи. Если вѣрить сему послѣднимъ, послѣ многократныхъ преперѣнныхъ имъ поражений вышедши изъ Этруріи съ остатками войска Целіева, онъ основался на одной изъ нашихъ горъ, называвшейся прежде Тосканскимъ именемъ, Маспарною, и въ послѣдствіи времени названной въ честь упомянушаго полководца Целійскою. И сей самый Туллій, какъ сказалъ я, къ величайшему благу республики былъ призванъ на царской престолю. Но когда властолюбіе гордаго Тарквинія и необузданные нравы дѣтей его возбудили общее негодованіе; тогда народъ устрашилъ самодержавной власти и для управленія республикою началъ избирать ежегодно новыхъ консуловъ.“

„Долженъ ли я говорить теперь о диктаторахъ, которыхъ санъ былъ неограниченнаго консульскаго достоинства и которыхъ

наши предки обыкновенно избирали въ крайнихъ опасностяхъ войны или во время бурныхъ мятежей народныхъ? Нужно ли упоминать о учрежденіи трибуновъ народныхъ, блюстителей правъ народа противъ припязаній патриціевъ? Кому также не извѣстно, что власнѣйшая верховная опѣка консуловъ переходила къ десяти начальникамъ; и по уничтоженіи правленія десятиначальниковъ, опять возвращена была консуламъ? Но сего не довольно; начали избирать по шести и осьми трибуновъ военныхъ, соединяя съ ихъ званіемъ всю силу консуловъ; и наконецъ дали право самому народу не только восходить на первыя степени въ правленіи, но и достигать оплчныхъ почестей въ сословіи жреческомъ.“

„Равнымъ образомъ за лишнее починая считатьъ всѣ войны, съ великимъ мужествомъ нашими предками начатыя и съ великимъ торжествомъ нами окончанныя; ибо ни скромность, ни приличіе не позволяютъ намъ хвалиться теперь славою нашей Имперіи, простиравшейся за предѣлы океана. И такъ обращаюсь опять къ нашему городу.“

Вторая таблица.

(Начало второго столбца, такъ какъ и первого, поперяно; слѣдуетъ продолженіе).

„Императору Августу и моему дядѣ Тинерию угодно было, чтобы отличившія особы колоній и союзныхъ городовъ, то есть мужи, прославившіеся честностію и знаменитые богатствомъ, были принимаемы въ члены сего правительственнаго дома.—Почему же, скажите вы, при выборѣ сихъ членовъ, уроженецъ Италійскій не долженъ быть предпочитаемъ пришельцу, родившемуся въ провинціи?—Я съ вами согласенъ, и образъ моихъ мыслей покажу вамъ на дѣлѣ, когда начну разбирать мое предложеніе въ этомъ отношеніи; однако не нахожу причины заграждать входъ въ Сенатъ и уроженцамъ провинцій, если только они могутъ служить ему украшеніемъ.“

„Въ примѣръ приведу вамъ колонію Военскую, какъ самую могущественную и цвѣтущую. Сколько уже сенаторовъ дослужила она сему правящему дому съ того давняго времени, какъ получила право на выборъ?

Не изъ ея ли предѣловъ вышелъ Луцій Веспинъ, цвѣтъ благороднаго сословія всадниковъ и мой искренній другъ, который распорядяешь теперь моими частными дѣлами? Да будущъ удостоены, прошу васъ, и дѣши его первыхъ спешеней въ священномъ званіи жреческомъ, какъ скоро только возраспъ и служба дадутъ имъ право на высшія почести. Я унаачиваю здѣсь о томъ шагѣ, коего самое имя мнѣ ненавистно, и который неносимымъ какимъ-то чудомъ, изпоргшись изъ среды бойцовъ, даровалъ своему дому преимущества консульскія прежде, нежели его колонія удостоилась законнаго благоволенія Римлянъ. Ничего не буду говорить и о его братѣ, который достоинъ сожалѣнія пѣмъ болѣе, что отчужденіе его отъ сената еспъ наказаніе, можетъ быть, совсѣмъ имъ не заслуженное.“

„Но пора уже тебѣ, Кесарь Германикъ, изъяснить почтеннымъ сенаторамъ, къ чему клонится рѣчь швоя: ибо ны пришелъ уже къ крайнимъ предѣламъ Галліи Нарбонской.“

„Всѣ сіи знаменитые юноши, объемлемые взоромъ моимъ, не сполько же ли достойны

быть сенаторами, сколько и Персикъ, мой другъ, признанный самими вами достойнѣйшимъ сего званія, не смотря на то, что на бюстахъ предковъ его вы читаеете имена Аллобеговъ. Если вы въ этомъ со мною согласны; то что оспаете мнѣ болѣе, какъ развѣ только указавъ перстомъ на сію страну, лежащую за предѣлами Нарбонскими, и вѣснѣ объясните вамъ, что она можетъ присылать и уже присылаетъ намъ сенаторовъ: ибо Люгдунъ, главный городъ сей области, даровалъ уже намъ многихъ мужей, ни мало не дѣлающихъ стыда нашему сословію.“

„Не безъ робости оспавляю я предѣлы вѣснѣныхъ и знакомыхъ вамъ провинцій; но вижу необходимость говорить теперь въ особенности и о Галліи Косматой. Если мнѣ возражать, что они вели войну въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ противъ Юлія Кесаря; то надобно также размысливъ и о томъ, что около ста лѣтъ уже эта провинція покорена Имперіи и во все это время хранила къ намъ ненавистную

вѣрность среди всѣхъ опаснѣйшихъ мятежей. Да и когда опецъ мой Друзъ покорялъ Германію, эпи Галлы наблюдали пшину и не нарушили мира позади его войска; и сверхъ того должны были давать ему въ пособіе подати, къ которымъ въ то время совсѣмъ еще не были привычны. Сколь трудно было сіе исполнить, мы можемъ судить о томъ по собственному нашему опыту; ибо еще и нынѣ народъ Римскій и самые граждане наши кричатъ, какъ вамъ извѣстно, даже прошивъ простой переписи имѣній, хотя ею занимающся только для собранія точныхъ свѣдѣній о нашихъ доходахъ.“

ГРЕНОБЛЬ, 1823 года, Октября...

Церковь Св. Лаврентія въ подземельи. Колоссальная статуя
Баларда. Библиотека. Картинная галлерей. Кабинетъ нату-
ральной исторіи.

За 8 верстъ отъ Гренобля, дорога изъ
Ліона идетъ между двумя рядами горъ, ко-
торыя наконецъ расходящіяся и оставляющія
городъ на большой долинь, на лѣвомъ берегу
рѣки Изеры. Улицы неправильныя и нечис-
пыя, площади также. Церковь Богородицы
Notre Dame оплачивается своимъ Гопическимъ
фасадомъ. .

Церковь Св. Лаврентія есть памятникъ
первыхъ вѣковъ Христіанства. Подземелье,
въ которомъ она находится, служило убѣ-
жищемъ Христіанамъ во время гоненія. Подъ
эшими мрачными сводами они озарились не-

мерцающимъ свѣпомъ Евангелія и совершали тайныя вечера на тѣлахъ мучениковъ.

Въ церкви Св. Андрея покоится прахъ знаменитаго *Баярда*. Подъ простымъ мраморомъ на черной доскѣ, вдѣланной въ спѣну, написано, что эпомъ камень гордился прахомъ неустрашимаго и цѣломудреннаго рыцаря. На Андреевской площади, проспирающей передъ дверями церкви, въ прошедшемъ мѣсяцѣ Іюлѣ воздвигнута колоссальная статуя Баярду изъ зеленой бронзы. Герой одѣтъ въ рыцарское платье; при бедрѣ висятъ ножны; лѣвымъ бокомъ прислонился онъ къ стволу срубленнаго дерева; правою рукою держитъ передъ собою мечъ съ крестообразною рукояткою, обращенный внизъ остриемъ. Баярдъ смотритъ вправо на судебную палату. На передней споронѣ подножія начертаны слова, приписываемыя древнею лѣтописью Баярду: „Dieu et le Roi —voilà nos Maîtres; onc je ne connoitrai aucun autre.“ Кажется, и самыя уста его произносятъ эти слова: „Богъ и король—наши владыки; другихъ не знаю.“ Пониже написано: „Баярдъ, рыцарь чуждый страха и укоризны:

*

Sans peur et sans reproche.“ На правомъ боку подножія исчислены всѣ побѣды, одержанныя имъ въ первой половинѣ XV столѣтія; на лѣвомъ имена всѣхъ героевъ, участвовавшихъ въ его подвигахъ. На задней части подножія годъ царствованія Людовика XVIII и имена министровъ, при которыхъ воздвигнута эта статуя. Художникъ Раггъ (Ragg) помѣстилъ свое имя на стволѣ дерева. Можно безъ приспращія сказать, что эпошъ колоссъ будетъ всегда служить ошличнымъ памяшникомъ царствованія Людовика XVIII и цвѣтущаго сосшоянія художествъ его времени.

Гренобль имѣетъ при коллегіи огромную библіотеку, музей натуральной исторіи и довольно значительное собраніе картинъ. Въ библіотекѣ споятъ на споллахъ двѣ очень красивыя модели. Одна, подаренная сословіемъ Гренобльскихъ каменщиковъ, естъ родъ Греческаго театра, обнесеннаго колоннами; другая, соспавленная г. Аргу (Argoud) изъ выполированныхъ гранитовъ, предспавляетъ видъ храма. Главная зала вмѣщаетъ въ себѣ, большою часпю,

книги юридическія и богословскія. Смотри-
тель не забылъ обратити моего вниманія
на дорогіе деревянныя сполы, которыми въ
самомъ дѣлѣ Гренобльская библіотека мо-
жетъ похвалиться.

Здѣсь я видѣлъ драгоценную археологиче-
скую книгу: первый томъ древностей, изда-
ваемыхъ въ Парижѣ. Въ немъ заключающіяся
планы и виды храмовъ и зданій Египетскихъ,
что въ верхнемъ Египтѣ, Каирскихъ и нѣ-
копторыхъ Греческихъ. Какъ периспили,
такъ и внутренности Египетскихъ храмовъ
украшены многими рядами колоннъ; каждая
колонна покрыта гіероглифами и имѣетъ
вмѣсто капишеля по чешыре головы. Пра-
вильности эпихъ лицъ и движенія гіерогли-
фическихъ фигуръ показываютъ, что Егип-
тяне были по крайней мѣрѣ такими же учи-
телями для Грековъ, какими Перуджино для
Рафаэля. Сколько занимательны оспашки
древностей, сполько же плѣняло меня гра-
вированіе новѣйшихъ художниковъ. Зрѣніе
безпрестанно обманывается перспективою
и рука невольно ищетъ пѣхъ выпуклостей,
копторыхъ совсѣмъ нѣтъ на гладкомъ листѣ.

Желѣзная рѣшетчатая дверь отдѣляетъ библіотеку отъ карпинной галлерей, кошорая заключаетъ въ себѣ копіи и многіе подлинники знаменитыхъ живописцевъ.

Между многими карпинами взоръ останавливается особенно на одномъ портретѣ молодой крестьянки. Изъ подъ соломенной шляпки разсыпаются небрежно бѣлокурые ея волосы. Какія полныя щеки и груди! Какой лукавой взглядъ! Если съ перваго раза не узнаешь, что это портретъ написанъ начальникомъ Фламандской школы Рубенсомъ; то по крайней мѣрѣ не ошибешься, что онъ есть произведеніе кисти одного изъ знаменитыхъ художниковъ. Голова Рубенсова спарца также останавливаетъ невольное вниманіе любителей живописи. Глубокія морщины, проведенныя по смуглому и жесткому лицу, потухающій и напряженный взоръ, рѣдкіе на головѣ волосы и вклученная борода, все превосходно.

Виньоновъ (Vignon) Исусъ среди учениковъ и Бассановъ Аравійскій Караванъ отличаются расположеніемъ группъ, выраженіемъ лицъ и колоритомъ. Книжники и фарисеи сидятъ

за столомъ; передъ ними лежатъ раскрытыя книги Пророковъ. Иисусъ обратился вѣво и, кажется, объясняетъ пророчество. Одинъ изъ фарисеевъ прощянулъ голову и слушаетъ со вниманіемъ; другой схватилъ себя за бороду и разсуждаетъ съ самимъ собою; третій положилъ палецъ на уста и дѣлаетъ какъ бы вычисленія.—Караванъ Бассавовъ только сей часъ остановился. Аравишянинъ поднимаетъ боченокъ и цѣдитъ черезъ вранъ воду, которую пьютъ конь и собаки. Кошка ѣстъ мясо. Мать держитъ младенца, шоммаго жаждою. Одни снимаютъ ноши съ лошадей, другіе устанавливаютъ разную домашнюю посуду. Обѣ сіи карпины родились какъ бы подъ одною кистію: это опъ того, что Виньонъ и Бассавъ принадлежали къ одной Венеціанской школѣ. Одежда Аравишянъ и фарисеевъ самая богатая и самого яркаго зеленого цвѣта.

Карпина Галлева, *Св. Николай* съ деньгами, приѣзжанельна по дѣйствию свѣта. Въ бѣдной хижинѣ, за вѣшкимъ столомъ, сидитъ пригорюнившійся старикъ; сынъ его читалъ книгу, пересмалъ читать и слушаетъ опца.

копюры, кажется, ищешь утѣшенія въ вѣрѣ и велишь дѣшамъ надѣяться на помощь Божию; дочь его придетъ волну и вслушивается. Багровый свѣтъ догорающей свѣчи отражается на ихъ лицахъ. Если бы художникъ удовольствовался этою группою; картина его близко подходила бы къ произведеніямъ кисти Рембранша. Но слѣдуетъ другая часть, нарушающая правила единства и вѣроятности. Св. Николай подходитъ къ хижинѣ и кладетъ на окно кошелекъ съ деньгами. Между тѣмъ въ дали видны дома, церкви, ѣдущая повозка и горы, покрытыя деревьями. Теперь спрашивается; когда происходитъ все это дѣйствіе? Половина днемъ и половина ночью; но есмь въ хижинѣ ночь, а на улицѣ день. Иначе можно ли бы было въ шемонѣ видѣть всѣ подробности такого ландшафта? Но художникъ погрѣшилъ не только прошивъ единства времени, но и прошивъ единства мѣста. Онъ вдругъ переноситъ зрителя и въ хижину и на отдаленныя горы. Гораций говоритъ, что поэзія должна подражать живописи; а мы на оборотъ можемъ потребовать, чтобы и живопись

подражала поэзіи. Нѣмецкая комедія поступаетъ вопреки вѣроятности, когда въ одно и тоже время представляетъ на театрѣ двѣ сцены, раздѣленные одна отъ другой стѣною. Точно также невѣроятны и шѣ карпины, которыя вдругъ представляютъ два вида. Художникъ погрѣшилъ еще и прошивъ костюма. Онъ забылъ, что Греки носили бороды и что Св. Николай не былъ ни священникомъ Капюлическимъ, ни пасторомъ Люшеранскимъ.

Г. Маллицѣ на одномъ столѣ повѣсилъ узорчатый коверъ, на другомъ положилъ виноградъ, груши, дыни и персики. Коверъ обманываетъ глаза, плоды манятъ зрителья утолить жажду. Въ 1818 году г. Роландѣ, профессоръ живописи въ Гренобльской коллегіи, написалъ отца съ больнымъ сыномъ, и живописію лицъ, сильнымъ ихъ выраженіемъ и правильностію хотѣлъ раздѣлить славу съ первыми художниками Римской школы. Отецъ представленъ погруженнымъ въ горесть. Чело его сморщилось, брови нависли; въ глазахъ и чертахъ лица видна перзаемая душа его. Онъ облобылся на

правую руку, а лѣвою прижимаетъ къ груди десятилѣтняго сына, который недавно лишился зрѣнія. На лицѣ спраждущаго опрока написана сильная боль. Кажется, слышишь шихіе сны его.

Но хопите ли бытъ очарованы волшебною кистію? Окиньте взоромъ музей; и взоръ вашъ невольно ошановится на эхой прелестной *Психеѣ* и на эхомъ прекрасномъ *Амурѣ*. Заря зарумянилась на востокѣ; ночь начинается снимать мрачный покровъ; тихой шорохъ пробудилъ Психею, которая спала на зеленой муравѣ; она приподнимается и видитъ склонившагося надъ собою Амура. Перевязъ съ головы ея упала и бѣлокурые волосы рассыпались. Покрывало спустилось съ плѣа и открылись пысячи тайныхъ прелестей. Глаза и уста исполнены сладостраспія; круглыя груди поднимаются и дышутъ; ноги переплелись небрежно. Амуръ ошановилъ на ней взоръ свой, указываетъ правою рукою въ верхъ и зоветъ ее въ эирные чертоги. Крылья его простерты; лѣвую руку держитъ впереди; одна нога опускается,

другая нѣсколько поднята. Кто не узнаетъ здѣсь положенія Меркурія? Г. *Делаваль*, написавшій Амура и Психею въ 1819 году, вѣроятно при сочиненіи этой картины руководствовался аншиками. Безпрестанно открываешь въ ней прелести и жадный взоръ не можешь ими насытиться. Какая удивительная гармонія красокъ! Какая легкая и нѣжная кисть!

Между гипсовыми спашунами Гренобльскаго музея, по большой части представляющими въ копіи знаменитѣйшіе аншики, находится Амуръ Кановы. — Голова его покрыта большими локонами; глаза исполнены коварства; уста дышутъ сладострасіемъ. Онъ наклонился нѣсколько на лѣвой бокъ и опирается на лукъ. Каждая часть плѣла есть прелесть, совершенство. Канова—Анакреонъ ваянія. Въ силѣ грацій онъ спрашный соперникъ Полидора, Агапова и всѣхъ древнихъ ваятелей.

Недавно выставленъ въ музеѣ гипсовый колоссальный бюстъ *Баярда*, для котораго въ концѣ залы приготовлено уже и подножіе,—мѣсто самое высокое для прозаведенія.

можешь быть, самого низкаго. Французы, но непостоянству и легкомыслию своему, кажутся, большое имѣють сходство съ древними Афинянами. Прошло при вѣка и они ничего не говорили о Баярдѣ; въ половинѣ четвертаго украшаютъ его могилу мраморомъ, спрости въ его имя площади, воздвигаютъ спашумъ, спавяшъ бюспы. Не шакъ ли поступали и Афиняне съ шѣми великими мужами, которыхъ они убивали или наказывали оспраклизмомъ? Но Афиняне были убійцами по легкомыслию и обожашелями по сердцу; Французы, напрошивъ, убивая по ожеспоченію, едвали способны къ раскаянію. Одно шолько шщеславіе, одни виды полиниши, а и шого хуже, если одна шолько леснь, заспавляють ихъ возобновляшъ разбитыя спашуми Людовиковъ и воздвигашъ памяшники забышымъ Баярдамъ.

Въ одной небольшой комнашъ, которая соединяется съ заломъ библиотеки, помѣщенъ весь кабинетъ натуральной исторіи. Любители минералогіи и зоологіи ничего здѣсь не найдутъ любопытнаго, кромѣ опряшноспи и порядка. На одной вѣшви дерева,

подъ большимъ стекляннымъ колоколомъ, посажены всѣ роды колибри и другихъ мелкихъ птицъ. Длинный и широкій столъ есть родъ мозаика, составленнаго изъ всѣхъ цвѣтовъ и родовъ полированного мрамора. Врачи-операторы, безъ сомнѣнія, останавившися здѣсь передъ массою шѣла, обратившеюся въ мѣлъ, — длинною и имѣющею въ поперечникѣ около шестии или семи вершковъ. Это рука, ошѣченная у одного больного.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

ПОЛОЖЕНІЕ И ОКРЕСТНОСТИ ГРЕНОВЛЯ. ВОСПОМИНАНІЕ О ВСТРѢЧѢ,
СДѢЛАННОЙ ГРАЖДДАНАМИ ГРЕНОВЛЯ НАПОЛЕОНУ въ 1815 году.

ВЛИЯНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ НА НАРОДЪ.

Палапа, стоящая на площади Св. Андрея, есть единственный домъ, замѣчательный по Гошическому водчеству. *Городской садъ*, украшенный бронзовою статуею Геркулеса, со-

стоятъ только изъ нѣсколькихъ каштановыхъ деревьевъ. Къ нему прилегаетъ небольшой, но опрятный ботаническій садъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города устроены *Русскія горы*, имѣющія преимущество передъ Ліонскими въ томъ, что онѣ стоятъ надъ потокомъ; вода вертитъ колесо и поднимаетъ колясочки на горы.

Самое достопримѣчательное въ Греноблѣ есть его положеніе. Два моста, каменный для экипажей и деревянный для пѣшихъ, ведутъ на правый берегъ Изеры, вдоль котораго тянутся нѣсколько улицъ. Надъ ними, въ видѣ амфиатра, поднимаются острогъ и женскій монастырь; нѣсколько выше запущенный замокъ. Каменные стѣны, которыя простирались на нѣсколько верстъ и вмѣстѣ съ скалами составляли укрѣпленіе этой горы, разваливаются и зарастаютъ травою. На самой вершинѣ, въ области громовъ и шумановъ видно жилище людей: каменный и довольно красивый домъ. Опусти-те отсюда взоръ и вы увидите подъ ногами городъ и одну изъ обширныхъ и прекрасныхъ долинъ. Со стороны запада защи-

щаютъ ее утесы и покрышыя рощами пригорки, съ юга плышутъ обнаженные горы, изъ за копорыхъ выглядываютъ, увѣнчанные снѣгомъ, Альпійскіе великаны. Двѣ быстрыя рѣки разсѣкаютъ долину, поглощаютъ тысячу ручьевъ и наконецъ сливаются вмѣстѣ свои синія воды. Кашшаны, плакучія ивы и тополи образуютъ между ними круги, триугольники и квадраты. Подъ тѣнію ихъ разсѣяны веселые домики. Какъ счастливы должны быть поселяне, владѣльцы этихъ прекрасныхъ мѣстъ! Любимицы природы, они не знаютъ ни заботъ, ни спрассей, ни нужды. Весна распинаетъ для нихъ вѣчно-зеленые барханы и рассыпаетъ благоухающіе цвѣты; осень изъ рога изобилія сыплетъ имъ плоды и въ поже время подаетъ пѣнящіяся виномъ чаши. Такъ мечталъ я, стоя на скалѣ и смотря издали на эту прекрасную каршину; но я увидѣлъ ее вблизи и очарованіе мое исчезло. Мыѣли показатъ въ мѣстечкѣ Соснажѣ чудесные водоемы, высѣченные въ скалѣ самой природою; дорога ведетъ черезъ долину. Какое было мое удивленіе, когда вмѣсто Арми-

длинныхъ садовъ я увидѣлъ вокругъ себя попки болота, бѣдные огороды и худо воздѣланныя нивы! Веселые домики превратились въ неопрышныя хижины; на порогѣ ихъ сидѣтъ нужда и бѣдность. Тупъ я невольно повспорилъ изрѣченіе Римскаго спикатора: „не обольщайся наружностію! *Ne credas colori!*...“

Городъ Гренобль въ наше время сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что въ немъ Наполеонъ, послѣ своего побѣга съ острова Эльбы, разыгрывалъ первое дѣйствіе своей послѣдней драмы. Сначала многіе почитали эпоху побѣга его необдуманною и неприготовленною, — слѣдствіемъ одной оплошности Англійской морской службы; но, какъ выразился одинъ изъ современныхъ политическихъ писателей, бомба лопнула и показала, чѣмъ она была начинена. — На маршала Сульша, бывшаго въ то время военнымъ Министромъ, падаетъ большое подозрѣніе, что онъ не безъ намѣренія расположилъ многочисленныя отряды войска въ области Дофине, прозванной колыбелію переворошъ; отряды сіи состояли преимущественно изъ приверженцевъ

Наполеона. Маршалъ Ней, назначенный предводителемъ арміи противъ Бонапарша, и обратившій свое оружіе противъ Короля, — вѣроятно, обдумалъ свое предательство еще прежде присяги въ вѣрности, произнесенной имъ въ Тюльери, при прощаніи съ его величествомъ.

Наполеонъ, какъ извѣстно, прибылъ съ своею флотиліею въ Жуанскій заливъ 1 Марша 1815 года и приспалъ къ берегу въ шомъ мѣстѣ, гдѣ за пятнадцать передъ лѣтъ, по возвращеніи своемъ изъ Египта, вышелъ для завоеванія себѣ прона и имперіи. Опрядъ, сопровождавшій его съ острова Эльбы, состоялъ только изъ 1000 человекъ. Не смотря на его малочисленность и на холодность, съ какою принялъ былъ изумленными жителями Прованса, Наполеонъ двинулся немедленно во внутренность королевства, въ Дофине, къ Греноблю. 7 Марша, когда уже находился онъ верстахъ въ четырехъ отъ эшого города, онъ встрѣчилъ высланные противъ него опводные караулы. Въ эшо время, остановивъ свой опрядъ, Наполеонъ пошелъ одинъ къ нимъ на встрѣ-

чу и раскрывъ грудь, громко сказалъ: „если кто хочетъ убить своего Императора, вопъ оня.“ Пораженные эшжжъ призывомъ своего прежняго вождя, солдаты побросали оружіе и закричали: „да здравствуетъ Императоръ!“ Между пѣмъ прибыли изъ Шамбери въ Гренобль съ седьмымъ линейнымъ полкомъ генераль баронъ де Вильеръ и полковникъ Лабедойеръ. Около пяти часовъ по полудни послѣдній вышелъ съ двумя баталіонами также прошивъ Наполеона; но приближась къ нему, онъ вдругъ выславилъ орма и вынулъ изъ барабана шрежцѣшныя кокарды; онъ съ жадностію былъ расхвотаны солдатами, при восклицаніяхъ: „да здравствуетъ Императоръ!“ Въ тоже время вспыхнуло возмущеніе между осинавшимися въ Гренобль войсками и гражданами. Генераль де Вильеръ и коммандантъ генераль Маршанъ, не имѣя возможности съ ними справиться, принуждены были съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами удалиться (*). Вороша попытась опворены были

(*) Такъ писано было въ современныхъ вѣдомостяхъ; а, по словамъ Вальтеръ Скотта, генералы де Вильеръ и Маршанъ,

Наполеону и муниципальный советъ, при шумныхъ восклицаніяхъ опьянѣлыхъ отъ воспоорга гражданъ, поднесъ ему адресъ; наполненный самою низкою лестію.

Наполеонъ пробылъ въ Греноблѣ нѣсколь-
ко дней; опдыхая отъ дороги и обдумывая
планъ для будущихъ своихъ дѣйствій. Здѣсь
изданы нѣ высоконарныя воззванія къ наро-
ду, въ которыхъ было сказано, что оны съ
народнымъ знаменемъ полетятъ съ колоколь-
ни на колокольню до башенъ Нотр-дамскаго
собора. Это предсказаніе сбылось скорѣе, не-
жели какъ могъ предполагать самъ Бона-
парть. Походъ его отъ Гренобля до Парижа
походилъ болѣе на шествіе арміи. Онъ часто
ѣхалъ впередъ своихъ отрядовъ безъ всякой
справки. Поставленные пропускать его войска
передавались ему, при первомъ его появленіи.
Казалось, онъ обладалъ властію волшебника
обворожать мечи и ружья. Самый народъ,
который за годъ провожалъ его въ мѣсто
ссылки одними оскорбленіями и даже про-

были задержаны гарнизономъ и выпущены изъ города уже
самимъ Наполеономъ.

клятіямъ, нинѣ встрѣчалъ его, какъ опца
ощетесива; это служилъ доказательствомъ,
сколь сильно дѣйствовала его паршія. На-
родъ во Франціи, сказалъ одинъ изъ оспро-
умныхъ писателей, есть тоже, что океанъ,
а паршія—вѣтры. Тотъ изъ нихъ, который
пересиливаетъ, гонитъ передъ собою волны;
съ переменною вѣтра и волны принимаютъ
другое направленіе.—Сколько же на этомъ
океанѣ, непрерывно открытомъ для вѣт-
ровъ, потребно силы, мудрости и швердо-
сти духа кормчему корабля государствен-
наго! Теперь, благодареніе Богу, вездѣ пи-
шима, не исключая и самыхъ бурныхъ зали-
вовъ: Ліона и Гренобля; но долго ли она
продолжится и опшуда перелѣ вѣтеръ по-
дуешь, этого не знаешь и самъ океанъ—
народъ.

ШАМБЕРИ, 1823 года, Октября...

Дорога отъ Гренобля до Шамбери идетъ между горами. Съ лѣвой стороны стоятъ голые утесы и нѣрѣдка низвергающіяся сребристые водопады; съ правой капишся Изера черезъ красивыя долины. За нею тянутся цѣлю Дофинейскія горы съ рощами и деревнями; нѣтъ за нихъ поднимающіяся снѣжные Альпы. На пригоркахъ зеленѣющія виноградники; равнины засѣяны кукурузой, картофелемъ и коноплею. Знаете ли, отъ чего наше шляхетство не кушаетъ кукурузы, извѣстной въ южной Россіи подъ именемъ почашковъ? Разумѣется, отъ того, что она непригодна для вкуса и употребляется въ пищу только отъ нужды простолюдными. Но знаете ли, отъ чего наше дворянство находитъ вкусъ въ этихъ почашкахъ? Отъ того, что у Французскихъ крестьянъ, за недоспашкомъ

хлѣба, соснавялющъ они одно изъ лакомыхъ блюдъ. Все основано на отношеніяхъ!

Въ пяти или шести миляхъ отъ Гренобля стоитъ на пригоркѣ древній замокъ Баярда. Онъ обнесенъ землянымъ валомъ и имѣетъ довольно значительный гарнизонъ. На западъ отъ сей крѣпости, извѣстной подъ именемъ *Форбаро*, идетъ дорога черезъ горы, ущесы и лѣса въ знаменитый монастырь Карпезіанскій. Говорящъ, чію видъ этого огромнаго и величественнаго зданія посреди дикой природы не имѣетъ ничего себѣ подобнаго.

Природа не положила никакихъ границъ между Савоіею и Франціею; правительствовало также не поспавило ни рогащонъ, ни зашпавы. Сколько Французскіе таможенныя чиновники грубы, столько учтивы Савойскіе. Въ пять минутъ открываютъ и закрываютъ чемоданъ, въ шестую минуту подписываютъ паспортъ, попомъ кланяются и желаютъ добраго пути. При въѣздѣ въ Савоію поражаютъ взоръ путешественника развалины одного древняго замка, лежащія на пригоркѣ. Двѣ полуразвалившіяся

башни, находящіяся одна опъ другой на большомъ разстояніи,—груды камней, поросшія волчцемъ и крапивою,—вошь все, что оспалось опъ древняго его великолѣпія и пышности. Какое прѣкрасное положеніе! При подоніи его спелется зеленая долина; на югъ споянъ сѣжные Альпы; на западѣ дикіе утесы съ уступами и съ огромнымъ отвѣсціемъ, имѣющимъ видъ полукружія, образованнаго самою природою. Когда вечернія тѣни высокихъ горъ дождашся на долины и холмы; тогда опускающееся солнце болѣе получаса бросаетъ сквозь это отвѣсціе багровые свои лучи прямо на развалины замка. Кто обладалъ этими спѣнами и зубчатыми башнями, грозными въ самомъ паденіи? Напрасно я спарался узнать имя его.

Въ пять часовъ вечера пріѣхалъ я въ *Шамбери*. Не далеко опъ города находился домъ знаменитой мадамъ *Варанъ* (Warens), любимицы Жан-Жака Руссо. Съ зеленого холма, который называется Жан-Жаковымъ, я окинулъ взоромъ столицу Савойи; на бульварѣ я видѣлъ всѣхъ гражданъ и гражда-

нокъ. Савоярки довольно милостивы; одѣваются просто, почти всѣ въ фаршукахъ и чепчикахъ. Дворянства здѣсь очень мало; оно скрывается въ уединеніи, для того, чтобы зимою явиться въ общество со всею пышностію; собираетъ девять мѣсяцевъ плоды для того, чтобы издержать ихъ въ три мѣсяца. Здѣсь строится небольшой театръ въ Испаніанскомъ или Русскомъ вкусѣ, по естѣ съ колоннадою. Казармы для пѣхоты и конницы, коллегіумъ и больница довольно красивы. Дома вообще прехъ-эпажные; но замѣчательнѣе одинъ только дворецъ или замокъ *Королевскій*—огромное готическое зданіе, плѣняющее величественною наружностію. На пригоркѣ, къ которому оно примыкаетъ, лежатъ два сада, одинъ дворцовой съ куртинами и аллеями, и другой городской, состоящей изъ четырехъ темныхъ каштановыхъ аллей.

Въ здѣшней кафедральной церкви я, видѣлъ умилительное зрѣлище. Въ часы вечерніе, когда волны народа носились по улицамъ и бульварамъ, семь молодыхъ солдатъ стоя-

ли на колѣнахъ передъ образомъ Божіей Матери и молились ей со слезами.

Изъ кафедральной церкви пошелъ я въ полицію; комиссаръ полиціи, который долженъ былъ подписать паспортъ мой, подалъ мнѣ стулъ, осыпалъ меня учтивостями и не замедлилъ представить мнѣ одного молодого человѣка, называя его моимъ соотечественникомъ. Я соскочилъ со стула; и такое невольное чувство удивленія, при такой неожиданной встрѣчѣ, весьма естественно. Но чѣмъ же кончилось? Г. комиссаръ ошибся; онъ полагалъ Москву, какъ кажется, въ Германіи, или Германію въ Москвѣ. Когда я вывелъ его изъ заблужденія; онъ съ просто-сердечіемъ и опроверженностію прибавилъ слѣдующій вопросъ: „а! такъ вы имѣете свой языкъ? Вы говорите по Русски, а не по Нѣмецки?“ — Я охотно прощаю невѣднію г. Комиссара. Онъ честенъ, ласковъ, хорошо исполняетъ свою должность; а эпитетъ добродѣтелей уже довольно и для предсѣдателей палаты. Но я не могу равнодушно слушать, когда ученые Швейцарцы и Французы говорятъ

важнымъ и рѣшительнымъ пономъ: „вѣдь
языкъ Русской и Татарской одинъ и пошъ
же?“ „Русскіе говорятъ Греческимъ язы-
комъ?“ „Русской языкъ есть нарѣчіе Нѣмец-
каго?“ — Мало того, что такъ думаютъ и
говорятъ, но и утвердительно пишутъ въ
своихъ книгахъ.

Конецъ II-й части.

ОПЕЧАТКИ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

стр., строк.	Напечатано:	Исправить:
7 4	Галемъ	Галлемъ
15 19	—	—
18 14	Карарскаго	Каррарскаго
22 19	—	—
41 21	у нее	у нея
44 1	Адджа и Эйзаха	Адджа (Эча), Изера и Лека
59 9	промышленность	промышленость
61 6	—	—
139 17, 18, 19	ни одного	ни одного
212 12, 13, 14	—	—
267 7	этого	этого
291 12	—	—
324 14	объ антикваріѣ	— антикваріи
330 13	самымъ	самимъ

